

МЕДИНА МИРАЙ

Цетокки

нашей реальности

РЕБЕНОК, НЕ
ЧУВСТВОВАВШИЙ
ТЕПЛА ОТ ДОМА,
СОЖЖЕТ ЕГО ДОТЛА,
ЧТОБЫ ОШУТИТЬ ЭТО
ТЕПЛО.

Медина Мирай
Истоки Нашей Реальности
Серия «Медина Мирай.
Молодежные хиты»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70035097

М. Мирай. Истоки Нашей Реальности: ООО «Издательство АСТ»;

Москва; 2024

ISBN 978-5-17-153196-6

Аннотация

Охота началась.

Отныне весь мир знает, кому принадлежит сердце «Зазеркалья Нашей Реальности», но его хозяйка еще не подозревает, в какой большой опасности находится.

Александра мучают угрызения совести за преступления, которые его каждый день вынуждают совершать. Но остановиться он не может – цена слишком высока. Его мечты о спокойной жизни вдали от королевских забот свелись к стремлению выжить, уберечь дорогих людей и не сойти с ума. Но сестра, искусно манипулирующая им из-за кулис, кажется, не собирается отпускать его даже после того, как он выполнит все условия сделки.

Перед Сашей Клюдером же стоят сразу несколько на первый взгляд непосильных задач: спасти свою страну, найти антидот от смертоносного вируса, выкосившего почти всех мужчин, разобраться в интригах своей новоиспеченной семейки, разгадать чудовищный заговор и побороть болезнь, которая когда-то вернула ему острый гениальный ум, но должна приблизить смерть...

Содержание

1. Анко	6
2. Последствия	13
3. Хрупкое спокойствие	30
4. Саша Марголис	50
5. Дружеский разговор	66
6. Вызов	76
7. Новое знакомство	87
8. Ночное происшествие	103
9. Сожаление	109
10. «За» и «против»	127
11. Еще одна причина жить	137
12. Гедалия Марголис	153
13. Подарок и неожиданная встреча	171
14. Забота	202
15. Крик души	212
16. Пытка	228
Конец ознакомительного фрагмента.	234

Медина Мирай

Истоки Нашей Реальности

© Медина Мирай, 2023

© Рыбчак М., иллюстрация на обложке, 2023

© Синцова Е., внутренние иллюстрации, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2024

*** * ***

1. Анко

– Саша! Ну же, Саша! Пусти на свою кровать, не будь жадиной.

«Жадиной», – повторил про себя германский принц, усталым взглядом ища злосчастный флакон с кондиционером для волос.

Лучи закатного солнца проникали сквозь высокие круглые окна ванной с рамами крест-накрест и падали точно на водную рябь бежевой ванны с малахитовыми вставками. Анко согнула колени, уткнулась подбородком в выглянувшие черные шарниры и украдкой посмотрела на Сашу, не забывая передавать через взгляд алых глаз негодование от холодности хозяина. Тот наконец нашел нужный флакон среди десятков бутылок в шкафу из черного дерева и вернулся к своему стулу без спинки.

– Нанесешь его сама. Пора учиться мыться самостоятельно. Ты не маленькая, чтобы я постоянно тебя купал.

– Ты меня сделал, принял за меня ответственность, вот и купай теперь, – буркнула она.

Саша сделал вид, что не услышал ее колкость, и поставил кондиционер на стул. У него не укладывался в голове такой простой просчет. А точнее, просчеты: после включения Анко выяснилось, что она не может мыться, есть и одеваться. Зато знает пять языков. Разброс в ее способностях был на-

столько абсурдным, что Саша не переставал удивляться.

– Я сказала, что не буду мыться сама.

– Тебе осталось смыть шампунь, нанести на волосы кондиционер и прополоскать их.

– Не буду. Почему ты такой злой? Почему не пускаешь к себе на кровать?

– По всей видимости, помимо базовых умений, я не загрузил в тебя еще и понятие личного пространства.

– Что еще за пространство?

Саша включил встроенный в стену душевой гарнитур и направил струю воды точно на голову Анко.

– У каждого человека есть потребность в покое, когда он может заняться чем душе угодно или отдохнуть. Чтобы обеспечить себе это, он создает свое пространство. Не всегда физически существующее. У каждого человека оно свое. Проникновение в это пространство может быть расценено человеком как угроза порядку и покою его мира. Кровать, к примеру, часть моего личного пространства, и ее использование другими я считаю неуважением по отношению к себе.

– Как-то это все слишком сложно! – Анко потеряла интерес к ответу на собственный вопрос после первого же предложения и медленно водила руками под водой, чувствуя приятное сопротивление.

– Говоря проще, у людей есть вещи, которыми они не готовы делиться, потому что считают их своей собственностью. И это не делает их, как ты всегда ворчишь, жадинами.

Стоит понять человека, – Саша понизил голос, – и отстать от него наконец.

Он выключил душ и принялся наносить на ее волосы кондиционер.

– Короче, ты просто эгоист. Так бы и сказал.

– Нет же, – устало протянул Саша, вновь включая душ.

Он уже не мог скрывать то, как его выматывала любопытная, неугомонная, временами наглая Анко. Провести бы в тишине хоть пять минут, но с тех пор, как в его жизни появилось это на первый взгляд хрупкое, но на деле смертоносное создание из облученного энергией ЗНР металла, тишину он мог послушать лишь ночью, и то при условии, что уступит ей кровать.

– Нет, эгоист, – твердила Анко.

Саша не собирался больше спорить и решил наглядно продемонстрировать это молчанием. Он уже не раз убеждался: чем больше будет доказывать свою правоту, тем с большим упрямством она будет настаивать на своем мнении.

– Ты даже не похвалил меня за рисунки, – обиженно напомнила она.

– Они мне не понравились. Не хотел расстраивать тебя критикой.

– И что же тебе не понравилось? – выдержав паузу, спросила Анко с нотками угрозы.

– Желтое гигантское солнце в космосе – это нереалистично. Желтым, оранжевым и даже красным его делает так на-

зываемое «атмосферное рассеяние»¹. В зависимости от времени суток – в большей или меньшей степени. Настоящий цвет солнца – белый, и из космоса оно выглядит как ослепительный белый шар.

– Зану-у-уда! Ты станешь плохим отцом.

– Я не планирую им становиться.

– Вот и хорошо. Вот и правильно. Спасешь детей от своего занудства.

Обиделась, со сдержанным смешком понял Саша. Он знал, что надолго ее не хватит. Впереди ужин, и только от него зависело, получит ли упрямица свой любимый батат с паштетом из авокадо, или, как это бывало, будет есть любимые принцем сэндвичи с ветчиной, сыром, ананасом и зернами граната. Анко не одобряла его предпочтения в еде, считая их отвратительными и немыслимыми, но угождать ей всегда и во всем он больше не мог: со временем она стала наглотать и повышать на него голос. Обуздать ее бунтарский, неуправляемый дух можно было только ограниченным выбором и молчанием. Рано или поздно, выплеснув возмущение и осознав, что ответа ждать не стоит, Анко успокаивалась. Попытки успокоить или угодить только раздували ее самолюбие.

Когда Саша смыл кондиционер и с мытьем волос было покончено, он взял из шкафа свернутое в трубочку белое по-

¹ Мы смотрим на Солнце сквозь воздух – через всю атмосферу Земли. Когда лучи света проходят сквозь атмосферу, длина волны меняется, поэтому мы видим Солнце не белым.

лотенце и протянул Анко.

– Вставай. Мы закончили.

Анко выпрямила ноги и легла в воду по подбородок. Она на секунду перевела на него хмурый взгляд, а затем вновь уставилась в потолок.

– Там уже должны вот-вот подать ужин, – напомнил Саша, глядя в сторону, – и, кто знает, быть может, если ты будешь вести себя хорошо...

Не успел он договорить, как в него полетели брызги воды, и черная рубашка с закатанными рукавами покрылась влажными пятнами. Ошарашенный внезапностью атаки, Саша уставился на довольную собой Анко.

– Ах ты! – с наигранной злостью воскликнула она, повиснув над бортиком и не сдерживая улыбку. – Решил подкупить меня любимой картошкой? Вот тебе!

Она набрала в ладони воды и брызнула ему в лицо так, что Саше понадобилось не меньше трех секунд, чтобы прийти в себя. Стоило протереть глаза, как он вновь попал под шквал мелких брызг, сопровождающихся победным девичьим возгласом: «Вот тебе, вот!»

– Что за ребячество? – возмущенно воскликнул он.

– Говоришь как злобный старик. А может, так и есть? Может, ты старик в теле подростка? – Она вцепилась в бортик. – Какой у тебя... э-э-э... ментальный возраст? Пятьдесят? Или сто пятьдесят?

Саша схватил со стула полотенце, оставленное для Анко,

и вытер им лицо.

Несносная девчонка. Неоднократно он пожалел о том, что решил впустить ее в свою одинокую жизнь. Он даже уже не мог вспомнить, почему решился на это. Из жалости? Он проникся жалостью, в сущности, к искусственному интеллекту, который знал пять минут, и когда тот оказался не нужен, вместо того чтобы разобрать его на детали и пустить их в работу над другими проектами, недолго думая, принял одно из самых судьбоносных решений в жизни – оставить его себе. Сделать частью крохотной зарождающейся семьи, которую он давно потерял. Дать японское имя, дабы сохранить ее корни, и принять в свой дом. Несмотря на тяжелый характер Анко – по сути, ребенок, коим и была Томико Маруяма при жизни, – он с теплом готовил для нее маленькие подарки и наслаждался проявлениями ее радости.

– Ладно, – Анко оттолкнулась от бортика, – я готова выходить.

Он положил полотенце на стул, резко опустил руки в ванну и плеснул водой в Анко. На долю секунды его лицо озарила редкая широкая добродушная улыбка, каждое появление которой было для Анко настоящим праздником. В такие моменты казалось, что воздвигнутая Клюдером стена исчезала, и она могла резвиться сколько влезет.

Следующие недолгие отрадные минуты прошли в водных играх, полных смеха и девичьих визгов. Но наступил момент возведения новой стены. Саша больше не улыбался, и пыл

его, мокрого по пояс, с распущенными слипшимися волосами, окончательно иссяк. Он обтер голову полотенцем, положил для Анко новое и молча вышел из ванной комнаты.

Анко жалобно свела брови и вновь согнула колени, обняв их руками. Одиночество, в котором старался оставаться Саша, было ей совершенно непонятно, и она не могла найти ни одной обоснованной причины, чтобы вести себя так отрешенно, заниматься сложными взрослыми делами, отказываться от любых развлечений и из улыбок позволять себе лишь ехидные и насмешливые. Анко казалось, что Саша почему-то боится проявлять себя с лучших сторон и, как черепаха, засел в неприступном панцире, который назвал личным пространством.

«Ну почему он такой? Почему не может быть другим? Почему такой взрослый, хотя еще подросток?»

И тогда она наконец поняла причину: «А может, ему пришлось рано повзрослеть?»

2. Последствия

После выступления журналисты обступили Анджеллину со всех сторон, не давая ей, взволнованной до дрожи, выбраться из зала.

Это было похоже на безумие. От десятков маячивших в свете прожекторов лиц голова шла кругом. Один раз кто-то чуть не врезал ей микрофоном. Вопросы сыпались ежесекундно, смешиваясь с неумолчным шелканьем камер и возгласами охранниц. В тот момент принцессе хотелось только одного – выбраться из этого водоворота и оказаться в тихом месте, чтобы хорошенько обдумать произошедшее.

Но Анджеллина чувствовала себя в ловушке. Все сказанное перед камерами и журналистами, транслировавшими ее слова на весь ошарашенный мир, казалось вымыслом и остатком растворяющегося в памяти сна.

Она призналась в этом. В том, что ЗНР стало ее частью. В том, что, возможно, отныне она и есть его живое неуязвимое воплощение. Но надолго ли?

Охрана окружила ее и шаг за шагом вывела из зала в комнату для подготовки к выступлениям. Следом туда зашла мать.

По ее побледневшему лицу и вытаращенным глазам сложно было определить, зла она или до смерти напугана. Даже когда она выкрикнула имя дочери и принялась в раздумьях

ходить по комнате, Анджеллина все еще не представляла, к чему ей готовиться.

Наконец Лавиния вдохнула полной грудью, выпрямилась и села в кресло напротив растерянной дочери.

– Зачем ты рассказала об этом? – Она пыталась унять дрожь в голосе, но тщетно. – Теперь они не отстанут от тебя. Я не уверена, что смогу тебя защитить, если только не отправлю на другой конец света и не запру в каком-нибудь бункере.

Она качала головой, смотря куда-то в сторону, и нервно прикусывала нижнюю губу.

– Прости, мама, – начала отвечать Анджеллина бесцветным голосом. – Я... Я думаю, что пора раскрыть правду. Теперь все знают о первопричине войны в Германской империи и об охоте на ЗНР. А учитывая, что отныне им владею я, они не станут...

– Да они на части тебя разберут! – Лавиния подалась вперед, и глаза ее наполнились слезами. – Мировой Совет отправит тебя на исследования под предлогом защиты и профилактики и выпотрошит, пока не найдет это проклятое ЗНР или не выяснит, как оно на тебя влияет, а твою смерть – не дай боже! – преподнесут как несчастный случай.

– Но я же живой человек. Они не опустятся до такого зверства.

– Ты очень плохо знаешь Мировой Совет. Мало кто из стран останется в стороне, а даже если и останется, то будет

пристально за тобой наблюдать.

Неуемный страх поселился в глазах Анджеллины, и мать, растроганная до слез, под села к ней и обняла дочь, поглаживая по волосам. Она заговорила тише, но оттого страх, горечь, злость и в то же время материнская любовь чувствовались Анджеллиной лишь сильнее:

– Неужели, доченька, ты думала, что после такого тебе позволят спокойно жить как раньше? Это все нужно объяснить. Заявить о неудачной шутке, дезинформации, да о чем угодно, лишь бы замылить им глаза и отвести от тебя внимание.

– Думаешь, они убьют меня? – прошептала Анджеллина.

– Я не позволю им даже пальцем к тебе притронуться, милая. Пусть только попробуют. Мне плевать на ЗНР, войну и интриги, которые они тайно плетут, нося маски непогрешимости и благородства, но если они хотя бы заикнутся о какой-нибудь проверке или эксперименте, я их убью.

– Мама! – Анджеллина отстранилась от нее. – Это не достойно королевы.

Лавиния ласково провела ладонью по ее щеке.

— Про титул можно забыть, когда речь идет о безопасности твоего ребенка. Но ты права, я вспылила. Учитывая, что ты принцесса Делиуара, который, по сути, принадлежит Марго-лисам, они вряд ли будут напирать и постараются сначала мягко намекнуть на обследование. Я поговорю с Дирком. Он поможет нам замять эту тему. Но отныне ты никуда не выйдешь без охраны. Прошу, только без твоих побегов, хорошо? Ситуация очень напряженная, я бы даже сказала, опасная, и ты должна безвылазно сидеть во дворце, пока все не устаканится.

— Ты думаешь, они поверят в то, что я все придумала?

— Как минимум им придется сделать вид из уважения к Дирку. Но опасность сохранится.

— Я все равно считаю, что поступила правильно. Быть может, навлекла на себя беду, но теперь исход войны может измениться. Великобритания под давлением Мирового Совета может отступить.

— Ох, доченька. Ты такая наивная, что душа разрывается от одной только мысли, сколько разочарований тебе предстоит пережить. Мировой Совет вряд ли что-то сделает.

— Что ты имеешь в виду?

К ним трижды постучались, и в дверной проем просунулась охранница со словами:

— К вам пришел Саша Клюдер и настойчиво требует встре-

чи.

– Мы сейчас не готовы...

– Нет, пусть заходит! – перебила мать Анджеллина и взяла ее за руку. – Позволь поговорить с ним наедине.

– Я хочу остаться. Отныне мне нужно знать обо всем, что тебе говорят.

– Тебе лучше выйти и успокоить журналистов.

Лавиния скривила губы.

– Хорошо, я что-нибудь придумаю.

Она поцеловала дочь в лоб и вышла из комнаты. Гомон журналистов за дверью усилился и отчетливо слышался, даже когда в комнату зашел Саша и закрыл за собой дверь на замок.

Анджеллина смяла брюки в кулаках и опустила виноватый взгляд. От судорожного вздоха принца сердце тревожно сжалось в преддверии разговора.

– Я не буду ругаться... – начал Саша приподнятым, но напряженным тоном, почти задыхаясь от волнения, точно пытался что-то внушить себе или сдерживался. – Это будет некультурно и некомпетентно с моей стороны кричать на королевскую особу... Даже если та поведала всему миру секрет и не только обесценила мои двухмесячные страдания в плену, но и подвергла опасности себя и целое государство!..

– Простите меня, Саша!

– Простите?! – удивленно уставился на нее он и встал напротив, качая головой. – О, принцесса, если бы проблемы

можно было решать так незатейливо! Вы просто... Просто... Я считал вас умным человеком, а вы оказались легкомысленной дурочкой, которая руководствуется эмоциями, а не логикой!

– Дурочкой?! – Она вскочила с места. – Да вы... Да как вы?.. Грубиян! Невелика разница между вами и уличным необразованным...

– Ты даже не представляешь, что натворила! Я два месяца молчал под нечеловеческими пытками, а ты взяла и...

– А никто и не обязывал вас молчать. Кто же виноват, что вы такой упрямый? И с каких это пор мы перешли на «ты»? Я вам этого не разрешала.

– О, простите мою оплошность! – Саша развел руками, и на секунду его лицо скривили насмешливая улыбка и жалобно вскинутые брови. – Нелегко соблюдать формальности, когда из-за эмоций одной легкомысленной принцессы к чертям летит судьба твоей страны.

– Я хотела как лучше! Я думала, что тем самым сбавлю градус напряжения.

– Тогда я начинаю сомневаться в ваших умственных способностях. Если такой метод кажется вам спасением положения, то что же вы тогда можете назвать его разрушением?

– Вы совсем не умеете говорить с людьми. Только сыпать сарказмом, грубить, оскорблять и принижать! Встали бы на мое место!

– На вашем месте я бы сидел дома и не высывался. И,

кстати, вся эта история с того и началась – с вашего прихода ко мне, потому что вы невыносимо любопытная и обожаете совать свой нос туда, куда не следует, хотя это с самого начала вас не касалось. Вы влезли в эту историю из чистого интереса, и теперь из-за вас под угрозой тысячи, если не миллионы, жизней, включая вашу. И разгребать все это должен я!

– Давайте, спустите на меня всех собак.

– Вы даже не понимаете, что натворили, верно? – грустно улыбнулся он.

– Я считаю, что поступила правильно. Ведь это затруднит положение политиков.

– Делиуару пришел бы конец, стань вы правящим монархом с такой логикой хоть на один день.

– Вы всегда смотрите на всех свысока.

– У меня хотя бы есть на это основания. А вы с чего вдруг решили, что способны что-то изменить? Если только, конечно, не в худшую сторону.

– Не кричите на меня!

– Я еще не начинал!

– У вас явные проблемы с контролем эмоций.

– И это я слышу от вас? Человека, который на эмоциях подверг опасности кучу людей и себя в том числе?

Обезоруженная его замечаниями, Анджеллина отшатнулась и сжала кулаки. Мысли спутались так, что было ничего не разобрать. Принятие его доводов давалось ей с трудом. В глубине души она не желала принимать свою ошибку: стои-

ло задуматься об этом, как от досады и угрызений совести глаза начинали жечь слезы. Но чем дольше она смотрела в его холодные глаза, отражавшие не то злость, не то страх, тем сложнее это удавалось. И потому она лишь могла защищаться, бессмысленно стараясь убедиться в собственной правоте.

– Вы невыносимый, грубый и невоспитанный человек, лишенный чувства такта и уважения к другим.

– В гробу я видел ваше чувство такта!

– Слышать вас не желаю!

– Какое совпадение! Хоть в чем-то наши желания сошлись, ведь я тоже теперь не желаю ни слышать, ни тем более видеть вас.

– Вот и прекрасно. А теперь извольте покинуть эту комнату. Говоря на вашем языке, проваливайтесь.

– С огромным удовольствием, Ваше Высочество.

Она резко опустилась в кресло и воинственно скрестила руки на груди.

– Все равно я считаю, что поступила правильно. Вот увидите, вам станет только лучше!

– Велик соблазн разбить ваше ликование одной простой истиной, но лучше оставлю вас в сомнениях и пожелаю своим коллегам по Мировому Совету удачной охоты на вас.

– Какой истиной?

Внезапно все перед глазами Анджеллины потемнело. Кровь схлынула с лица принцессы, на лбу выступила испарина. Сердце забилося в груди так сильно, что принцесса слы-

шала только его громкий стук, а звуки извне стали приглушенными и далекими, будто за толстым стеклом. Будучи не в силах усидеть, она схватилась за голову и откинулась на спинку кресла.

К ней подоспел Саша.

– Что с вами? – Он взял ее за холодную руку.

– В глазах потемнело, – едва выговорила она. – Ничего, сейчас пройдет. Дайте мне, пожалуйста, воды.

Он взял со стола графин, наполнил стакан и, придерживая Анджеллину за спину так, чтобы она выпрямилась, протянул ей воду. Сделав пару громких глотков, она жестом указала убрать стакан и закрыла глаза. На веках проглянули розоватые сосуды.

– Вам нужно прилечь и отдохнуть.

– П-простите меня, Саша, – заговорила она тихим жалобным голосом. – Вы правы. Во всем правы. Все это из-за меня. Из-за моего любопытства. Ничего с собой не могу поделать. Но я не желала зла ни вам, ни вашей стране. Я заявила на весь мир, что ЗНР стало частью моего существа, потому что действительно верю, что это станет ультиматумом для тех, кто захочет его забрать. Но мама, как и вы, считает иначе. – Она заглянула ему в глаза. – Мне так жаль, что вам пришлось перенести все эти ужасы в плену. Саша, мне правда жаль.

Он сглотнул, опустив глаза.

– Почему вы не рассказали мне о способности к регенерации?

– Не знаю. Не могла найти подходящего момента. Простите меня, Саша. За все простите. Я столько вам наговорила на эмоциях. По правде говоря, я действительно не до конца осознала, что сделала. Вы сможете меня простить?

– Я тоже сказал много лишнего, хоть все равно считаю, что все мои недовольства обоснованы.

– Вы безусловно правы.

– Но все же моя грубость была лишней, так что... Примите и вы мои извинения.

Она кивнула и расслабленно опустила плечи.

– Мне стало легче. Так о какой истине вы говорили? И, кстати, что означали ваши слова тогда? Как это вы больше не Клюдер?

Выдержав паузу, дабы собраться с мыслями, Саша неторопливо, с трудом вытягивая из себя каждое слово, рассказал о заключенной с Дирком сделке и об унижительном родстве с ним. Анджеллина слушала внимательно и молча, что, учитывая ее любопытство и излишнюю эмоциональность, не могло не удивить. Он списал ее спокойствие на бессилие после приступа. На деле же принцесса просто не могла подобрать слова.

– Вы сын Дирка Марголиса?

– Внебрачный. Забавно, что именно я оказался сыном нимфоманки и законченного извращенца и самого отвратительного для меня человека в одном лице. Плодом разврата и измены, – грустно улыбнулся он и хлопнул себя по коле-

ням. — Такая вот ирония, принцесса.

Не нужно было объяснений и лишних слов, чтобы понять, насколько неприятной для него являлась эта правда. Хуже было лишь принятие фамилии ненавистного человека. Все ради мира.

— И теперь мистер Марголис перестанет финансировать войну? Но ведь Делинда сможет продолжить ее на собственные деньги.

— Уверен, она хорошо потратилась и на наемников, и на создание горгонов. Поэтому надолго ее не хватит. Дирк полагает, что на несколько недель. И все же опасность сохраняется. Она может ускориться или сразу перейти к бомбардировке Берлина. В любом случае Дирк обещал прервать финансирование только после моего официального признания в качестве его сына.

— Но, Саша, это ведь уничтожит репутацию Клюдеров.

— Я знаю, — снова грустно улыбнулся он. — После всех обвинений, которые повыскакивали сразу после моего появления на политической арене, думаю, Клюдерам ее уже давно уничтожили, так что мне нечего терять, кроме своей гордости. Но кто об этом узнает, принцесса? Люди будут мне только завидовать. — Теперь на его лице расплылась насмешливая улыбка, и взгляд устремился куда-то вперед. — Представляю лица членов Мирового Совета, когда они узнают об этом.

— А когда будет объявление?

— Завтра вечером Дирк закатывает большую вечеринку в

своём отеле. Будет много журналистов. Там он и объявит о нашем родстве.

– Мир после этого не будет прежним.

– Кто знает. Надеюсь, мое унижение окупится.

– Но ведь получается, что я все испортила.

– Да, тяжело отрицать: вы добавили мне проблем, причем довольно серьезных, но я надеюсь, что впредь вы будете осторожнее и начнете думать, прежде чем говорить. – Из его уст это прозвучало как дружеское наставление, хоть и было произнесено устало. Саша встал и принялся расхаживать по комнате. – А теперь давайте проанализируем наше положение. По поводу войны я уже все разъяснил. Учитывая вашу связь с Делиуаром и косвенную связь с Марголисами, политики не станут на вас напирать. И все же они, вероятнее всего, попытаются намекнуть вам или вашим приближенным на то, что вас нужно проверить ради вашего же блага. Это стоцентная ловушка. Нельзя допустить, чтобы вы хоть раз попали к ним даже на чашечку чая. Их следующим шагом станут эксперименты над вами. Они могут применить методики, схожие с «МК-ультра». Для этого им даже не обязательно будет заперать вас.

– «МК-ультра»?

– Масштабная программа ЦРУ для манипулирования людьми в различных целях: от внедрения подопытных в секретные структуры врага и выпытывания информации до создания живых кукол для личного пользования. Ее широко

применяли во второй половине прошлого века, и часто пациенты даже не знали, что стали частью жестоких экспериментов. Довольно опасная и очень подлая методика, которой официально уже давно не существует, но, судя по некоторым данным, они продолжают свою деятельность. Уже в те времена они делали успехи, а каких высот достигли в применении этой программы сейчас, даже представить страшно. Так что вам нужно быть бдительнее. Ни на минуту нельзя оставаться одной. Помимо всего прочего, ЗНР оказывает на вас любопытное, но все же опасное для здоровья влияние, которое в конечном счете...

Внезапно он вспомнил слова Авроры о невозможности спасения в случае полного принятия ЗНР и умолк, застыв в незаконченном шаге.

Точно. Помимо всего прочего, нужно придумать, как спасти Анджеллину.

– Что в конечном счете? – Почувствовав прилив новых сил, Анджеллина оттолкнулась от спинки кресла, чтобы встать.

– Сидите, – задумчиво глядя в пол, повелел принц.

Анджеллину смутил его холодный тон, но она не подала виду, справедливо посчитав, что после своей ошибки не имеет права выказывать недовольство. Но тут он вскинул брови, точно поймал какую-то важную мысль, и его напряжение сменилось удивлением.

– Что случилось? – не унималась принцесса. – Простите,

что напираяю, но вы меня знаете. И ваше лицо меня пугает.

– Все в порядке. Я оговорился. Я должен еще раз проверить вас, чтобы убедиться, что ничто не угрожает вашему здоровью.

– Да, конечно. Буду только рада. Поедем сейчас?

– Вам уже лучше?

Схватившись за подлокотник, она встала.

– Хорошо. Тогда собирайтесь.

– Как вы думаете, что будет делать Александр?

Можно было решить, что Сашу застали врасплох. У него не было возможности принять непринужденный вид и подготовить ответ, который не вызовет еще больше вопросов.

– Думаю, он ляжет на дно. – Принц не смел поднять на нее глаза, будто боясь, что Анджеллина увидит через них все, что видел он тем неприятным вечером. Он схватился за лоб и дал себе слово, что оставит это в тайне. – Как вы знаете, Александр лишь лицо войны и фактически ею не руководит. Делинда его сильно подставила. Если Великобритания проиграет, то его могут казнить.

Анджеллина неосознанно открыла рот и, казалось, перестала дышать. Она еще не задумывалась об этом всерьез, и теперь, услышав объяснение из уст рассудительного друга, наконец прозрела и затараторила:

– Мы не можем этого допустить, Саша. Во всем виновата Делинда, казнить должны ее. Это несправедливо.

– Вы давно встречали справедливость на этой войне? – он

убрал руку со лба и взглянул на нее с толикой сурового осуждения. – Я вот никогда. В случае проигрыша Делинда может легко сбежать хоть на другой край света, даже если вскрыется, что за Александром стоит она. В любом случае для Мирового Совета и всего мира он с самого начала, – неважно, по каким причинам, – был причастен к этому безумию, и его заставят за это ответить, если только он тоже не успеет сбежать.

– Но вы ведь поможете ему?.. – Заметив недоумение Саша, Анджеллина поспешила добавить: – Я знаю, что вы стараетесь разглядеть в нем друга, даже несмотря на то что по его вине, хоть и отчасти, гибнут ваши люди, но все же, если его схватят, прошу, проявите милосердие. Отныне вы, став Марголисом, будете обладать достаточной властью, чтобы повлиять на решение суда.

Только произнеся это, Анджеллина поняла, что сболтнула лишнего, и тут же умолкла.

– Вы хотите, чтобы я воспользовался властью Марголисов? – В голосе Саша прослеживалась нарастающая, едва сдерживаемая угроза.

– Простите, но... вы перенесли такое унижение, приняв фамилию отца и став частью его семьи. Так почему бы... не использовать все обретенные возможности, чтобы окупить это унижение?

Саша признал, что впервые за долгое время услышал от Анджеллины по-настоящему дельную мысль, которая не вы-

звала в нем протеста. И все же пользоваться преимуществами Марголисов было по-прежнему унижительно. В глазах Дирка это могло выглядеть как смирение перед ним. Саша давно заметил, как наслаждается ненавистный отец каждым проявлением его эмоций, и не было сомнений, что он будет тихонько, а может, и в открытую насмехаться над ним, подбирая слова так, чтобы задеть его и вывести на агрессивный ответ. Если и выжимать из Марголисов все возможное, думал Саша, то делать это с гордо поднятой головой и без лишних слов, чтобы не дать мерзавцу лишних поводов потешаться над ним.

Из гордости Саша не собирался соглашаться с Анджелиной, но расслабленно, точно ему не было до этого дела, кивнул и с большим нежеланием пообещал про себя подумывать над ее предложением, хотя в глубине души уже принял нелегкое решение.

– Нам нужно в замок. Пусть телохранительницы вашей матери сопровождают нас.

3. Хрупкое спокойствие

Хотя солнце было высоко, в небольшом особняке, облицованном состаренным кирпичом и окруженном вечнозеленой лужайкой и деревьями, можно было легко спутать вечер с днем. Потому в некоторых комнатах всегда, за исключением ночи, работал свет.

Каспар любил легкий полумрак. Порой, когда солнце заглядывало в комнату, он намеренно задвигал шторы его любимого цвета – бычьей крови, – усаживался в кресло у окна, откладывал костыль, проглатывал обезболивающее, предписанное врачом два раза в день, и старался сосредоточиться на своих мыслях. Так он поступил и сейчас.

Покой прервала звучная трель от ноутбука на столе перед ним. Он открыл крышку и принял звонок. На экране высветилось лицо Шарлотты.

– Этот рядом? – спросила она холодно.

– Александр? Нет, он внизу.

Она покосилась в сторону и тяжело вздохнула.

Иной раз Каспар не удивился бы ее отрешенности и гримасе отвращения. Но ведь он знал их причину.

– Уже видела?

– Еще бы! – вдруг воскликнула она натянутым высоким голосом и развела руками. – Как такое вообще можно пропустить? Ты... – Недобрая усмешка и следом горечь в едком

голосе. – Ты просто превзошел себя. Знаешь, даже до того, как заговорили о твоей связи с этим преступником, я столько всего хотела тебе сказать. Поругаться хотя бы из-за того, что ты не вернулся к своим детям, несмотря на все риски. А теперь... – Она пожала плечами и сглотнула, не переставая горько улыбаться. – Ты хочешь знать мое мнение?

– Я знаю, что ты скажешь. – Каспар вложил все свое понимание в эти слова. Справиться с эмоциями Шарлотты всегда было непросто. – И я не возьмусь с тобой спорить.

– Ты что-то с ним сделал? Развратил его?!

– Боже, Шарлотта, конечно же нет!

– Тогда объясни мне, почему появилась эта информация?

– Я не видел смысла спорить с этим...

– Не ищи отмазки! Ты же мерзавец, Каспар. К-как, объясни, мне смотреть в глаза девочкам после этого? Ладно, я могу не придавать значения тому, что король только несколько месяцев назад перешагнул порог совершеннолетия, но как прикажешь смириться с тем, что родной отец детей, которых я люблю, кажется, больше, чем ты, находится с жестоким убийцей, каждую минуту убивающим германцев из-за... мести? Какого-то Зазеркалья чего-то там? Да плевать, ради чего, даже если от этого зависит его жалкая жизнь. Почему, ответь мне, сразу после этого ты не улетел к своей семье?!

Каспар снизил звук на ноутбуке. Глубоко в душе, в той ее части, что еще не одурела от любви, он признавал, что Шарлотта права. Он и сам неоднократно говорил себе то же са-

мое, но затем старался отвергать подобные мысли. Он убеждал себя в собственной оправданной, но ненавистной беспомощности, исходя из четырех вещей: дети далеко и уже в условной безопасности; Александр один и нуждается в помощи; за войной стоят люди, с которыми никому не потягаться; в случае сопротивления в опасности будут все, кто дорог Каспару. Поступить с преступниками так, как легко он смог поступить с Адамом, не выйдет. Как все это объяснить Шарлотте, не вызвав у нее панику?

– Не зря он мне никогда не нравился. Из-за него, а точнее, из-за твоей жалости к нему ты собственными руками рушишь остатки своей семьи.

– Я люблю своих дочерей, – чуть повысил Каспар голос. – Но и он мне дорог. Ты рядом с девочками, а рядом с Александром никого нет. Он нуждается во мне...

– Ни за что не поверю в эту чушь! – Она ударила кулаком по столу. – Когда ты в последний раз говорил с дочерьми?

– Вчера. Они сказали, что ты отошла в магазин.

По ее лицу Каспар понял, что ответ ее удовлетворил. Но лишь отчасти.

— В каком деле этот король нуждается в тебе? Помогаяшь ему с убийствами? Сам чуть не погиб из-за него. Когда же до тебя наконец дойдет, что от него одни проблемы. Ничего хорошего за десять лет службы ты ни от него, ни от его семьи не получил.

— Я не могу рассказать тебе все. Ради вашей же безопасности. Все гораздо сложнее, чем тебе кажется.

— В чем заключается эта сложность? Сесть на самолет и прилететь к родной семье. Каспар... — Она продолжила сдавленным шепотом: — Тебя же посадят! И это в лучшем случае. Ты пойдешь как соучастник этих преступлений, даже если в глаза не видел ни одну из жертв. Хочешь оставить своих детей еще и без отца? — продолжала она повышать голос. — Клянусь, будь у меня возможность, я бы убила твоего Александра, как и любой здравомыслящий человек. Кто-то скажет, что его следует судить, но ни одно наказание не будет равноценно той боли, что он причинил людям.

— В этом нет его вины! — прикрикнул Каспар.

Шарлотта сжалась и несколько секунд с раскрытым ртом и распахнутыми глазами сидела неподвижно. Она не раз кричала на него до вздувшихся на лбу вен, но никогда еще на нее не повышал голос сам Каспар. Агрессия всегда воспринималась им как признак первобытной грубости, которую он ис-

коренил в себе за годы работы, подразумевавшей не только сопровождение Александра и готовность закрыть его собой, но и хорошие манеры. Он уставился в пол с растерянным, виноватым видом.

– Прости. Пожалуйста, прости. Это было лишним. Я не могу приехать так просто. Знаю, ты и без этого ненавидела меня, но, прошу, поверь, у меня нет возможности вернуться. Даже если вернусь, это не даст никому из нас гарантий безопасности.

– О чем ты?

– Это сложная история. Я не могу отступить. Не только потому, что привязан к нему, но и потому что люблю вас. Я не переживу, если с вами что-то случится. Он не такой, каким все его видят. С ним поступили несправедливо. Я знаю его другим и верю, что он достоин лучшего.

Из-за нечеткого изображения Каспару показалось, что у Шарлотты выступили слезы.

– Тебя могут казнить вместе с ним, – продолжила она тихо. – Что нам тогда делать?

– Вероятность мала. И об этом я тоже не могу рассказать. Прошу, Шарлотта, не давай девочкам смотреть новости, а если они все-таки что-то увидят, придумай что-нибудь.

Она молча кивнула.

– Ты правда не можешь его покинуть?

– Да.

«Но очень дорого это всем обходится», – с каждым днем

эта мысль и сопутствующие ей сомнения становились все явнее.

– Как нога?

– Лучше. Каждый день приходят врачи и проводят процедуры. – Каспар оглянулся на медицинскую передвижную установку в углу комнаты. – Этим дорогостоящим лечением, к слову, я обязан только Александру. Если бы не он, меня бы ждал паралич. Поэтому остаться рядом с ним – меньшее, чем я могу его поблагодарить.

– Получается, все так серьезно?

Каспар чувствовал: она готова поверить в это, закрыв глаза на свою неприязнь к королю.

– Серьезнее, чем... – Он тут же пожалел, что решил ответить именно так – честно и без увиливаний. Реакция Шарлотты могла быть непредсказуемой, и она легко могла принять это за оскорбление памяти Греты.

– Говори с девочками чаще, – только и ответила она.

– Я позвоню им ближе к вечеру.

– Они очень скучают по тебе.

– Как и я по ним. Но сейчас мне нужно быть здесь.

Шарлотта кивнула и завершила звонок. Пожалуй, тяжелее, чем сейчас, Каспару было лишь в момент признания Александру, разделившему его жизнь на «до» и «после». Определенно, улетит он тогда в США, многое могло бы сложиться иначе. Многое, но не все: Александр по-прежнему служил бы Делинде ради него, только был бы в окружении

врагов в одиночку. Каспар не мог оставить его не только потому что был привязан к нему, но и из чувства долга и вины перед ним.

– Все в порядке? – слышалось у двери.

Каспар не заметил, когда поднялся Александр. Он прошел в комнату и сел на подлокотник его кресла.

– Все хорошо.

– Ты выглядишь очень уставшим. Как насчет дневного сна после сытного обеда? Я как раз говорил с поваром о наших блюдах.

– Не отказался бы. – Каспар прижался щекой к груди, ощущая, как тонкие холодные пальцы перебирают его волосы на макушке. – Ты доверяешь персоналу?

– С чего такие вопросы?

– У тебя много недоброжелателей. Вдруг они отравят еду?

– С подбором персонала мне помог Дирк. Проблем быть не должно.

– Почему ты так в этом уверен?

Каспар почувствовал, как чаще забилось сердце короля, и недоуменно оторвал щеку от его груди.

– Ему ни к чему вредить нам, – ответил Александр не сразу. – Он скорее на нашей стороне, нежели на стороне Делинды.

Внимание привлек нарастающий гул с улицы.

– Сиди здесь, – Александр встал и направился к выходу. Вертолет приземлился на площадку во внутреннем дворе.

Лопасты начали замедляться, но создаваемый ими ветер еще мешал Александру подойти близко. Из кабины выпрыгнула Робин в черном военном костюме. Ветер растрепал ее собранные в высокий хвост волосы, отчего те лезли ей в лицо.

– Ваше Величество!

– Есть новости?

Она кивнула и мотнула головой в сторону особняка.

– Нам лучше поговорить внутри.

Заметив из окна гостью, обслуга тут же принялась за приготовление закусок. К тому моменту, когда Александр и Робин зашли в гостиную, у кресел и столика с зажженным камином их ждала горничная с тележкой. Пока она расставляла угощения и разливала цветочный чай, Кац сняла куртку, села в кресло и, переведя дыхание, начала отчитываться:

– Они ускорились. Не пройдет и двух недель, как уже будут в Берлине.

Александр опустился на кресло и кивнул горничной в сторону выхода. Она склонила голову и удалилась, закрыв за собой дверь.

– Вы ведь уже видели то объявление?

– Еще не успел ничего посмотреть из новостей и писем. – Он взглянул на часы. Половина первого. – А что случилось?

– Анджеллина Норфолк заявила в прямом эфире, что сердце ЗНР проникло в ее тело. Теперь она обладает способностью к регенерации.

Ошарашенный этим известием, Александр едва не про-

лил на себя чай. Ему и в голову не приходило, что принцесса решится заявить о таком на весь мир.

– Зачем она это сделала?

– Вероятно, чтобы запутать Делинду. Когда она узнала об этом, то очень взбесилась. Ведь это затрудняет ее положение. Да и ваше тоже.

– Целью войны изначально был предмет, а теперь им стал человек, к которому будет приковано все внимание.

– Есть вероятность, что могут появиться другие люди, которые объявят за ЗНР охоту. Еще недавно некоторые европейские страны допускали возможность участия в войне, но теперь, вероятно, передумают и будут действовать осторожно. И никто еще не знает, можно ли вытащить из Ее Высочества сердце ЗНР. – Робин попробовала отпить чай, но обожгла губы и поставила чашку на блюдец.

– А что по обстановке на базах?

Она посмотрела на него в упор, словно хотела телепатически донести свои тревожные мысли. Знала: скажет хоть слово, и прорвется тьма откровений.

– Так что же?

Она сгорбилась, опустив плечи. Открыла рот, но никак не набиралась смелости ответить.

– Робин?

– Они чудовища, Александр. – Глаза ее задрожали от наворачившихся слез. – А попробуешь помешать чьей-то попытке, как... начинают подозревать в предательстве и угрожают

расправой на месте – вы же знаете, как ситуация обострилась после Теры... Пленных уже перестали свозить на базу в Грейт-Ярмуте. Говорят, это ни к чему, если можно держать их и в Куксхафене. – Из груди девушки вырвался прерывистый вздох. – Простите, Ваше Величество, вы правильно говорили в самом начале, что мне следует уйти. Я действительно не была готова к такому, когда соглашалась. Не думала, что Делинда опустится до подобных зверств. Стоило, конечно, догадаться после пыток Саши Клюдера, но была надежда, что хоть ни в чем не повинных детей не будут так жестоко разлучать с их матерями и держать в холодных камерах. Не от пули и ножа, так от какой-нибудь болезни они рано или поздно умрут. Не знаю, о чем думает Делинда. Как после такого к нам будет относиться мир? Как вообще смотреть в глаза собственным гражданам, ставшим свидетелями нашей чудовищной агрессии против другого народа ради какого-то проекта? Они никогда нас не простят.

Александр сглотнул горький ком. На секунды в груди разлилось отрадное тепло от мысли, что он мог бы убить Делинду и покончить со всеобщими страданиями. Всего один выстрел или взмах ножа, и всему придет счастливый конец. Всему, кроме их с Каспаром жизни. Ни на минуту он не задумывался о том, стоило ли все это сделки с дьяволом в виде сестры, но бывали моменты перед сном, после прочитанного отчета о захваченных землях и ракетных ударах, когда его почему-то посещали мысли о парне из книги «Мартин

Иден», перечитанной Каспаром недавно.

Робин стерла слезы с пылающих щек, шмыгнула носом и произнесла твердо:

– Простите.

– Нет, это ты прости. Я должен был настоять на твоём уходе. Я втянул тебя в это грязное дело. Ты должна уйти.

Робин и сама понимала это. Война оказалась куда страшнее, чем она представляла, и преданности Александру теперь было недостаточно, чтобы она могла усыпить свою совесть и остаться с ним хотя бы из жалости.

– Не могу уйти сейчас. Они захватывают один район за другим, даже без горгонов. К слову о них. Вся система дала сбой, использовать их теперь невозможно.

Александр скрестил руки.

– Да, мне уже доложили. Уверена, что не хочешь уйти сейчас?

– Я хочу закончить начатое.

Александр не подал вида, что глубоко тронут.

– К слову, Делинда просила передать вам лично, чтобы вы как можно скорее приехали на базу. И отвечали на все звонки. Она звонила вам утром.

– Я не показывался на базе. Виновника должны периодически видеть, верно?

– Может, есть другой выход для нас всех, чтобы уйти от этой войны?

Сдерживая внутреннюю дрожь, Александр взглянул на

нее с подступившими слезами и горько улыбнулся.

– Для меня выхода нет. Только для тебя.

Три стука в дверь.

– Да? – Александр поспешно стер слезы.

В гостиную прошла горничная.

– Ваше Величество, к вам пришел Дирк Марголис.

От одного лишь имени кровь застучала в висках и тело пробрала холодная дрожь. Александр не мог найти в себе силы ответить.

– Ваше Величество?... – повторила горничная.

– Скажите ему... что я подойду.

– Хорошо. Он будет ждать вас во второй гостиной.

Робин не могла пропустить такую резкую смену состояния Александра.

– С вами все в порядке? – потянулась она к его вздрагивающей руке.

– Не тронь меня! – Он ударил ее ладонь и вскочил с кресла. – Никогда больше не смей прикасаться ко мне без моего разрешения!

Робин замерла, точно статуя. Дрожащие губы выдавали ее растерянность.

– Простите, это больше не повторится.

Где-то в душе Александра шелохнулось чувство вины перед подругой, но пока все его естество было занято бесконтрольной затаенной ненавистью, он не мог уделить этому внимания. Потом, думал он, когда успокоится и от слез все

не будет расплываться перед глазами.

Что, если Дирк передумал и пришел с новым предложением? От одной только мысли об этом кровь заледенела в жилах.

Сейчас главное не расплакаться перед Марголисом. Лишить его удовольствия видеть Александра слабым и сломленным, не подать вида, что надругательство возымело такое сокрушительное влияние на его сознание и жизнь. Пусть все выглядит так, словно ничего не произошло.

Горничная провела его ко второй гостиной и распахнула перед ним дверь. Дирк уже сидел в кресле и потягивал сигару. Знакомый кислый и отвратный аромат.

– Имел честь слышать вашу маленькую истерику. Решили воздвигнуть границы личного пространства?

Александр планировал говорить расслабленно, даже дружелюбно, но в последний момент что-то в его голове щелкнуло, и он процедил сквозь зубы:

– Что вы здесь делаете?

Дирк насмешливо вскинул бровь и тростью с серебряной рукоятью указал ему на место напротив. Александр нехотя сел в кресло.

– Полагаю, вам очень скучно здесь, учитывая, что Каспар теперь временно инвалид. Судя по всему, ниже пояса у него все в порядке, несмотря на травму, но все равно какое-то время, пока он не поправится, вам придется воздержаться от простых удовольствий.

Александра глубоко возмутили его слова. Раньше он старался подбирать каждое слово, чтобы ни одно из них не вызвало в Дирке злость или неприязнь, но терпение иссякало, и король чувствовал, что наступит день, когда он без зазрения совести выскажет Марголису все, что мучило его долгое время, и будь что будет. Пока же он только начинал понемногу и осторожно демонстрировать свое негодование от присутствия и непристойного поведения гостя:

– Вас это не должно интересовать. И это далеко не самое главное.

– Да-да, конечно, все так говорят, пока не начинает ныть ниже пояса от одной только мысли...

– Мистер Марголис, вы пришли сюда, чтобы поговорить об этом?

– Нет, что вы. – Дирк стряхнул пепел на кашемировый ковер. – Это так, вступление. Я пришел обрадовать вас. Уже завтра в моем отеле состоится одно из важнейших в моей жизни мероприятий. Вас ждут приятная компания, музыка, изысканная еда и просто возможность поучаствовать в светской жизни. Так что я пришел, чтобы лично пригласить вас.

– Вы смеетесь? Быть может, вы запомнили, кем я являюсь для людей?

– Убийцей и преступником, но таков Александр Каннингем. А если взять другое имя и прийти в каком-нибудь образе, в котором вас никто не узнает? – Он потушил сигару о подлокотник кресла. – Ну же, Александр, не отказывайтесь

от удовольствия приятно провести вечер. Вы же не хотите хоронить себя в этом мрачном особняке, пока ваш возлюбленный не начнет ходить без костыля?

– Я не отважусь ходить на развлекательные мероприятия в такие времена.

– Какая жалость! – хлопнул Дирк ладонями. – Ладно, не пропустите новости! В десять часов вечера начнется шоу-программа, а там и до моего объявления недалеко.

– Объявления?

– Уверен, вам оно понравится. Или нет. Или вы и вовсе останетесь равнодушны. Вы у меня король с нестабильным настроением, так что сложно предугадать, как вы к этому отнесетесь. – Марголис отхлебнул виски и поставил стакан на стол. – А теперь к простым делам. Знаете, с вашим воздержанием я поспешил, ведь ласки иных видов, не требующих особой физической активности, никто не отменял. – Он изобразил кольцо рукой, приблизил к своему рту и с легкой усмешкой вернул ее на подлокотник. – Но что-то мне подсказывает, что вы в этом не преуспели. Тяжело вам будет.

– Пожалуйста, хватит! – Александр не мог унять дрожь в коленях. – Мне невыносимо слышать о таком. Я не желаю думать об этом. Сейчас меня волнуют другие проблемы.

– Которые вы не очень-то спешите решать. – От наигранного энтузиазма Дирка не осталось и следа. – Давайте честно, Александр. Вы продали себя, свою страну – и в придачу чужую – Делинде в обмен на свободную жизнь. Неоправданно

жестоко, я считаю, и совершенно невыгодно. В чем смысл, юный король? Если вы так стремились быть любимым, получать поддержку, то необязательно было идти на такие жертвы. Вам достаточно было найти непроблемного человека, который с удовольствием удовлетворил бы все ваши запросы. Зачем так усложнять? Торчать здесь, вдали от своей страны, ввязавшейся в грязную войну против ни в чем не повинного народа, в постоянном стрессе и беспомощности, ради обещания свободы, данного совершенно бессовестным человеком, который это обещание может легко разрушить. Вы заключили крайне невыгодную сделку. Оплата не окупит ваших трудов.

– У меня не было выбора.

– Да у вас их полно. Просто вы не готовы к радикальным решениям проблемы и жертвам. Саша на вашем месте за свою страну собственноручно убил бы человека вроде Каспара. Вы же, как оказалось, тот еще эгоист... – Он наклонился вперед и сцепил руки в замке. На лице расплылась зловещая ухмылка. – И это очень любопытно. Это не может не вызвать улыбку. Я пытаюсь понять, как в вас сочетаются доброта и жестокость, непорочность и извращение, эгоизм и жертвенность, равнодушие и одержимость, смелость и трусость. В итоге вы все равно очаровательны. К вам просто невозможно не проникнуться.

– Это бесчестно.

– Мой милый король, давайте напрямую: у вас нет ни кап-

ли чести. Вы мало чем отличаетесь от своей сестры, только мотивы ваши эфемерны, что делает их глупыми, и ваши каннингемовские качества в вас пока спят... Интересно, когда же они пробудятся? Вы во многом жалки, но все же вам стоит отдать должное. Вообще-то даже мне сложно понять, кто из вас с Сашей поступил хуже: он, наплевавший на себя ради во многом неблагодарных людей, или вы, наплевавший на чужие жизни ради жизни своей и Каспара. Это действительно настоящая задачка. И я с удовольствием буду искать на нее ответ.

– А как бы вы поступили на моем месте?

– Я бы на ваше место никогда не попал. Я умею, в отличие от вас обоих, правильно расставлять приоритеты и не стал бы страдать ни ради народа, ни ради одного человека.

Казалось, еще секунда, и слезы бесконтрольно потекут по щекам. Из-за сдерживаемых эмоций Александра мучила мелкая дрожь.

– Пожалуйста, уходите.

– Вот видите! – Дирк вновь хлопнул в ладоши. – Вы боитесь даже меня, а ведь я не причинил вам столько вреда, сколько та же Делинда. Не можете, как Саша, к примеру, послать меня куда подальше, – хотя страшно этого хотите, – а ведь над его жизнью я имею большую власть, чем над вашей. В бунтарском духе и силе воли он дал бы любому сто очков вперед. Просто поразительно, как задавили ваше «я», что вы никак не можете его отстоять и терпите меня сейчас. Толь-

ко вот притворяетесь плохо. Прекрасные глаза выдают ваши страх и ненависть ко мне.

Он встал. Покачивая тростью и напевая легкий мотив, прошел к выходу. Александр не смог обернуться, чтобы проводить его. Дирк открыл дверь сам.

– Я искренне надеюсь, что однажды вы разберетесь со своими тараканами в голове и наконец-то найдете золотую середину между желанием сердца и чувством долга. Тогда у нас с вами сложится хороший диалог. А может, и что-то большее. Берегите себя, Ваше Величество.

Долгожданный щелчок. Дирк покинул гостиную, оставив в ней аромат своего восточного парфюма, так напоминавшего Александру о его предательстве.

Горячая слеза скатилась к дрожащим губам. Пальцы судорожно сжали подлокотники.

В голове все еще не укладывалось, что Дирк может так легко врываться в его жизнь и творить хаос, когда ему только вздумается. Нет, Александр просто не мог с этим смириться. Жестокая несправедливость. Очередной капкан, из которого не вырваться.

В поисках успокоения он решил позвонить человеку, который мог его дать.

– Здравствуйте! Все в порядке? Идет бесперебойно?..

Он кивнул в ответ на услышанное, и улыбка невольно появилась на его лице.

– Что ж, я очень рад этому. Держите меня в курсе через

вторую почту, как и всегда.

4. Саша Марголис

Работники Гранд-Делиуара давно не видели столько постояльцев и гостей. Ради таких редких в военное время торжеств от хозяина отеля новоприбывшие были готовы закрыть глаза на переполненное лобби.

Достаточно было и мягкой подсветки фонтана, проложенного вдоль всего двора, – начиная от центральной арки и заканчивая высокими дверями в большой праздничный зал, – меж двух отделанных диким камнем дорожек, чтобы осветить внутренний двор и его красоты: экзотические растения, античные статуи, некоторые из которых были восстановленными оригиналами, прошедшими через бережные руки мастеров по мрамору. Свет добавляли и лампы под каждым окном номеров, и старинные фонари. Только открытое ночное небо с россыпью звезд напоминало о ночи.

Всех, кто пересек порог арки, объединял один интерес.

– О чем же объявит мистер Марголис?

– Не знаю, но говорят, что это очень важно.

– Он уже появлялся?

– Пока нет.

Несмотря на прохладу, гости не спешили заходить в зал и наслаждались ароматом диковинных цветов, светскими беседами под тихую музыку живого оркестра и первоклассными напитками с закусками.

Саша наблюдал за всем этим из просторного номера на последнем этаже, освещенного лишь светом с улицы. С досадой, переступая через себя, он все же свыкся со скорбной мыслью, что спустя час жизнь совершит сумасшедший кульбит, после чего никогда не станет прежней. Больше не получится отсиживаться в лаборатории за работой. Отныне большую часть времени в первые месяцы нещадно будут отнимать такие же званые вечера, пока все ассорти дружков Дирка не пожмет ему руку. Саша считал это жестокой, совершенно пустой тратой бесценного времени, которым он и без того никогда не обладал в избытке.

Отрадному одиночеству в номере осталось недолго. Пока Саша был один на вершине отеля, ему казалось, что он защищен от всех своих недоброжелателей и проблем, и слова их, порой врезавшиеся в память, здесь вспоминались с трудом.

Еще немного, и наступит момент выхода. Ненавистная фамилия на глазах у всего света дополнит его имя. Миллиарды станут свидетелями его вознесения, не допуская и тени мысли, каким унижением и позором оно является для него.

Саша Марголис. Как же нелепо это звучало. Все равно что приделать мраморному столу пятую ножку из необработанного куска дерева.

Ключеры во многом были неидеальны, но если выбирать меньшее из двух зол, Саша был готов признать себя потомком бывших преступников времен Второй мировой, нежели тех, кто этих преступников выгородил. В любом случае он

оставался плодом их порочного союза, случайным и лишним звеном, намертво скрепляющим судьбы. Осознавать это уже было унижением.

На этаже послышались спешные шаги, следовавшие точно в сторону его номера, но Саша не торопился отходить от окна, пытаясь насытиться последними минутами одиночества.

В дверь постучали.

– Войдите.

Порог пересекли стилисты семьи Марголис с передвижным гардеробом и сумкой.

– Ваше Высочество, – кивнули они в приветствии.

Саша молча кивнул в ответ. Лицо его не выражало никаких эмоций.

– Меня зовут...

– Ближе к делу.

– Мистер Марголис подобрал несколько образов, которые он хотел бы увидеть на вас. – Стилист, отвечавшая за одежду, закатила гардероб в центр номера.

– Хотел бы видеть на мне? – Саша возмущенно скривил брови. – Я пойду в том, что на мне сейчас.

– Простите, но мне придется процитировать мистера Марголиса. Он считает, что красная рубашка с подвернутыми рукавами и черные брюки приелись и не вызовут ни в ком из гостей новых эмоций.

– Я для него что?..

Он осекся.

– А зачем здесь вы? – спросил он, выдержав паузу, и кивнул в сторону стилиста с сумкой.

– Я отвечаю за макияж. – Девушка поспешно вытащила планшет из сумки. – Мы с мистером Марголисом подобрали для вас несколько вариантов, чтобы вы могли выбрать.

– Благодарю за право выбора. – Саша ядовито ухмыльнулся, подошел к гардеробу и принялся на автомате перебирать вешалки. – Ничего не имею против красящихся парней, но это явно не мое, так что обойдусь без грима на лице.

– Это не такой макияж, как вы могли решить. Он скроет все несовершенства.

– И какие же?

– Круги под глазами, к примеру, – появился в дверях Дирк. От одного его холеного вида с дымящей резной трубкой в руке все у Саши внутри похолодело от отвращения, и он застыл, точно в ожидании опасности. – И неплохо бы придать яркость твоим почти бесцветным губам. Такое чувство, что из них выкачали кровь.

Вернув самообладание, Саша принял непринужденный вид и ответил почти спокойно:

– Я не хочу. И эти карнавальные наряды мне не нравятся.

– Карнавальные? – Дирк усмехнулся, подошел к гардеробу и вытянул из него костюм. – Разве это карнавальный наряд? Подобные костюмы носила твоя мать.

– И что же, ты хочешь нарядить меня в нее?

Что-то в Саше всколыхнулось от этой мысли, и он неза-

метно сглотнул. Дирк вдруг умолк, перебрал несколько нарядов и продолжил:

– Мы сохранили твои любимые цвета и вдохнули новую жизнь в твой закоренелый стиль, так что будь благодарен и приступай к переодеванию. Да поскорее. Скоро все соберутся в зале. Я даже заметил Анджеллину краем глаза.

– Она тоже тут? – оживился Саша.

– Чего ты так испугался? – Дирк расплылся в довольной улыбке. – Не переживай. Я дал журналистам распоряжение не тревожить ее. К тому же, ее со всех сторон обступила охрана.

– Она все равно не должна быть здесь. – Саша рванул было к выходу, когда Дирк выставил перед ним руку с трубкой, и в сторону принца повеял аромат горького тлеющего табака.

– Я позвал ее, будучи уверенным, что ей захочется поддержать тебя в столь нелегком переходе на новый этап. Она была бы плохой подругой, если бы проигнорировала столь важное для тебя событие, чтобы избежать расспросов журналистов, которых я уже приструнил. Плюс ко всему она пришла с матерью и сводным братом. В Лавинии я не сомневаюсь, она любому ради своего ребенка горло перегрызет, а вот ее недалекий братец доверия не вызывает.

– Как Лавиния могла ее отпустить?

– Все просто: она мне доверяет.

– Ты не подумал, что впускать ее во двор опасно? Пусть даже в сопровождении. Ни один телохранитель не будет

быстрее пули, если та прилетит внезапно. Любой из гостей может оказаться ее врагом и из окна одного из номеров сделать с ней что-нибудь.

– Господи, до чего же ты опасливый! – Дирк коротко рассмеялся, разводя руками. – Какой же ты, оказывается, параноик. Впрочем, не больше моего.

– В нашем положении разумно опасаться любой такой вылазки, еще и буквально на следующий день после заявления о том, что в ней энергия ЗНР.

– Ты забываешь, что и у меня врагов навалом. Именно поэтому... – свободной рукой он расстегнул пару пуговиц серой шелковой рубашки и расправил ворот.

Саша вскинул правую бровь.

– Как же нужно жить, чтобы в собственном отеле носить бронежилет?

– Очень хорошо нужно жить. Настолько, чтобы завистники мечтали о твоей смерти. – Дирк поправил рубашку, затянулся густым дымом и неспешно выдохнул его в Сашу. – Твои опасения обоснованы, но только не сегодня. Наслаждайся вечером и чудесным преображением в нормального человека.

Он кивнул стилистам и покинул номер.

* * *

Анджеллина, придерживая подол белого атласного пла-

тъя, обтягивающего бедра, пересекла порог двора в окружении телохранителей, свиты и матери с братом. Ее волнистые волосы были собраны заколкой в виде элегантной белой веточки в свободный низкий пучок, каждый локон которого чем-то напоминал лепесток цветка. Пара прядей выбивалась перед ухом, порой мешая видеть.

К их счастью, не многие взгляды гостей обратились к ним, а те, кто замечали королевскую семью, с тщательно скрываемым интересом поглядывали в их сторону.

– Слава господу, никто не нападает на нас с вопросами, – шепнула она матери.

– И не нападут. – Лавиния шла с гордо поднятой головой и смотрела только вперед. – Мистер Марголис пообещал, что каждого гостя проинформируют о нас и попросят не беспокоить.

Анджеллина мгновенно переменялась в лице.

– Очень мило с его стороны.

Она перевела отстраненный взгляд на сводного брата, как всегда заметно отличавшегося от их группы своей одеждой. Всем костюмам даже для самых торжественных мероприятий он предпочитал темно-серую футболку, мантию по колено, черные кеды и серые джинсы. Из-под капюшона выглядывали волнистые, почти кудрявые волосы. Он все поглядывал на толпу, норовя оторваться от семьи и прогуляться по двору, но Лавиния его вовремя остановила:

– Сегодня держимся вместе, Мелл.

– Но там столько всего, – заговорил он жалобно, как ребенок. – Такие прикольные люди. Я уже заметил пару знаменитостей.

На деле Мелла интересовала лишь еда: он не ел весь день и уже не мог дождаться того момента, когда часть гостей посадят за шведский стол, а часть продолжит искать свободные уши для беседы и наслаждаться легкими закусками. Однако Мелл стыдился признаться в своих нуждах, побаиваясь негодования мачехи.

– Ради своей сестры останься здесь. Потом с ними познакомишься.

– Ладно.

– Мама, – обратилась к ней Анджеллина, – когда начало?

– Через десять минут должны начать. В зале для нас выделили места в первом ряду, так что предлагаю поспешить. – Лавиния ускорила шаг, и все последовали ее примеру.

Анджеллина подняла голову в крошечной надежде увидеть Сашу за одним из многочисленных окон отеля. Сердце ныло, стоило только представить его на сцене рядом с Дирком. Она знала, что друг, безусловно, будет держаться достойно, как и всегда это делал: сохраняя безучастный, равнодушный вид, говоря сухо, и лишь немногие, если не только одна Анджеллина, заметят его неподдельную муку. Как же давно не было в ее жизни спокойных дней. С тех пор, как она пришла к нему в замок.

Семейство только-только заняло свои места в мраморном

зале, как вдруг Лавиния заметила, что кого-то не хватает, и встала, оглядываясь на окружающих.

– А где Мелл?

На лице принцессы мелькнула тень ухмылки.

– Видно, ему очень сильно хотелось познакомиться со своими кумирами, – хихикнула она.

Огни люстр погасли. Свет упал на сцену, где уже стояла певица с микрофоном. В духе Дирка было открывать светские вечера с выступлений известных артистов, тем самым превращая даже самые серьезные мероприятия в шоу.

– Надеюсь, Мелл успеет прийти, – не успокаивалась Лавиния. – Может, послать за ним охрану?

– Уверена, все будет хорошо, мамочка. – Анджеллина взяла ее за руку и положила голову женщине на плечо.

Королева облегченно вздохнула.

– Ты права, дорогая. Кругом охрана. Наверное, я зря беспокоюсь.

Мелл гулял по практически опустевшему двору, лишившемуся света фонарей – теперь только подсветка фонтана освещала его. Охрана сторожила покой гостей, собравшихся в зале, и продолжала стоять по всему периметру территории. Мелл то и дело стаскивал со столиков закуску-другую: от брускетт с креветками в сливочном соусе и тарталеток с черной икрой до клубники с сыром на шпажке. Прежде чем зайти в зал после легкого ужина, он собирался это все чем-нибудь запить. Взгляд привлекла двухметровая пирамида из

наполненных шампанским бокалов, что стояла на столе по пути ко входу. Не успел он схватить бокал, как услышал за спиной:

– Мы сообщим, когда нужно будет выйти на сцену, Ваше Высочество.

– Можно я просто буду читать свою речь с этого листка?

– Желательно без него. И будьте искренне рады.

– Постараюсь применить все свои актерские навыки.

Они остановились у столика с шампанским: оттуда за открытой в зал дверью их нельзя было увидеть. К тому моменту концерт закончился, и на сцену вышел Дирк. Объективы всех камер тут же обратились к нему. Он размахивал руками, точно шоумен, приветствующий своих рукоплещущих фанатов.

– Сколько же вас тут сегодня, надо же! – Марголис похлопал в ладоши. – Я безумно рад встрече с вами сегодня в моем отеле. Давненько в его стенах не собиралась такая многочисленная публика! Я знаю, что привело вас сюда, помимо желания отдохнуть в столь тяжелые времена от кричащих заголовков, постоянных угроз разрушения нынешнего миропорядка и вестей с военных полей. Я прекрасно понимаю вас, друзья. Сам ошарашен происходящим, и именно поэтому, прежде чем мы начнем и я сделаю важное заявление, хочу объявить о благотворительных сборах для пострадавших в этой варварской войне. Под вашими подлокотниками лежат презенты. Чтобы получить их, введите на панели на подло-

котнике сумму, которую вы готовы пожертвовать, а затем отсканируйте появившийся код телефоном. Каждый фунт пойдет на благие цели. Тысячи германцев нуждаются в нашей помощи прямо сейчас, и я предлагаю вам принять участие в этом правом деле и внести свой вклад в мирное безбедное будущее не только собственной, но и каждой страны.

– Чертов лицемер, – процедил кто-то рядом сквозь зубы.

Мелл не мог сообразить, кто стоит перед ним. Во многом из-за того, что считал предполагаемого германского принца куда выше. Он хотел шагнуть вперед и взглянуть в него, но что-то в бездвижной фигуре юноши заставило его передумать. Тусклый свет из зала падал точно на его лицо, но из-за того, что тот стоял чуть впереди, Мелл видел лишь его щеку.

По тону Дирка Мелл догадался, что конец речи близок и стоит поспешить с шампанским. Он аккуратно взял ножку ближайшего бокала и с легким звоном стекла поднял его над пирамидой. Юноша обернулся на шум, и у Мелла перехватило дыхание. Перед ним в самом деле стоял Саша Клюдер. Он был в рубашке с пышным рукавом из красного шелка малбери с серебряной вышивкой, обтягивающих брюках с высокой талией, походящей на корсет, и черных челси на красной подошве. Распушенные волосы струились за спиной. Мелла поразило не столько его роскошный вид, сколько непроницаемое выражение лица и томный взгляд, которым он смерил его лишь на секунду, а затем, исчерпав интерес, отвернулся.

Отчего-то у Норфолка дрогнула рука, и он резко опустил

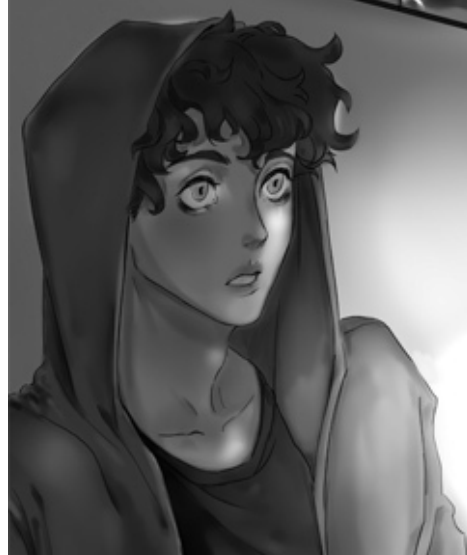
ее. Каскад шампанского начал свое медленное, но звучное обрушение.

Звон разбивающихся бокалов привлек внимание не только охраны, но и гостей в зале. Мелл отскочил от стола вперед, ближе к Саше, но, не рассчитав скорость и резкость, с которой остановился, случайно выплеснул шампанское на рукав его рубашки.

– П-простите, пожалуйста! – испуганно воскликнул Мелл.

– Боже! – Стоящая рядом стилистка вытащила салфетку из кармашка на груди и приложила ее к пятну. – Что вы себе позволяете?

– Я... я не хотел, правда. Оно случайно!

Он взглянул Саше в глаза, рассчитывая увидеть в них хоть каплю безмолвного прощения, но принц, казалось, был занят мыслями о другом. И все же, прежде чем Дирк произнес последние слова, тем самым приглашая Сашу на сцену, он наградил Мелла осуждающим взглядом, отчего сердце у того сжалось.

– Ваше Высочество, дайте еще пару секунд! – взмолилась стилистка, хватаясь за его рукав.

Но Саша уже направился к ступенькам. Когда оставалось сделать шаг, чтобы забраться на сцену, он почувствовал, как его резко потянули назад, и ткань затрещала по швам. Гости издали испуганный вздох. Упавшая на колени стилистка подняла на принца растерянный взор, сжимая оторванный рукав. Можно было решить, она увидела свою смерть.

– Простите, – жалобно прошептала она и встала на дрожащие ноги.

Охрана вывела ее из зала во двор под слова подоспевшего с объяснениями Дирка:

– Я бы удивился, если бы столь необычное представление обошлось без забавных казусов, ха-ха! Оно и к лучшему, я считаю. Ребята разбавили напряженную атмосферу. – Он приобнял Сашу, положив руку на его плечо, и провел к тумбе. – Этого юношу вы все, безусловно, знаете. Какие только слухи не плодятся о нем, чего я только не слышал даже от коллег. И это признаться, всегда, ранило меня, ведь Са-

ша не чужой мне человек. Я бы даже сказал, главный в моей жизни. – Марголис выдержал драматическую паузу, позволив гостям пошептаться, а затем провозгласил твердым голосом: – Я должен признаться в небольшом преступлении. Повинен я не перед вами, а перед этим юношей, который делает все, чтобы люди жили спокойно, но, увы, мало кто, как часто это бывает, замечает его благородные поступки. Я горд признать, что этот парень, этот молодой монарх, гений и миллиардер... мой сын.

Зал наполнился изумленными вздохами. Некоторые молчали с пристыженным видом, стараясь не пересекаться взглядами с Дирком.

Возобладать над эмоциями оказалось для Саши труднее, чем он думал. Он перенес бы это унижение куда легче, не придерживай Дирк его за плечо. Ощущать тепло чужого тела и вдыхать одеколон было тошно, а от звонкого громкого голоса болело правое ухо. Еще невыносимее были его ложь и лицемерие, с которыми оставалось лишь смириться.

– Да-да, я знаю, о чем вы думаете, – продолжил Дирк. – Как же так? Разве он не сын Ключеров? Лишь отчасти, друзья. Его условный отец был тем еще поганцем, с чьими привычками не каждый смог бы свыкнуться. Инджеборг заслуживала лучшего – меня, к примеру, – он усмехнулся, – и я питал к ней сильную симпатию, но из-за некоторых формальностей и королевских страстей мы не могли быть вместе официально. Однако, – Дирк вновь положил руку Саше

на плечо, – наша любовь не прошла бесследно. Если вы думаете, что я считаю нашу связь преступлением, то ошибаетесь. Нет, я считаю прискорбным просчетом, что не принимал в воспитании Саши должного участия. Теперь готов исправиться. Итак, друзья, перед вами мой сын и единственный наследник нашего семейства – Саша Марголис.

5. Дружеский разговор

После объявления Саша, провожаемый заинтересованными взглядами, вернулся в номер, надел другую рубашку и по наставлению Дирка вернулся во двор, чтобы поприветствовать всех его в большинстве случаев престарелых партнеров. Среди них были звезды шоу-бизнеса, именитые режиссеры, продюсеры, с чьими картинами, впрочем, у Саши не было времени познакомиться. Из-за этого, когда маэстро кино начинали хвастливо перечислять свои заслуги, в конце добавляя «Быть может, вы смотрели?..», Саша снисходительно улыбался и отвечал, шутливо растягивая некоторые гласные:

– Конне-е-ечно, как я мог пропустить такое! Жаль только, это было та-а-ак давно, а с этими политическими интригами даже са-а-амые фундаментальные шедевры со временем выветриваются из головы.

– Понимаем. Работа у вас не из легких. Жаль, что мало кто ее до сего момента ценил, – мужчина преклонных лет кивнул Дирку и приподнял бокал, – но мистер Марголис раскрыл всем правду, за что мы ему очень благодарны.

– Да, я ведь всегда мечтал стать предметом всеобщего обсуждения. Спасибо папочке.

И так следующие два часа, пока рука Саши не заныла от многочисленных рукопожатий, ноги не загудели от устало-

сти, а в горле не пересохло от болтовни. Столько, сколько пришлось лгать за это время, Саша не лгал за всю жизнь. На душе было паршиво от собственного притворства, да еще и под пристальным наблюдением Дирка, который такой метод разговоров всецело поддерживал и применял без зазрения совести.

Все мероприятие было похоже на торжество лицемерия и лжи, когда люди, ненавидящие друг друга, любезно жали друг другу руки, целовались в щеки и награждали ненавистников комплиментами. Но злые глаза и вымученные улыбки выдавали их, и Саша не мог понять, как могли эти люди так лицемерить, не стыдясь и не боясь этого. А самое главное, как могли после этого быть честны перед собой. У него все еще не вышло смириться, что отныне именно такие люди и будут его окружать. Уж лучше пожизненное одиночество, чем компания хотя бы одного подобного человека.

В конечном счете ложь его вымотала, и он под предлогом разболевшейся головы ушел в номер, у которого его уже ждала Анджеллина.

– Добрый вечер, Саша.

– Не сиделось в замке?

Он впустил ее в номер и закрыл дверь на замок.

– Простите, но я не могла оставить вас в такой день. Вас окружало столько людей, что мы с мамой решили: мне будет лучше подойти к вам позже. Вот, пришла поддержать.

– Вы хотели сказать «поорать»?

Анджеллину смутило это замечание, но вида она не пода-
ла, во многом потому что признавала правоту друга.

– Как вы?

– Ну, – Саша развел руками и с усмешкой хлопнул себя по бокам, – на языке уже мозоли от лжи, которой я обласкал всех друзей и подруг Дирка. – Он сел на кровать и расправил ворот рубашки. – Начинаю понимать Александра, который пытается сбежать от королевской жизни. Я бы на его месте тоже сбежал.

Анджеллина села рядом.

– Кстати, милое платье, – поднял он ей на плечо спустив-
шуюся лямку. – Непривычно видеть вас в таком наряде.

Легкий румянец опалил ее щеки. Взгляд упал на мятую красную вещь, валяющуюся у вешалок.

– Вам испортили рубашку.

– Поразительная наблюдательность. Одно недоразумение
вылило на рукав шампанское, стилистка пыталась затереть
пятно, а дальше вы видели.

– Это недоразумение – мой сводный брат.

Саша уставился на Анджеллину, как если бы она призна-
лась в том, что замужем.

– Он очень сожалеет о содеянном и просит у вас проще-
ния... Чего вы так смотрите?

– Я и забыл, что у вас есть брат. Правда, никогда не инте-
ресовался тем, как он выглядит, поэтому не узнал.

– Зато он вас узнал, пусть и не сразу.

– Я не держу на него зла. Вышло даже забавно. Жаль, я не видел лица Дирка, когда мне оторвали рукав. Грандиозное объявление началось с не менее грандиозного казуса.

– О да. Новости о вашей несчастной рубашке набирают чуть ли не больше просмотров, чем новости о вашем с Дирком родстве. – Она вооружилась телефоном и открыла новостную сводку. – Зачитать заголовки?

– Удивите меня.

– Вот: «Сыну Дирка Марголиса порвали рубашку на глазах у всего мира». Или: «С оторванным рукавом: как Саша Клюдер оказался внебрачным сыном Дирка Марголиса». А еще...

– Достаточно! – Он лег и повернулся к принцессе спиной. – Спасибо, что пришли. А теперь я хочу побыть один и отдохнуть.

– Уверены, что хотите моего ухода? Вы не из тех, кому нужно одиночество. Как я когда-то и сказала, оно губит вас.

– Во-первых, скорее прокричали, а во-вторых, мне лучше знать, что мне нужно, и в данный момент это именно одиночество.

– Как скажете. – Анджеллина грустно вздохнула, прошла к выходу и остановилась у двери. – Я просто хочу, чтобы вы знали: вы не один. Есть люди, которым вы по-настоящему дороги... – Она сжала телефон в руке. – Я, к примеру. И уверена, что есть еще. Что бы ни случилось, мы всегда поможем. Может, я и не умею красиво поддерживать, но знайте, что

очень хочу, чтобы вы чувствовали мою поддержку. Душой я с вами.

Сладкое тепло разлилось по телу Саши, и мурашки побежали от макушки до пят.

– Спасибо, – буркнул он, поджимая колени. – Я ценю... все то, что вы сказали.

– Мне сообщили, что завтра вы навещаетесь к нам с визитом.

– Впервые слышу об этом, но искренне надеюсь, что хоть в этот раз ваш брат на меня ничего не выльет.

Она хихикнула в кулачок, пересекла порог номера и, прежде чем закрыть за собой дверь, добавила, не переставая улыбаться:

– Зная его, не могу гарантировать, так что берегите свою рубашку. До завтра.

Анджеллина спустилась вниз и вышла во двор. Сердце не отпускало странное тянущее чувство. Такого скудного разговора с Сашей ей было недостаточно, но она понимала намеки: с поддержкой ей нужно поработать. Она горела желанием подарить принцу все свое тепло, на которое способна, но не знала, как это сделать так, чтобы не вызвать в Саше очередной прилив раздражения из-за вмешательства в его жизнь.

Перед глазами мелькнула знакомая фигура.

– Тера?

Она обернулась и вынула руки из карманов широких черных карго, штанина которых едва ли не волочилась по полу.

На лице растянулась широкая радостная улыбка.

— О, какие люди! Я слышала, что вы здесь, — об этом разве что не говорили предметы и закуски, — но все же. — Она стянула тарталетку с черной икрой с подноса проходившего мимо официанта. — Кстати, последнее просто объедение.

— Что вы здесь делаете?

— Не рады меня видеть?

— Что вы, очень рада. Наслышана о вашем подвиге в Кукухафене.

— Вот поэтому и позвали. Я столько рук за всю жизнь не жала. Надеюсь, ничего не подцепила. — Тера принялась копошиться в карманах объемной куртки, задумчиво приговаривая: — Где-то должен был завалиться антисептик.

Анджеллина вытащила из сумочки пластиковую бутылочку и протянула ее Тере.

— Пожалуйста.

— Ага, спасибо.

— Как же так вышло, что вы сначала оказались на стороне врага, а затем предали его?

— Мне не очень нравится формулировка вопроса, но суть понятна. — Тера вернула бутылочку и начала растирать антисептик. — Я с самого начала не хотела работать на них. За деньги многое готова сделать, но никак не убивать простых людей. Я решила внедриться в армию врага, тем более что меня звали служить по контракту. А там посмотреть, что к чему, и в нужный момент дать деру, а заодно проучить их.

– А как вы сообразили... ликвидировать вражеских солдат с помощью интенсивности звука?

– Ликвидировать? – усмехнулась она. – А слово «убивать» что, оскорбляет ваш слух? Я просто перебирала варианты, как можно было бы повлиять на солдат внутри, и поняла, что убийство звуком очень даже неплохая идея... Официант? Иди сюда. Да, еще одну тарталетку. Ага. Далеко не уходи. – Тера закинула ее в рот.

Анджеллина никогда раньше не сталкивалась с такими людьми, как эта девушка: на первый взгляд легкомысленными и беспечными, живущими ради удовольствия, даже если для этого придется выполнять паршивую работу. Да и внешность Теры – от миловидного личика до телосложения – совсем не вязалась с ее работой. Анджеллина всегда представляла наемниц как в современных фильмах: высоких, накачанных, с парой шрамов на лице. Но Тера была скорее нимфой, на которую нацепили армейский костюм.

– Мне давно хотелось спросить, – застенчиво начала она. – Вы ведь наемница, верно? Неужели... Когда вы выполняете свою работу... В груди ничего не екает?

Тера непонимающе уставилась на нее.

– Никогда. Наверное, потому что все мои цели – убудки, на которых мало законной управы.

– Вы проверяете их, прежде чем... Эм... Взять заказ?

– Конечно. Иногда бывает такое, что заказывают очень богатых людей, наживших свое состояние честным трудом.

– Завистники?

– Да. И их немало.

– Вы хоть предупреждаете их жертв?

– Нет, зачем? Это не мое дело. Я просто не лезу в это.

В Анджеллине забурлило негодование.

– Но ведь этих людей в конечном счете все равно убивают.

– Возможно. Я этим не интересуюсь, чтобы спать спокойно.

– Они, наверное, тоже спят, только уже непробудным сном.

– Ой! – Тера закатила глаза. – Вы слишком много думаете о каких-то чужаках. Да, это жестоко с моей стороны. Но ведь всех не спасешь. У меня, кстати, тоже есть семья, и я не хочу подвергать их опасности из-за каких-то бизнесменов. Подумайте лучше о себе, ведь о вашей особенности отныне знает весь мир, и можно только догадываться, сколько людей прямо сейчас желает вам зла... Официант? У вас есть то, что нужно многим. – Тера закинула в рот очередную тарталетку. – Признаюсь честно, будь я чуточку отможеннее, убила бы вас прямо в прямом эфире так, чтобы всем сразу стало понятно – умерла, уже не спасти. Нет источника проблемы – нет самой проблемы.

Анджеллина смотрела на нее, раскрыв рот. Тера пугала и интриговала одновременно. Все-таки ее миловидность никак не сочеталась с такой отбитостью.

– Видели бы вы сейчас свое лицо! – Тера разразилась хо-

хотом, указывая на нее. – Не бойтесь, это все только в теории. Я никогда этого не сделаю. С вами, по крайней мере. Не очень хочется лишать мир и себя удовольствия лицеизреть вас.

Анджеллина прочистила горло, смущенная завуалированным комплиментом.

– Кстати, у вас есть пара? – Тера спрятала руки в карманы куртки.

– Нет, я не в поисках отношений.

– А была хоть раз?

– Нет. – То, как Тера изменилась в лице, смутило ее, и она добавила с металлическими нотками в голосе: – Вообще-то обычно такие вопросы не задают королевским особам.

– Как же я тогда узнаю на него ответ? У желтушной прессы, которая припишет вам с десятков партнеров? Или все-таки из первых уст?

Анджеллина поджала губы, молча соглашаясь с ней.

– Хм, прискорбно, что никого нет. Не то я... Знаю одного парня, вы ему нравитесь... – Тера хлопнула себя по бокам. – Ладно, неважно. Я, кстати, сейчас в поисках работы. У вас, погляжу, телохранители немного кретины, если несколько раз вас теряли. – Она переступала с ноги на ногу с мечущимся взглядом. – Нет, я, конечно, ни на что не намекаю. И вообще я дала себе слово, что добровольно не надену на себя ошейник, как это сделала Робин.

– Но вы мне подходите. – Анджеллина ответила прежде,

чем обдумала ответ. – Молодая, сильная, сообразительная, хоть на первый взгляд не очень умная...

– Простите?.. – Тера прищурилась, вскидывая левую бровь.

– Но, уверена, с хорошим послужным списком. Так почему бы и нет? Мама одобрит, учитывая обстоятельства и ваш подвиг.

– Н-но я же...

– В должность вступаете незамедлительно.

– Я пришла сюда просто пожрать на халяву, а не на работу устраиваться, еще и цепным псом.

– Если станете моим телохранителем, то будете «жрать на халяву» каждый день. И вам даже не придется убивать за деньги – просто охраняйте меня.

– С чего вдруг такой порыв?

– Просто захотелось.

Тера вздохнула, не сдерживая улыбку.

– Дайте подумать об этом, хорошо?

– Думайте, сколько хотите. Хорошие кадры у нас всегда приветствуются.

6. Вызов

Янмей стояла у двери в кабинет Делинды, откуда долетали обрывки записи прямого эфира с мероприятия в Гранд-Делиуаре.

В какой-то момент слышался дребезг предположительно скинутой со стола вазы, шлепок упавшей папки и шелест бумаги.

Зазвучала трель от телефона.

– Да... Отказал в финансировании?!

Крик Делинды разлетелся не только по просторному кабинету, но и по холлу. Янмей стояла у дверей в ожидании, когда буря негодования сойдет на нет и хозяйка пригласит ее к себе для раздачи очередных приказов.

С тех пор как она воссоединила Хьюзов, не проходило часа, чтобы Янмей не побеспокоилась о раскрытии своего предательства. Делинда считала верность своей телохранительницы непоколебимой и легко доверяла ей самые сокровенные тайны. После многих лет преданной службы, как уверяла себя Янмей, она не смогла бы стерпеть от нее любую ложь.

– Почему он отказал? Что случилось такого, что...

Продолжительное молчание. Тяжелый вздох.

– Да, я поняла... – подавленно ответила Делинда. – Зайди!

– Что-то случилось? – Янмей закрыла за собой дверь и встала в паре метров от стола. Телевизор уже был выключен.

– А по моим крикам не понятно? – стукнула она кулаком по столу и рухнула в свое кресло. – Дирк сворачивает финансирование.

– Но почему?

– Саша оказался его сыном, и об этом они заявили только что!

Янмей давно привыкла к эмоциональным всплескам своей хозяйки, но такой взбешенной и в то же время растерянной видела ее впервые.

– Ненавижу их. Ненавижу обоих! У меня даже воображения не хватает, чтобы представить дуэт хуже... Мне нужно выпить, черт возьми.

Янмей отодвинула картину рядом со столом, открыла сейф, вытащила бутылку вина пятидесятилетней выдержки и поставила на стол, после чего взяла из стеклянного шкафчика рядом хрустальный бокал, наполнила его напитком и протянула Делинде.

– Может, это всего лишь постановка?

– Возможно. – Делинда выпила вино залпом и демонстративно поставила бокал. Янмей налила ей еще. – Но если они действительно родня, это бесит даже больше. Напыщенный богатый ублюдок, от которого во многом зависит моя жизнь, и другой ненавистный, но не менее напыщенный маленький ублюдок, от которого теперь тоже зависит моя жизнь.

Не допив до дна, она швырнула бокал в телевизор.

Зависимость от финансирования Дирка с самого начала

казалась ей плохой идеей, однако, успокаиваемая знанием того, насколько у Марголиса глубокие карманы, Делинда постоянно наращивала свои аппетиты, пока это не привело к тому, что без его денег она оказалась практически беспомощной. Жадность завела ее в тупик и отучила от самостоятельности. Она улыбнулась этой мысли.

Делинду до дрожи в поджилках злило то, что на свете есть такие люди, как Дирк. Стоит им только захотеть, как ее планы и мечты полетят к черту. Она ненавидела всякого, кто был в чем-то лучше ее, и чувство это было еще сильнее, если ей приходилось прибегать к помощи таких людей. Это была одна из дичайших форм унижения в собственных глазах. С едва сдерживаемым бешенством она порой представляла, как Дирк насмехается над ее «детскими» амбициями. Она знала, что для него ее война не значимее спектакля, который рано или поздно ему наскучит, ее слова – несвязный лепет, а действия – жалкие детские потуги, за которыми забавно наблюдать, но которые никто не воспринимает всерьез. Зная все это, Делинда не могла простить то, что ради достижения своей цели позволила себя так угнетать, и успокаивалась лишь мыслью, что рано или поздно Дирк поплатится за то, что недооценил ее.

– Пусть ликуют, пока могут. Вся Северная Саксония уже у нас. Готовятся наступления на близлежащие земли. Мы завершим войну без Дирка. А затем наконец-то убьем и его, и этого наглеца Сашу.

Жителей Германской империи, живущих близ военных действий, эвакуировали в Саксонию-Анхальт, откуда позже отправляли в Баварию и Баден-Вюртемберг. Частные поместья с подземными туннелями и подвалами часто служили своего рода временными пунктами пребывания для беженцев, где их обеспечивали горячей едой и чистой одеждой. В одном из них, где большую часть эвакуированных составляли воспитанники детских домов, волонтерами работали Лаура Свон и Логан Лоренс.

– На самолетах сейчас небезопасно, – отчитывалась Логан. – Аэропорты закрыты. Частные самолеты не летают. Все ближайшие пункты для принятия беженцев битком. Ждем, когда освободятся места, чтобы отправить малышей в Тюрингию. Завтра утром должны пригнать машины. А до тех пор нужно продержаться.

– Нам хватит запасов и на неделю, но чем раньше отсюда свалим, тем лучше, – отвечала капитан Зиндерман. Они остановились у окна в коридоре. Небо заволокли черные тучи. – Пугает другое. Если так и дальше продолжится, то скоро и этот регион падет. Линия фронта с каждым днем сдвигается к югу. Это значит, что уже через пару дней останавливаться здесь будет опасно.

– Не хватает солдат?

– Мрут как мухи. Враг решил сделать перерыв с горгонами и попугать нас этим. – Капитан достала из кармана куртки железный цветок размером с мяч для игры в настольный теннис.

– Это...

– Экспансивные пули. – Зиндерман дала ее Логан. – Мы называем их пулями дьявола.

– Я слышала, их запретили еще в прошлом веке.

– Их родина Англия, так что было бы странно, если бы они отказались от своего детища. У этих пуль просто чудовищный принцип работы. Проникая в мягкие ткани, «лепестки» пули раскрываются, и в теле человека буквально происходит маленький взрыв. Если обычная пуля может пройти на вылет, то эта, если так и пройдет, оставит после себя дыру. Более того, раскрываясь, она выпускает в плоть человека десятки железных осколков. Обычно пуля застревает из-за лепестков, впивающихся в плоть, так что в армейских условиях ее не вытащить из раны. При попадании в жизненно важные органы вероятность летального исхода – сто процентов. Конечностям тоже будет несладко: пуля способна буквально раздробить кость так, что естественным путем она никогда не срастется. В общем, это верная смерть и лютый кошмар любого солдата. Невероятно низкий ход.

– Бронежилеты не спасают?

– Лишь оттягивают конец. – Капитан посмотрела на Логан в упор. – Я бы не рассказывала вам обо всем этом без

надобности.

Логан напряглась.

– Что же вас заставило?

– Вас переводят на фронт. Как и других военных, которые сейчас здесь. Лаура Свон ваша подруга, верно?

Логан переменилась в лице. Она оглянулась по сторонам и, убедившись, что рядом лишь посторонние, занятые отгрузкой провизии, заговорила шепотом:

– Умоляю, только не Лаура. Пусть она останется здесь.

Зиндерман вскинула рассеченную бровь, что-то набрала в своем планшете и зачитала про себя. Ее тусклые глаза забегали по тексту.

– Да, физическая подготовка у нее слабенькая, мягко говоря... Но как снайпер она превосходна.

– Прошу, не надо. – Логан шагнула к ней, едва ли не цепляясь за ее руки. – Она не выживет там. К тому же не оставите же вы детей только с воспитателями. У них должна быть охрана.

– Если мы сдадим позиции еще на пару километров, то защищать будет уже некого.

В душе Логан что-то рухнуло. Помимо прочего, пугало ее то, что при других обстоятельствах капитан не стала бы раскрывать подробности их положения так подробно, лишая солдат всякой надежды на победу. Но все было куда хуже, чем рассказывала Зиндерман.

Заметив в синих глазах Логан тень обреченности, капитан

откашлялась в перебинтованный кулак.

– Тем не менее в чем-то вы правы. Пожалуй, Лауру с ее снайперскими способностями стоит оставить здесь. Плюс еще пару солдат.

Логан оживилась:

– Спасибо большое!

– А вам лучше собираться. – Капитан грустно ей улыбнулась, похлопала по плечу и прошла мимо, разгоняя вокруг запах сырости и земли.

Радость Логан длилась недолго. Оставшись в коридоре одна, она прокрутила в голове весь разговор, и ее до выступивших слез обожгло осознание: она может не вернуться к Лауре. Перед глазами ожили картины из военной хроники. Ее тело могут разорвать мины, сжечь горло и внутренности газом, распороть брюхо так, что она еще будет жива, наблюдая за тем, как в грязь вываливаются органы. Смерть от экспансивной пули будет милосердием. Тогда Логан впервые спросила себя, зачем они пришли сюда, в самое пекло, когда могли помогать людям в мирных регионах. В порыве жалости и жажды справедливости, из-за слепой веры в то, что они смогут что-то изменить. Но теперь перед Логан открылась настоящая картина войны: жизнь всякого энтузиаста с верой в правое дело превратится в две безликие даты на могильной плите, и кроме изуродованного трупа, если повезет, и омраченных его преждевременной кончиной воспоминаний не останется ничего, а тем, кто знал его, покажется, что та-

кого человека никогда не существовало.

Страх пробрал Логан до дрожи в коленях. Единственное успокоение, единственная радостная мысль заключалась в том, что Лаура останется в поместье, в безопасности.

Логан зашла в одну из комнат, откуда доносился детский смех. В рассеянном полумраке на застеленном подушками и пледами полу расположились дети под надзором двух воспитателей. Лаура сидела у дальней стены с проектором, показывавшим на стене мультфильм. Так приятно и больно было видеть ее улыбку. Заметив Логан, она встала, тихонько подошла к ней и прошептала:

– Как ты, солнце?

– Нормально. Ты?

Лауру напугало ее потерянное выражение лица.

– Что-то случилось?

Логан не могла выдавить из себя даже слово. Слезы душили ее, в горле застрял ком. Она заключила Лауру в крепкие объятия.

– Ты мне очень дорога. Всегда помни об этом.

Лаура замерла, затем словно обмякла. Она медленно положила руки на спину Логан и прошептала:

– Тебя вызывают на фронт?

Слышать это от нее, с ее обычно нежным и звонким голосом, было для Логан словно узнавать свой смертельный приговор. Воображение неустанно подкидывало изображения ее кончины и страдания Лауры по ней.

– Все будет хорошо. – Логан отстранилась от нее и улыбнулась, думая: «Хоть бы она не слышала об этих варварских пулях».

Опасностей хватало и без них. Лаура знала о положении дел на фронте хуже, но и ее осведомленности хватило, чтобы ужаснуться.

– Мы знали, на что идем. – Логан постаралась придать своему голосу бодрости. – Не волнуйся. Скоро все это закончится.

– А меня не вызывают?

– Нет. Ты и еще несколько солдат останетесь здесь охранять детей, пока их не заберут.

Логан чувствовала, как Лаура хочет спросить о чем-то еще, но боится. Наконец она набралась смелости и медленно, подбирая каждое слово, спросила:

– А если... вы проиграете?

Глаза Логан забежали из стороны в сторону.

– Тогда... линия фронта сдвинется.

– Прямо сюда?

Она опасливо кивнула.

– Но мы не допустим этого.

– И все же нужно готовиться к худшему.

Несколько секунд они простояли молча. От страха перед грядущим спутывались мысли.

– Еще не поздно уйти, – предложила Логан. – Мы можем вернуться в Берлин и помогать оттуда. Нам необязательно

быть здесь и рисковать, потому что... Война уже проиграна, Лаура. Поражение германцев – вопрос времени. На самом деле я боюсь оставлять тебя даже здесь. Враг все ближе. Тебе лучше уехать.

– Я не уеду без этих детей. – В медовых глазах Лауры засверкали слезы, и голос наполнился горечью. – Раз на то пошло, я против того, чтобы ты отправлялась на фронт. Останься со мной. Давай придумаем что-нибудь.

– Нельзя. Вступая в ряды германской армии, пусть в качестве наемниц, мы обязаны выполнять приказ. Единственный выход – разорвать контракт.

– Но это жестоко! – Вскрик Лауры утонул в раскатистом смехе героев мультфильма. Слезы скатились к дрожащему подбородку. – Как они могут так бездарно распоряжаться нашими жизнями? Если знают, что проигрыш неизбежен, зачем продолжают эту войну? Почему бы не сдаться? Я шла сюда не для того, чтобы бессмысленно умереть в окопах, а для того, чтобы помочь людям вырваться из этого ада. И тебе умереть так тоже не позволю.

– Лаура, мы не можем выбирать. Мы или здесь, или в Берлине. С тобой все будет хорошо. Если враги все же подойдут близко, вы сможете убежать по подземным путям.

– Я не о своей судьбе пекусь, а о твоей. Ты не расходный материал. Как они могут наобум бросать тебя в самое пекло? Я сейчас же поговорю с капитаном о том, чтобы тебя оставили со мной.

Логан вновь обняла ее. Лаура спрянула лицо в ладонях и всхлипнула:

– Я не переживу, если с тобой что-то случится.

– Как и я, если что-то случится с тобой.

Лаура посмотрела на детей. Все они знали, что такое война, но еще никто не видел ее уродливого лица и не испытывал истинного ужаса. Это стало возможно благодаря таким солдатам, как Лаура, которые вовремя успели перевезти малышей в безопасное место. И все же, несмотря на это, на одно мгновение, подарившее ей обманчивое облегчение, она захотела бросить их всех и уехать с Логан подальше от бойни, но уже в следующую секунду корила себя за эти мысли. Ей было больно признавать, что жизни этих пятидесяти малышей куда важнее жизни тысяч солдат. Несмотря на все пламенные речи и всеобщее уважение, обезумевшая от страха общественность видела в них не более чем бездушный расходный материал, обязанный до самой последней секунды служить им.

7. Новое знакомство

Саша вышел из черного лимузина. Погода не радовала. Ночью дождь хлестал не переставая, и сегодняшний день, судя по легкому утреннему мраку на улицах и холодному ветру, не собирался становиться для него исключением.

Он застегнул верхнюю пуговицу черного пальто и, не дожидаясь свиты и Дирка, направился ко входу во дворец.

В парадном вестибюле его встретили только Лавиния, Анджеллина и их чета. Астры среди них не оказалось.

– Ваше Величество, – Дирк пожал руку королеве, – как всегда прекрасны.

– Мистер Марголис, – кивнула она ему и перевела слегка растерянный взор на Сашу. – Мистер...

– Марголис-младший, – поспешно вставил Дирк, кладя руку на плечо сына. – Звучит забавно, не правда ли? Но все же греет душу. Как себя чувствует Анджеллина? Вчера мы не смогли толком поговорить. Сегодня необходимо исправить-ся.

Саша снял его руку с плеча. Дирк принял вид, будто подобный жест для него в порядке вещей, и продолжил снисходительным тоном:

– Предлагаю самым старшим из нас, включая Ее Высочество принцессу, уединиться за чашкой чая и побеседовать. – Он улыбнулся уголком рта и осмотрел ее с хитрым прищуром.

ром. – Ввиду сложившейся ситуации вокруг вашей персоны нам есть что обсудить.

На секунду Анджеллине показалось, что ее пытаются пристыдить. Она опустила голову.

– Разумеется.

– Нам уже накрыли в гостиной. – Лавиния повернулась в сторону белых парадных дверей справа, сразу за колонной.

– Я бы тоже хотел присутствовать во время разговора, – подал голос Саша.

– Пока не стоит, сын. Позже я тебе все расскажу. В конце концов, разговор коснется и Делиуара, что для тебя, все еще представителя другой страны...

– Понял, можешь не продолжать. Если вы не против, Ваше Величество, я подожду в библиотеке. Во время последнего визита заметил у вас там несколько интересных старинных томов.

– Конечно. Мой пасынок проводит вас. – Достаточно было взгляда Лавинии, чтобы прислуга считала приказ и ринулась его выполнять. – Вы, вероятно, еще не знакомы хорошо.

– Что вы, – тонкая усмешка мелькнула на лице Саши, – имел честь.

Лавиния улыбнулась его колкости, в глазах ее засверкали искры.

– К слову, мы приносим искренние извинения за тот ужасный инцидент и хотели бы искупить свою вину. – Она вытащила из клатча на плече карту и протянула ее Саше. – Это

карта в бутик-ателье, где мы заказываем одежду для всей семьи. Их услугами пользуются многие привилегированные люди.

– Да это же Grand Luxor! – вскинул левую бровь Дирк. – У них очень редкие дорогие ткани и превосходный сервис, хоть я давно не пользовался их услугами.

– Вам, Саша, пошьют любой костюм из любой ткани, которую вы только захотите. Рекомендую костюм из викуньи. Отличный для наших холодов.

– Дорого же вы оценили нерасторопность своего пасынка. Но весьма полезная вещь. Благодарю.

Саша спрятал карту во внутреннем кармане пальто.

– Мелл составит вам компанию, если вы не против.

– Ну, если у него не будет под рукой ничего жидкого...

У Анджеллины разболелась челюсть – так сильно ей захотелось рассмеяться.

Прислуга вернулась с новостью:

– Его Высочество подойдет к библиотеке немного позже.

Лавиния сдержалась от страстного желания закатить глаза. Она подытожила не без упрека в голосе:

– Вероятно, он занят чем-то очень важным.

* * *

– Прикольная игра, правда? Графика просто отпад. Только над звуковыми эффектами могли бы лучше поработать.

– Бюджет небольшой, так что ребята сделали все, что могли. – Мелл поправил наушники и вернулся к приставке. – Слушай, чувак, мне пора идти.

– Че-то серьезное?

– Да. Приехали Марголисы.

– Ого, и этот мелкий тоже с ними? Тот, с кем ты лажанул вчера?

Мелл тяжело вздохнул.

– Именно. Как смотреть ему в глаза, не знаю. Всю ночь об этом думал. До сих пор стыдно.

– Ты попал, что еще могу сказать. Сто процентов держит обиду. Ты там такое представление устроил, что с ним еще долго будут мемасы клепать. По нему видно, что он парень непростой.

– Для этого и видеть не нужно. Достаточно узнать, кто он и чем занимается, а потом осознать, что ему всего шестнадцать. В таком возрасте нести такую огромную ответственность за свою страну и еще воевать... Да я бы свихнулся на его месте.

– Прости, чувак, но давай только не о войне... Там за углом стоит какой-то придурок. Стреляй в него!

– Уже... – Мелл завершил игру и отложил приставку. – Ладно, я пойду.

– Бросаешь меня?

– Неудобно будет, если я оставлю таких важных гостей без внимания.

– Отрепетировал извинения?

– Да, но ты же знаешь меня. В последний момент все забуду, так что придется импровизировать.

– Да, ты тот еще дурак.

– Эй! – хихикнул Мелл.

– Я хотел сказать: удачи тебе. Она реально... Черт, меня убили!

– Отключаюсь.

Мелл нажал на кнопку, и экран погас. Он стянул наушники и вытянулся, издав облегченный стон. По телу прошла волна усталости: сказывались четыре часа тревожного сна после ругани Лавинии и дополнительных упреков отца по телефону.

Он встал, поправил черную толстовку ниже бедер и вышел из комнаты, молясь, чтобы никого не встретить по дороге в библиотеку на первом этаже. Однако сразу же столкнулся с Астрой.

– Ох, прости.

– Ничего. – Она отошла в сторону, взволнованно сжимая руки.

– Что-то случилось?

– Ты сейчас идешь к Саше? Я слышала, ты должен составить ему компанию.

– Ну да, а что? – пожал Мелл плечами. – Хочешь с нами?

– Что ты, нет. Я не могу.

– Но почему?

Она ссутулила плечи и прикусила нижнюю губу.

– В прошлый раз мы разошлись на грустной ноте. Я чувствую себя виноватой.

Мелл прочистил горло и вздохнул.

– Так может, это шанс извиниться?

– Ты не понимаешь. Я наговорила ему всякого, обвинила в том, в чем вины его фактически не было, и приписала много того, о чем не могла знать.

– Понимаю, это тяжело, но, поверь, тебе станет гораздо лучше, если извинишься перед ним. Не оттягивай, иначе... – Он покачал головой. – Иначе может наступить момент, когда возможности уже не представится.

Астра вздрогнула от накатившей волны мурашек.

– Полагаю, тебе это знакомо.

Мелл усмехнулся, но в его серых холодных глазах сквозила невыразимая печаль.

* * *

Библиотеку Норфолков без преувеличения можно было назвать книжным храмом – с расписанным под стиль Ренессанса куполом, песочного цвета колоннами, образующими длинный коридор, высокими старинными стеллажами с приставными лестницами, мозаичным полом и атмосферой торжественности. Даже Дирк, побывав в ней впервые, окрестил ее одной из жемчужин Делиуара и самым ценным наследием.

ем Норфолков. Однако у самого семейства эта роскошь давно не вызывала особых эмоций. У всех, кроме Мелла: в библиотеке он бывал нечасто и каждый поход в нее ощущал как погружение в магический мир, в котором легко потеряться среди стеллажей из черного дерева.

Мелл тихонько зашел внутрь и оглянулся. Древесный аромат с нотками ванили заполнил легкие.

Никого.

Он прислушался. Тишина.

Просто окликнуть Сашу, чтобы он сам вышел к нему, Меллу не представлялось возможным. Да и это будет признаком дурного тона, думал он, что вновь выставит его в плохом свете.

Шорох шагов. Где-то справа от входа. Обрадованный такой удачей, Мелл двинулся туда – в отдел с летописями десятого-одиннадцатого веков, – одновременно лихорадочно прокручивая приветствие и извинения.

– Ваше Высочество! – выглянул он из-за стеллажа.

От неожиданности Саша едва удержал равновесие на приставной лестнице.

– Ой, простите, – опешил Мелл. – Давайте я придержу. Или достану нужную книгу.

– Спасибо, – раздраженно бросил принц. – Я уже закончил.

– А-а-а... – Норфолк помедлил с ответом. – Если опять чего-то захотите, всегда рад помочь.

Саша спустился, взглянул на Мелла таким же отрешенным взглядом, что и накануне, повернулся к нему боком и принялся разворачивать сверток в руке.

– Ваше Высочество, я... хотел бы извиниться за испорченную рубашку.

– Ваша мачеха уже сделала это за вас и даже подкрепила извинения щедрым подарком, – ответил тот не глядя. – Так что не стоит.

– Простите.

– Хорошо.

– Что хорошо?

– Вы прощены.

– А-а-а... – Мелл переминался с ноги на ногу. – Я могу вам чем-нибудь помочь или что-нибудь посоветовать из книг библиотеки?

Саша обреченно вздохнул и повернулся к нему. Его лицо ничего не выражало, и Мелл еще больше растерялся. Им овладело странное волнение, а сердце пропустило знакомый удар. Нечто подобное он испытывал в момент первой встречи, когда германский принц обернулся к нему на шум.

Саша заговорил сдержанным тоном:

– Что-то мне подсказывает, что вы в библиотеке нечастый гость, так что единственное, чем можете мне помочь, – это молчание.

Волнение Мелла усилилось. Взгляд скользнул по фигуре Саши сверху вниз.

– Вы угадали, – неуверенно усмехнулся он. – Захожу сюда, чтобы побыть одному, когда накатывает отчаяние или просто противоречивые эмоции. Захожу, смотрю на портреты выдающихся людей, и сразу становится легче от мысли: «Они вообще умерли, а ты еще живой».

– Да, действительно, единственное, чем вы можете похвастаться на их фоне, так это тем, что еще живы.

– Все равно я когда-нибудь умру.

– Тогда похвастаться нечем.

– Иногда вообще задумываюсь: вот жили все эти ученые, крутые политики и просто влиятельные люди, а потом бац – и нет их.

– Очень глубокая мысль.

– Вот, например, – Мелл подошел к портрету у стены напротив ряда стеллажей, – Христофор Колумб. Нет такого человека, который о нем не знает. А все благодаря тому, что он открыл целый новый континент. Это ведь настоящий подвиг.

– Мне он больше запомнился продажей женщин в сексуальное рабство, в том числе девочек, сожжением аборигенов, их расчленением, выставлением останков на всеобщее обозрение, испытанием остроты клинков на них же, когда людям вживую отрезали части тела, детям от скуки разбивали головы камнями, а потом насаживали их вместе с матерями на мечи. Еще охотой на людей ради забавы. – Принц упер руки в бока и обернулся к стеллажам. – Я как раз где-то видел копию письма священника, который все это застал. По-

черк у него был такой, словно его трясло от страха.

Мелла терзала холодная мерзкая дрожь. Саша продолжил как ни в чем не бывало:

– В общем, подвигов у него было много. Он был кровавым психопатом, а так да, выдающимся, правда из по-настоящему выдающегося в нем только его необъяснимая жестокость.

– Мы с мамой в США праздновали День Колумба. Наш последний праздник.

Мимо Саши не могли пройти ни резкая смена тона, ни предпоследнее слово, но он решил не заострять на этом внимание.

Мелл напряг плечи и втянул в них голову так, что ворот толстовки скрыл его подбородок. Он продолжил подавленно:

– Вспоминать теперь тошно.

– Вы слишком впечатлительный. Таких «выдающихся» и «великих» людей было немало. Думать об их преступлениях страшно, а объяснить их невозможно, но просто стоит принять, что есть такие «герои».

– Знаю, но... Это же так несправедливо. Даже то, что происходит сейчас. Так много мирных людей страдают прямо сейчас, пока я стою в безопасности, и я не могу по-настоящему им помочь.

Саше показалось, в глазах Мелла сверкнули слезы. Он подался чуть вперед и взглянул ему в лицо. Не показалось.

Мелл смахнул слезы, глубоко вздохнул, как вдруг заметил

на лице Саши безмерно искреннее удивление.

– Простите, такое бывает. Я просто ненавижу несправедливость и еще больше ненавижу, что ничего не могу с ней поделать. – Он ухмыльнулся. – Я в порядке.

Саша в очередной раз с грустью убедился в том, что не знает, как себя вести и что говорить людям – особенно едва знакомым – в моменты их печали. К счастью для него, Мелл справился со своими чувствами сам и уже улыбался новой мысли:

– Кстати, не могу не заметить, что вчера вы выглядели просто обалденно. Нет, вы и сейчас выглядите круто. Очень стильное пальто, но вам не жарко? В общем... Простите, я иногда несу бред, просто эмоции льют через край, я теряюсь и болтаю все подряд.

У Саши вытянулось лицо, а в голове проскочила мысль, что у этого парня каша вместо мозгов. Но все же его приятно удивила неподдельная, почти детская искренность Норфолка.

– Жаль, что так вышло с тем вашим образом.

– Сколько можно вспоминать о нем? – кинул Саша раздраженно. – Ущерб мне компенсировали, хоть я этого не ждал.

– Все равно это такой казус. Могу я как-то загладить свою вину?

– Учитывая, что вы и десять секунд помолчать не смогли, вам нечего мне предложить. И я уже сказал, что прощаю вас.

– Мне недостаточно слов. Давайте я... подарю вам что-

нибудь? Или сделаю?

Из приличий Саша сдерживался, чтобы грубо не отмахнуться от такой назойливости.

– Пожалуй. Вы можете выйти отсюда прямо сейчас и оставить меня одного. Я хочу насладиться одиночеством.

– Конечно. – Мелл, казалось, совсем не почувствовал раздражения в голосе принца и счел это за искреннюю просьбу. – Понимаю, иногда нужно побыть одному. Я сейчас же уйду.

– Будьте любезны.

Мелл действительно направился к выходу. Напоследок он улыбнулся, закрыл за собой дверь, оставив принца в долгожданной тишине, и вернулся к себе в комнату с чувством сильной подавленности из-за всех странных слов, испортивших мнение Саши о нем, и другим не менее сильным чувством, разобрать которое он пока не мог.

Одиночество Саши продлилось недолго: не прошло и десяти минут, как в библиотеку зашла Анджеллина, найдя его сидящим за столом у колонны с раскрытым томом в руках.

– Уже? – спросил он, не отрывая взгляда от книги.

– Да, – она села напротив, – завтра утром я поеду на тщательное обследование.

– Вы не сказали им, что наше недавнее исследование не дало результатов?

– Сказала, но они... Как бы вам сказать... Хотят все перепроверить.

– Не доверяют мне, – подытожил Саша и перевернул страницу. – Держу пари, это была инициатива вашей матери.

Неловкое молчание он счел за утвердительный ответ.

– Что за центр?

– Nano Nano.

Шелест переворачиваемой страницы.

– Что-то не так?

– Этот центр работает при Бундестаге. Они забрали у меня Анко и тут же разобрали ее на части.

Анджеллина под столом сжала пальцы в кулак.

– Сочувствую.

– Астра, полагаю, по-прежнему не желает меня видеть?

– Уверена, вы обязательно помиритесь, просто...

Она вздрогнула от громкого хлопка закрывшейся книги.

Саша взял со стопки новую, увесистую, с торчащими желтыми страницами.

– Я поеду с вами завтра. Хочу заодно увидеть плоды их стараний.

– Буду только рада... – томно вздохнула она, подыскивая новую тему для разговора. – Я смотрю, вам тут нравится.

– Да, очень красиво, словно в музее.

– Спасибо, мама сама выбирала дизайн. Это здание действительно когда-то предназначалось под музей, а до этого было особняком какого-то до боли опасливого аристократа, который спроектировал множество потайных туннелей. Я сама не знаю, где какие.

– Весьма любопытно.

– А Мелл не приходил?

– Приходил.

– У вас сложился диалог?

Саша скрестил ноги и вздохнул с разочарованием.

– Если бы я разговаривал с вами так, как с ним, вы бы прибили меня в середине беседы. Однако он оказался весьма глупым и не понял ни одной моей колкости, намекавшей на то, что вести диалог – совсем не его.

По затянувшейся тишине Саша понял, что Анджеллина раздумывает, обидеться на столь бестактные замечания или отнестись с пониманием.

– Мне тяжело с ним, – наконец призналась она с оттенком грусти. – Не могу воспринимать его как брата из-за того, что он появился в моей жизни после смерти отца. Он вел себя неприлично?

– Скорее назойливо. Даже всплакнул из-за несправедливости войны и жестокости некоторых людей.

– В нем правда есть такое. Он очень тонко чувствует чужие беды и принимает их слишком близко к сердцу. Мне кажется, на его месте я бы давно умерла от горя.

– Напомните, сколько ему лет?

– Девятнадцать.

– Странно. Ведет себя совсем как ребенок.

Анджеллину не переставала поражать критичность принца по отношению к себе и другим, но со временем она на-

училась не думать об этом, чтобы попусту не нервничать из-за того, что не может изменить.

– Пожалуйста, не будьте с ним так строги просто из-за того, что он чувствует все иначе. Он хороший, добрый человек.

– На свете полно хороших людей, и я не обязан относиться к каждому со снисхождением. Да и доброта, как неоднократно показывала практика, вещь относительная.

В другой ситуации Анджеллина не постеснялась бы оспорить его мнение, но в этот раз она снисходительно списала холодность Саши на злость из-за смены фамилии. Принцесса прекрасно понимала, что с возросшим грузом ответственности он уже не может полностью контролировать эмоции и неосознанно демонстрирует свое подлинное несчастье, прикрывая его нарочитой грубостью. Этот изощренный способ облегчения души сделал Сашу проще в глазах Анджеллины, но от этого она, однако, не почувствовала себя ближе к нему.

Все же, как и раньше, она не решилась его поддержать: сочла, что если не умеешь подбирать правильные слова, то лучше будет просто промолчать, позволив человеку самому осознать ошибки.

Безусловно, Саша заметил за собой беспочвенную грубость, но почему-то не хотел и не мог ничего с ней сделать. Сначала он даже решил, что при следующей встрече с Меллом извинится или постарается загладить свою вину, но почти сразу отменил эту мысль.

Анджеллина твердо решила, что подружит их, даже если

для этого придется прибегнуть к самым рискованным методам.

8. Ночное происшествие

За окном прогремел гром и тут же хлынул дождь. Саша проверил прогноз погоды: вместо обещанных вчера пяти часов непогоды теперь стоял дождь на весь день, а также сообщалось о риске передвижения на самолете, что ставило крест на его возвращении в свой замок. Служанки-телохранительницы во главе с Джоан внимательно следили за Моникой Хьюз, отчитываясь о ее работе каждый день, но Саше не терпелось покончить с формальными объездами всех партнеров и знакомых Дирка, чтобы продолжить исследования и составить формулу вакцины от мужской болезни.

Благодаря рассказам Рейн Хьюз Саша узнал об отравлении воды в центральном водохранилище, из-за чего и началось вымирание мужчин. Зная о масштабах трагедии, власти должны были не просто обработать резервуары, а заменить их на новые. А это значило, что должны были остаться хотя бы обломки некогда отравленных частей резервуаров. Иных зацепок нет.

В библиотеку, не прерывая разговор, зашли Дирк и Лавиния.

– Погода совсем испортилась, – заметил мужчина.

– Как ты это понял: по громкому шуму дождя или темному небу? – надменно спросил Саша, откладывая книгу.

Анджеллина взглянула на него с легким испугом, будто

намекая: «Ты перегибашь палку».

Дирк хохотнул.

– В любом случае нам придется вас сегодня потеснить, Ваше Величество.

– Что вы, мистер Марголис. Вы можете оставаться здесь, сколько захотите.

– Благодарим.

– Скоро накроют стол к обеду. Предлагаю пройти в зал.

– Отлично. Я как раз проголодался. Идемте.

Все, кроме Саши, направились к выходу.

– Вы идите. Я догоню позже.

Но ни позже, ни через два, четыре, шесть часов Саша так и не подошел. Прислуга занесла ему обед, а когда пришел черед ужина, они обнаружили, что обед практически не тронут, а Саша все в той же позе сидит за стопкой старинных книг.

Когда стало ясно, что Марголисам придется остаться на ночь, заглянула Анджеллина и сообщила, где будет находиться его комната. Он невнятно пробормотал благодарность и не глядя махнул на нее, выпроваживая из библиотеки.

Позже его одолела усталость. Саша зевнул в ладонь и впервые за долгое время обратил внимание на время. 23:41. Тогда же голод дал о себе знать. Он окинул взглядом два подноса перед собой и взял с одного из них бутерброд и сок, а затем наконец направился к себе в комнату. Теплый душ,

приятный шум воды, прохлада ванной, мягкий белый халат – и вот он стоял перед зеркалом над раковиной, всматриваясь в свое бледное осунувшееся лицо и отмечая темные круги под глазами.

С каждым днем он все больше чувствовал, как ЗНР разъедает его изнутри. Это происходило медленно и незаметно, но временами давало о себе знать неожиданной усталостью, беспричинной вялостью и головной болью. Положение ухудшали нездоровый сон, неполноценное питание и постоянный стресс. Ему вспомнились слова Моники Хьюз: «ЗНР стало частью вас, когда вам было восемь, и оно, как мне кажется, прижилось плохо. Оно, как вирус, засело в вас. Игнорирование лечения чревато... необратимыми последствиями».

Но опасность заключалась не только в этом.

«Незамененным осталось только сердце», – невольно напомнил он себе.

Впрочем, тут же решил Саша, это все неважно. Мысли вновь заняли вакцина, конец войны и спасение Анджеллины, хоть шансов на это было куда меньше, чем на его собственное выздоровление. Он вышел из ванной, выключил свет, прошел к широкой кровати и лег ближе к окну. Дождь заметно ослаб. Из-за туч выглянула луна. Завороженный ее тусклым светом, он погрузился в сладкий сон.

К тому моменту Мелл вернулся с позднего сеанса в кино. Он тихонько зашел во дворец и прошел к своей комнате. От усталости ему и в голову не пришло включить свет. Хотелось

лишь одного – поскорее добраться до кровати и лечь спать, даже если это придется сделать прямо в уличной одежде. Так он и поступил: стянул кроссовки, снял куртку и лег на кровать. Приятная расслабленность разлилась по его телу с головы до пят, и он облегченно вздохнул.

«Марголисы уже наверняка уехали. – От этой мысли стало грустно, но он тут же успокоил себя: – Оно и к лучшему. Не придется вновь сталкиваться с принцем».

Он знал, что выглядел в его глазах полным дураком, и не мог перестать думать об этом.

Мелл повернулся к окну и замер. Сердце сжалось от страха, но уже через секунду он сменился новым приступом волнения и непонимания.

– Ваше Высочество? – прошептал он и тут же умолк.

Что будет, если Саша проснется и застанет его рядом с собой посреди ночи? Катастрофа. Пусть даже это комната Мелла и он не имел ни малейшего понятия, что германский принц делал на его кровати, он решил быстро уйти в другую свободную комнату. Он сел на кровать и в момент, когда уже собирался встать, услышал позади себя резкий шорох. Зажглась настенная лампа.

– Что вы здесь делаете? – Саша и не старался скрыть свое недовольство. – Как вы здесь оказались?

– П-простите, я сам не пойму, как такое получилось.

– С моей стороны странно было ждать от вас другого ответа.

– Это моя комната. Я открыл ее своим ключом.

Саша замер в раздумьях, оглянулся словно в поисках доказательств его слов, а затем вскочил с кровати, снял с передвижной вешалки вещи и принялся одеваться, бубня:

– Все ясно. Очень плохая шутка вашей сестры.

Мелл в смущении перевел от его полуобнаженного тела взгляд.

– Ч-что вы, не нужно одеваться. Я сам уйду.

– Мне претит мысль, что я буду спать на чужой постели.

– Ее сменили утром, и я на ней не спал. Более того, это моя новая комната, и в ней убираются утром и вечером. Я в ней живу сравнительно недавно, так что, пожалуйста, не брезгуйте и оставайтесь. – Мелл встал и поспешно направился к выходу. – Извините, что разбудил.

Саша остановился на застегивании ширинки брюк.

– Хорошо, – согласился он с натянутой вежливостью. – Я закрою за вами дверь.

– Конечно. Только заберу сменные вещи.

В спешке он взял в охапку почти все, что было на полке шкафа, и, роняя по пути некоторые вещи, вышел из комнаты, приговаривая:

– Еще раз извините!

За спиной послышались два яростных щелчка. Сердце все еще билось как ненормальное. Он зашел в соседнюю комнату, закрыл дверь на замок, небрежно бросил вещи на кресло и закрыл рот рукой, сдерживая в себе крик паники.

– Боже, какой ужас, – сдавленно произнес он. – Как стыдно. Провернуть такое. Чертова Анджеллина.

Мелл закрыл руками пылающее от стыда лицо. Не только оттого, что он совершил, но и оттого, что видел.

В память врезалось изуродованное шрамами тело. Особенно выделялся тот, что на руке: он выглядел свежим, особенно жутким, и Мелл боялся даже представить, после чего мог остаться такой след.

Так волнительно было видеть Сашу с распущенными длинными волосами, лежащими на плечах. То, как он, влиятельная королевская особа, без стеснения, с неприкрытым раздражением стоял перед ним почти обнаженным; то, как плавно покачивались его длинные волосы, которые он легким мановением руки спрятал за ухо, открывая суровое, но милое лицо; то, как Саша взглянул на него, когда ему предложили остаться, эта незабываемая смесь справедливо-го возмущения с толикой добродушного снисхождения в его глазах... Все это запомнится Меллу надолго.

Во всем происшествии было что-то комичное, недопустимое и возмутительное. Но присутствовало что-то еще, и это не давало Меллу покоя даже больше, чем все остальное.

В любом случае Мелл уже знал, что не выйдет из комнаты до тех пор, пока Марголисы не уедут.

9. Сожаление

В душе Саша радовался тому, что после ночного происшествия Мелл так и не решился спуститься на завтрак. Благодаря этому он смог спокойно, если забыть о сидевшем рядом Дирке, насладиться едой.

На частном самолете они вчетвером отправились в Nano Nano. Пока Дирк и Лавиния обменивались новостями, Саша подсел к Анджеллине, увлеченной сериалом на планшете.

– Вы ни в чем не хотите признаться?

Вопрос застал принцессу врасплох. Она медленно сняла оба наушника и поставила сериал на паузу.

– Вы о чем?

– О прекрасной ночной встрече, которую вы мне устроили.

– Я понятия не имею, о чем вы.

– Вот что, – продолжил он тише. – Никогда больше не шутите так надо мной. Я терпеть не могу пошлые шутки.

– Я вовсе не хотела шутить над вами, тем более пошло!

– Вот вы и признались, – расплылся он в улыбке.

Она отвернулась к окну и скрестила руки на груди.

– Да, я свела вас. Но мне хотелось, что вы подружились.

– Если бы вы проснулись посреди ночи в своей запертой комнате и увидели рядом с собой малознакомого человека, в вас проснулось бы желание с ним подружиться или же огреть

чем-нибудь? Уверен, вы бы подняли такой крик, что бедолага умер бы от разрыва барабанных перепонок.

Анджеллине хотелось улыбнуться, но в силу своего времени капризного характера она сдержалась и продолжила деловито:

– По-человечески не получилось – в этом плане с вами всегда сложно. Вот я и решила попробовать нестандартный метод.

– Зачем вам все это? – Саша наклонился к ней, не переставая странно улыбаться. – Я же не стремлюсь познакомить вас со всем своим новоиспеченным развратным семейством.

– Я просто хотела, чтобы мои брат и друг познакомились. Разве должны быть какие-то серьезные причины для этого?

– В таком случае вы знаете меня хуже, чем я думал, ведь я не знакомлюсь с кем попало, особенно после всех неприятностей.

– Но мой брат не кто попало.

– То, что он ваш брат, не делает его ближе ко мне. Он просто родственник, с которым вы живете и не очень-то хорошо, как я понял, общаетесь.

– В таком случае и вы для меня просто коллега по статусу, который когда-то от скуки вызвался со мной потанцевать.

Саша криво ухмыльнулся.

– Так и есть. В любом случае воздержитесь от таких махинаций. Они лишь отталкивают друг от друга как ваших жертв, так и вас от них.

– Буду знать, – буркнула Анджеллина и вернулась к сериалу.

Просмотрев несколько минут, она выключила его и взглянула на часы. Скоро посадка. Принцесса убрала планшет и наушники в свою сумку, краем глаза поглядывая на Сашу. Он сидел с закрытыми глазами и сомкнутыми в замок пальцами.

– А что еще делают в этом центре? – тихонько спросила она.

– Исследуют людей, вирусы, аномальные явления и выполняют спецзадания Бундестага, – отвечал Саша, не открывая глаза. – Зависит от отдела.

– Спецзадания?

– Такие, как исследования Анко.

Вспоминать о подруге принцессе было больно.

До этого момента Анджеллина почти не переживала о том, как именно будут ее обследовать и что будут делать с результатами. Однако, вспомнив все предостережения Саши, она вдруг испугалась за свою жизнь.

– Мне немного страшно, – призналась она. – Мало ли что они сделают со мной.

– Поэтому я лечу с вами. Неприятно это признавать, но благодаря статусу Марголисов в этот раз ученые не посмеют и рта без разрешения раскрыть, не говоря уже о каких-то аферах.

В груди Анджеллины разлилось приятное тепло.

– Спасибо вам.

Саша помедлил с ответом:

– Пока не за что.

– А как, кстати, отнесся Бундестаг к... тому объявлению? По-прежнему не открывая глаза, Саша лукаво улыбнулся.

– К сожалению, не знаю, но я хотел бы увидеть их вытянутые от удивления лица.

– У вас глаза болят или что?

– Нет, пытаюсь вздремнуть хоть пять минут. Видите ли, я плохо сплю, если меня разбудить посреди ночи.

– Простите меня за тот инцидент. Я хотела как лучше.

– С этой фразы и начинаются все мировые беды.

Научный центр находился неподалеку от Берлина. Уже на полете из иллюминатора можно было заметить большую выложенную серым диким камнем площадку, ряд столбов с развевающимися европейскими флагами и в центре всего – застекленное десятиэтажное здание в форме кольца.

– Похоже на пончик, – отметила Анджеллина.

На площадке их уже ждали черные служебные машины с тонированными стеклами, на которых они и добрались до центра.

– Мы рады видеть вас, – приветствовала их на входе, кивая каждому гостю и пожимая руки, молодая женщина. – Я Эмилия Кайзер. Ваше Величество, Ваше Высочество Анджеллина, Ваше Высочество Саша, мистер Марголис, пройдемте.

Первой бросалась в глаза огороженная инсталляция из белых железных балок высотой в весь центр. Сплетаясь у основания, металлоконструкции образовывали подобие ствола дерева с раскинутыми «ветками», словно удерживавшими крышу.

– Основание нашего центра, – объяснила Эмилия, указывая на инсталляцию, – напоминает дерево, но если взглянуть на стены, – она махнула в сторону стены, усыпанной переплетающимися выпуклыми линиями, напоминающими нейронную сеть, – то можно решить, что мы в большом мозге. В каком-то роде так оно и есть.

Анджеллина запрокинула голову. Ученые с верхних этажей то и дело бросали на них любопытные взгляды. Не каждый день центр посещали Марголисы и делиуарская королевская семья, один из членов которой был носителем ЗНР.

Лавиния взяла дочь за руку.

Они спустились на этаж ниже и прошли к лаборатории с матовыми стеклами. Внутри ждали ученые. Анджеллина сжала руку матери крепче, стоило увидеть странный, похожий на большой стеклянный гроб аппарат в центре комнаты.

– Это наноблок, – обратилась к ней Эмилия. – Ни одна аномалия не пройдет мимо его лучей.

– Я уже проверял принцессу подобной машиной несколько раз и ничего не выявил, – усомнился Саша. – ЗНР состоит из эфира, а он нематериален. Так как ваш аппарат собирается увидеть то, что априори увидеть невозможно ни одним

способом?

Эмилия улыбнулась ему из вежливости и смяла руки.

– Мы не исключаем, что сам эфир найти не удастся, но если он оказывает пагубное влияние на организм Ее Высочества, то мы это увидим. Беспокоиться не о чем.

– Получается, этот самый эфир не вытащить? – встревожилась Лавиния.

– Для начала мы бы хотели проверить кое-что.

Один из ученых в медицинской маске стащил со стола скальпель. Анджеллина непроизвольно шагнула назад. Эмилия поспешила развеять ее страхи:

– В прямом эфире вы продемонстрировали способность к регенерации. Мы хотим нанести вам небольшую рану, пока вы будете в капсуле, чтобы на экране увидеть реакцию вашего организма и процесс восстановления. С вашего позволения, конечно же.

Анджеллина оглянулась на Сашу в поисках одобрения. Он почти незаметно кивнул в сторону аппарата.

– Хорошо, я согласна.

– Прекрасно. – Эмилия щелкнула пальцами, и ученые бросились к компьютерам.

– Это больно? – Лавиния приблизилась к аппарату и недоверчиво осмотрела его.

– Не переживайте. Она ничего не почувствует, кроме слабого укола в палец.

Это мало успокаивало королеву. Сама мысль, что дочь

приходится обследовать в чужой стране, которой к тому же и принадлежало ЗНР, не давала ей покоя, а Делиуар, несмотря на все богатства и влияние на мировой арене, отставал в развитии от своего соседа. Не поручись за этот центр сам Дирк и не будь Саша близок с Анджелиной, она бы ни за что не вверила ее в чужие руки.

Эмилия помогла принцессе лечь в аппарат. Над головой возникла голографическая голубая сетка, образовавшая купол в виде сот.

– Расслабьтесь, – услышала она голос одного из ученых за компьютером. Саша пристально наблюдал за его работой, стоя рядом, и считывал информацию с экрана монитора, на котором высветилась схема, сильно напоминавшая смесь снимков МРТ и ПЭТ всего тела в реальном времени. – Закройте глаза. Сделайте глубокий вдох. Лежите неподвижно.

Анджеллина постаралась сделать так, как велели. Действительно, убеждала себя она, беспокоиться не о чем. Рядом люди, которые ни за что не позволят с ней что-нибудь сделать.

Режущая боль пронзила палец. Анджеллина почувствовала, как из него течет кровь.

Молчание нагнетало.

– Ну что там?

Боль в пальце сменилась щекотливым ощущением.

– Что-нибудь видно? Я уже чувствую, как заживает.

– Волшебное зрелище, – подчеркнул Дирк за ее спиной,

лишь разжигая любопытство принцессы.

– Это что-то странное, – не удержалась Эмилия. – Никогда не видела такого.

– Господи, – вздохнула Лавиния.

Анджеллина уже готовилась присесть и развернуться, – компьютер находился за ее спиной, – как вдруг к ней подошел Саша со странным, нераспознаваемым выражением лица.

– Да что случилось? Вы можете нормально объяснить? Голубая сетка исчезла.

– Вставайте. – Саша протянул ей руку. Анджеллина схватилась за нее, встала и бесцеремонно растолкала всех перед экраном компьютера, приговаривая:

– Покажите мне наконец!

Эмилия включила запись процесса регенерации. Сначала Анджеллину слегка напугала черно-белая схема ее тела с зелеными и красными пятнами на некоторых участках. Затем смутило внезапное появление странного желтого пятна на месте мозга. Тонкие, почти незаметные желтые линии, разрастаясь, стремились от головного мозга прямо к месту раны, скапливаясь в ней. Ближе к концу записи все линии и большое желтое пятно на месте мозга померкли.

– Это все происходило во мне... прямо сейчас?

– Как только мы нанесли вам рану, появилось это пятно. – Эмилия отмотала к моменту его возникновения. – Очень похоже на...

– Огромную раковую опухоль, – договорил Саша. – Но это лишь сравнение. Что бы это ни было, оно охватывает весь мозг, сливается со здоровыми тканями, а затем, предположительно по сосудам, переправляется к месту ранения, ускоряя регенерацию клеток.

– Хорошая опухоль? – спросил Дирк.

– Извините, Ваше Высочество, но насчет сосудов я бы не делала такие поспешные выводы, – оспорила его слова Эмилия.

Саша сдержался, чтобы не закатить глаза.

– Если бы это был эфир, да хоть магия, никакой в мире аппарат не смог бы запечатлеть этот процесс, а значит, это что-то физически существующее, что появляется в момент повреждений в теле человека.

– И что же это? – спросила принцесса тонким голосом.

– Я пока не знаю.

– Ваше Высочество, вы говорили, что видите странные сны, – напомнила Эмилия. – Этот вопрос тоже стоит изучить. Я бы советовала провести более тщательное обследование. Одного сеанса недостаточно. Но для этого Ее Высочеству лучше остаться у нас хотя бы на три дня.

Этого Саша и боялся. Он знал, что не сможет провести с ней столько времени: необходимо было вернуться в замок, разобраться с Бундестагом и вновь внедриться в военные замыслы врага. За три дня с Анджеллиной могли сделать все что угодно, да так, что этого никто не заметит.

Лавиния глубоко вздохнула. После увиденного пусть неохотно, но она готовилась согласиться.

– А что, если каждое такое ранение лишь ускоряет процесс ухудшения здоровья? – спросил Саша.

– Ухудшений и иных нарушений мы не видим, – заверил один из ученых.

– Да, но неужели такая регенерация будет всегда? Предел должен быть, и мы еще точно не знаем, как каждая такая вспышка влияет на Анджеллину, поэтому если вы планируете и дальше экспериментировать с ранами, то лучше откажитесь от этой затеи.

Эмилия нацепила хорошо знакомую Саше улыбку – вынужденную и недобрую, отражающую легкое раздражение.

– Да, я согласна с Его Высочеством. – Лавиния приобняла дочь. – Если Анджеллина и останется, то каждое обследование должно заранее обговариваться со мной.

– Конечно, Ваше Величество. Мы все понимаем.

– И сюда бы охрану. – Саша впервые за все утро наградил отца многозначительным взглядом. – Лучшую, которая только есть.

– Мистер Марголис, – обратилась Лавиния к Дирку, – можно вас на пару слов?

Он пожал плечами, и вместе они прошли к выходу.

Анджеллина уставилась в пол. Она понимала, что Саша не может всюду ее сопровождать, но рядом с ним всегда чувствовала себя в большей безопасности, чем с кем бы то ни

было. Да и он никогда не дал бы ей заскучать, даже если для этого им пришлось бы поспорить или рассориться. Поэтому временная потеря его компании стала для нее настоящим огорчением.

Саша напряженно смотрел в монитор, ломая голову, как рассказать подруге, что ни одно обследование и лечение, скорее всего, не помогут ей спастись. Он и сам с трудом принимал эту правду и даже представить не мог, как к ней отнесутся Анджеллина и Лавиния. Молчание для него приравнивалось ко лжи. А лгать подруге, еще и так жестоко, он не мог. Больнее было бы лишь наблюдать за тем, как она теряет веру в свое спасение.

«Все еще может измениться». Надежда на лучшее дарила Саше некоторое облегчение и была единственной обоснованной причиной молчать дальше.

– Мисс Кайзер, – обратился он к ней, – быть может, вы слышали о том, что Бундестаг конфисковал у меня тело моей подруги Анко.

Анджеллина уставилась на него с неприкрытым изумлением.

– Да, слышала, – неохотно ответила Эмилия.

– Тогда я хотел бы увидеть, что именно вы сделали с ней.

– При всем уважении, Ваше Высочество, к вам и к вашему отцу, это секретная информация. Доступ только для некоторых сотрудников центра и канцлера.

– Понимаю, что монархи не более чем остатки культуры и

влияния большого не имеют, но я создатель Анко. И я имею право знать, в каких именно целях вы используете ее тело. – Саша пожал плечами и повернулся в сторону дверей. – Ну, или я могу попробовать добиться этого другим путем. Видите ли, как раз на днях спектр моих возможностей значительно вырос. Мне не хотелось бы усложнять и тратить время, так что я буду очень благодарен, если вы сэкономите мое время и пустите меня к ней.

Как хотелось Анджеллине прыснуть со смеху. Саша все же прислушался к ее совету пользоваться статусом Марголисов.

Улыбка быстро сошла с лица Эмилии.

– Ваше Высочество, уверяю вас, ее тело пошло в работу на благо.

– Где оно?

– На минус первом этаже в лаборатории по анализу радиоактивных излучений. Но это все, что я могу сказать.

Дирк и Лавиния вернулись в кабинет.

– Анджеллина, – обратилась к ней мать, – я считаю, что есть смысл остаться на обследования. Мистер Марголис уже отдал приказ, чтобы выделить тебе лучшую охрану.

– О да, – Дирк спрятал телефон в карман, – четыре громылы не только будут охранять твой покой и следить за порядком как возле твоей комнаты, так и на всех этажах и снаружи, но и не дадут тебе умереть от скуки.

– Вещи тебе привезут. И, как я и говорила, – обратилась Лавиния уже к Эмилии, – любой ваш шаг должен обговори-

ваться со мной.

– Разумеется. У меня уже есть некоторые наметки. Можем обсудить прямо сейчас.

– Буду только рада.

Пока королева обговаривала детали обследования, а Дирк отвечал на звонки в лобби, Анджеллине и Саше предложили устроить небольшую экскурсию по первому этажу. Эмилия предоставила им своего немолодого помощника в качестве гида, напоследок шепнув ему что-то на ухо.

После двадцатиминутного обхода кабинетов, большая часть из которых представляла ничем не примечательные лаборатории, заставленные склянками, колбами, интерактивными досками и компьютерами, они наведались в просторную кофейню с выходом в маленький сад и взяли по чашке кофе. Большую часть времени им приходилось молчать: при рядом сидящем гиде можно было сказать вслух не так много, но когда тот скинул на стул халат, отлучился за десертом и угодил в очередь, они решили быстренько обменяться парой слов.

– Как по мне, здесь ничего удивительного, – заметила Анджеллина, перемешивая сахар в чашке. Она сделала несколько глотков. – Красиво, но я бы ни за что не решила, что здесь проводятся какие-то дикие опыты.

– Нам не зря показали только первый этаж. Все самое интересное на других уровнях. – Саша отставил нетронутый кофе и встал. – Пойду помою руки.

Анджеллина проводила его взглядом до самых дверей уборной, когда вернулся их гид.

– А Его Высочество?

– Сейчас вернется.

Но прошло пять минут, десять, пятнадцать, а принца все не было. Гид прошел в уборную, чтобы найти его, а вернулся один с побелевшим от страха лицом. Он бросился щупать карманы халата и застыл в ужасе.

– Что случилось? – поинтересовалась принцесса.

– Кто-то украл мою карту. И принца нет в уборной.

Анджеллина сдвинула брови, расценивая его слова как неприкрытое обвинение друга в краже. Ей не хватало смелости признать, что он действительно мог это сделать.

Еще на входе в кофейню Саша заприметил рядом дверь в уборную, попасть в которую можно было как со стороны лобби, так и со стороны кофейни. Два входа, через которые можно зайти. И выйти тоже.

Он впервые так нагло воспользовался высоким положением: разве станет гид обвинять принца в краже? И разве поднимет охрану, чтобы его найти? Анджеллина права. Он перенес столько унижений, став Марголисом, что имеет полное право хоть иногда пользоваться положением и связями семейства.

Саша незаметно выхватил карту из кармана так удачно оставленного гидом халата, вышел в лобби через уборную и спустился в лифте на минус первый этаж. В отличие от

верхних этажей, где каждый уровень был как на ладони и почти все кабинеты огорожены прозрачными либо матовыми стеклами, нижний напоминал пустой забетонированный лабиринт со множеством вшитых в стены железных дверей.

Он нашел нужную лабораторию и приложил карту к сенсорной панели.

Дверь с приятным шипением отошла в стену.

Свет вкрученных в потолок ламп включился моментально, освещая компьютеры вдоль стен, зловещие инструменты, разложенные на металлических столах, и доску у дальней стены с закрепленными на ней частями тела.

Тело Саши обдало холодом, и он невольно качнулся назад.

Она была похожа на прекрасную бабочку, расчлененную и пришпиленную булавками.

Руки и ноги разобрали в местах сгибов локтей, колен и запястий, шею отделили от туловища и повисшей головы, вскрыли и полностью выпотрошили брюхо. Черные шарниры лежали в отдельной коробке рядом. Органов не было ни в коробках, ни на столе.

Украдкой, словно боялся разбудить, он подошел к ней и взглянул ей в лицо снизу вверх. Ее ресницы задрожали от тяжелого дыхания. Подрагивающей рукой он коснулся ее затвердевшей от холода щеки. Выражение лица не изменилось с тех пор, как она испустила дух, только уголки рта были опущены.

– Что они сделали с тобой?

– Ничего, что должно вызывать такой драматизм.

В кабинет зашла Эмилия.

– Вас уже заждались.

– Я хочу забрать ее. – В глазах принца прорезалась жесткость. – А точнее то, что от нее осталось.

– Простите?

– Вы меня слышали, – отчеканил он.

– Боюсь, что это невозможно. Мы еще не закончили исследования. – Она подошла ближе и взглянула на Анко. – Вы уже не вернете ее, не почините. Хотите похоронить? Это рискованно. Сжечь? Она принесет больше пользы в таком виде. Одни ее органы чего стоят. Вы просто гений. Но уверены, что хотите ворошить прошлое?

В глубине души Саша признавал, что Эмилия права. Он устал думать об Анко, устал винить себя за ее гибель и убеждать, что обязан поступить с ее телом по-человечески и предать земле.

Еще давно замечания Бундестага откликались в нем решительным бурным протестом. Он думал, что защищает ее, но наконец осознал, что все это время защищал одного себя и пошатнувшуюся уверенность в том, что не настолько одинок, чтобы быть привязанным к искусственно созданному существу больше, чем к живому.

Анко не человек. Она машина. Рукотворное создание, ради которого он был готов пожертвовать десятками жизней людей – настоящих, из плоти и крови, с любящими семьями

и неумной жадой выжить. Быть может, это было зря.
Он молча направился к выходу.

* * *

– Я постараюсь навестить вас хоть раз. – Саша подошел к черной машине. – Все равно живу рядом, в противоположной части округа.

– Будьте так любезны.

– И, если не будете ерничать, кто знает, – Саша вскинул брови и загадочно улыбнулся, – может, передам какой-нибудь подарок.

Анджеллина расплылась в благодарной улыбке.

– Спасибо.

– Следить за вами, уверен, будут отличные телохранительницы, но не теряйте голову и будьте внимательны. Как разгребу хотя бы часть дел, вернусь к вам.

– Занимайтесь своими делами, сколько потребуется.

Анджеллина поймала себя на лукавстве: она предлагала ему это из вежливости, на самом деле отчаянно желая, чтобы он поскорее вернулся к ней. После каждой новой встречи даже самое короткое расставание ощущалось острее, чем прежде.

Водитель открыл перед Сашей дверцу авто.

– До свидания, принцесса.

– До встречи.

Саша сел в машину в ожидании, когда Дирк договорит с Эмилией. Наконец, спустя десять минут, когда Анджеллина и Лавиния скрылись за дверями центра, он сел рядом, и машина тронулась.

– Королева пока останется. Дождется охраны. Они придут через двадцать минут.

– Оперативно. – Саша отвернулся от него. – Сегодня ты был молчаливым.

Дирк открыл окно и закурил сигару.

– Мне просто хотелось понаблюдать за тобой, так что я не смел отнимать ни секунды, которую ты мог бы занять своими подозрениями и анализами.

– Думаешь, им можно верить?

– Да. По крайней мере они знают, что если их заподозрят в чем-то, то на следующий день уже не найдут. – Дирк выдохнул дым в открытое окно и вновь затянулся. – Надолго тебе нужно отлучиться? Мы сделали еще далеко не все.

– Пару дней. – Саша свел брови на переносице. – А что, еще не со всеми извращенцами меня познакомил?

– Главного приберег напоследок.

– И кто же это?

– Мой отец. Твой дедушка. Гедалия Марголис.

10. «За» и «против»

После посещения центра в душе у Саши остался неприятный осадок.

Он пересек порог замка и поспешно двинулся в сторону своей комнаты. Служанки, следовавшие вслед, предлагали ему перекусить перед началом работы. В животе урчало от голода, но из-за одержимости провести исследование Саша не собирался тратить время на обед, пока голод не станет нестерпимым. Он попросил принести ему еду ближе к шести вечера и спустился в лабораторию.

Моника сидела за стопкой бумаг перед 3D-схемой горгона. Услышав приближающиеся резкие шаги, она обернулась.

– Как успехи, мисс Хьюз? По вашему измученному лицу не скажешь, что вы на пороге открытия.

Моника слабо улыбнулась и встала.

– Уничтожить свое детище сложно не только из психологических соображений.

– В любом случае вам лучше поторопиться. Нет сомнений, что в битве за Берлин горгоны будут. Иначе лично отправитесь сражаться с ними.

Она опустила покорный взгляд, угодливо, но сдержанно улыбнулась и села за стол.

Саша подошел к своему длинному белому столу в углу лаборатории, достал из коробки пробирку и поставил ее в круг-

лый приплюснутый аппарат размером с футбольный мяч. После тонкого писка панель засветилась голубым. На экране компьютера возникло окошко. Саша сел в кресло и принялся постукивать по клавишам прозрачной сенсорной клавиатуры, встроенной в стол. Он отправил запрос в исследовательскую лабораторию для получения образцов отравленных резервуаров.

Спустя час панель на аппарате погасла, и перед Сашей одна за другой открылись вкладки с результатами.

– Так, – вздохнул он.

– Это связано с Анджеллиной? – встала рядом Моника.

Саша ничего не ответил, продолжая читать данные про себя.

– Вы исследовали ее кровь?

– Слюну. Решил начать сначала и с самого простого.

– И какие результаты?

– Сядьте, пожалуйста, на место, пока вас не заставили сделать это силой, – приказал он голосом, преисполненным усталости и негодования.

– Возможно, я смогу помочь.

– Занимайтесь своим делом.

– Всего пять минут.

Саша смерил ее небрежным взглядом, полным недоверия. Несмотря на многие извинения и бесконечное раскаяние в ее глазах, он не мог забыть, что перед ним – создательница горгонов, ставших главной причиной гибели тысяч гер-

манских солдат. И Анко.

Порой принц не разбирал, где проложена граница между состраданием и непреклонностью. В душе он оправдывал короля, добровольно взявшего на себя бремя войны на территории его страны, в отдельных районах которой, где еще некогда процветало благополучие, остались только руины, выжженные земли и обезображенные гниющие трупы защитниц страны, которые даже нет возможности забрать. И все ради одного-единственного человека. С другой стороны, он осознавал, что независимо от решения Александра Делинда развязала бы войну и все те же люди погибли бы. Просто жертв было бы на одну больше. Одновременно с тем он видеть не мог ученого, чьим зверским творением и изуродовали мирные города, родные земли и жизни тысяч граждан, что уже не дождутся своих близких. В этом была вопиющая несправедливость, но отказываться от жалости к Александру он не собирался.

Все-таки вера в то, что Моника полностью под его контролем, слабая надежда, что ее знания ему пригодятся, и капля чувства вины перед ней за постоянную грубость позволили ослабить бдительность и довериться ей.

Саша сдался и откатился чуть в сторону, освобождая место для Моника. В его сторону повеяло сладким миндалем и кофе.

- Благодарю... Это раздел генетических заболеваний?
- Да, решил пропустить ее по всем возможным пунктам.

Раз сложные машины неспособны дать однозначный ответ, начнем с примитивного анализа. – Он чуть наклонился к экрану и прищурился. – Никаких критических заболеваний, которые могли бы развиваться... Синдром дефицита внимания? – вскинул он левую бровь, и уголок губ дрогнул в грустной улыбке. – Я так и думал.

– Ее организм предрасположен к критической нехватке целой группы витаминов.

– Не просто предрасположен. Он уже по ним изнемогает. – Саша закрыл глаза и схватился за переносицу, бубня: – Ерунда какая-то. Это все не то. Разве так бывает? Она видит странные видения, у нее способность к регенерации, периодически на ровном месте ей отказывают конечности, но ни анализ крови, который мы сделали сразу после ее выступления, ни анализ слюны, ни сканирование всего организма не дает ничего, что могло бы объяснить ее состояние. Ничего, за что можно зацепиться, кроме вспышки в ее голове.

– Вспышки?

– Ученые из Nano Nano ранили ее прямо в своем новомодном аппарате, чтобы понаблюдать за реакцией мозга. В этот самый момент на экране он изменился в цвете, став желтым, что свидетельствует о нарушении. Но как только регенерация закончилась, все исчезло. Она осталась у них для дополнительных исследований. – Саша ввел компьютер в спящий режим, откинулся на спинку кресла и схватился за голову. Раздражение и ненависть к своей беспомощности рос-

ли в его голосе: — Чертовщина какая-то. Моя бабушка создала «ловушку для души» и ЗНР, а я даже найти его в своей подруге не могу. Я перерыл весь ее кабинет в поисках каких-нибудь документов, схем, тайных ходов, подсказок, хоть чего-нибудь, что дало бы мне наводку, как доделать аппарат, который будет видеть излучения ЗНР. Тщетно.

— Стойте, доделать?

— Я начал его еще давно. Делал для себя, потом из-за неточных расчетов и неудачных экспериментов забросил. Теперь у меня появилась мотивация закончить его для Анджеллины.

Выслушав его, Моника села рядом на стул и, поникнув плечами, сложила руки на коленях. Она все порывалась что-то сказать, но поведение принца ей казалось непредсказуемым, и она с минуту продолжила сидеть в молчании, пока все-таки не решилась.

— Вы слишком переоцениваете свои возможности, — начала она неторопливо. — И я вовсе не принижаю ваши способности. Просто... вы не Бог. Аврора ведь не сразу создала ЗНР, на это ушли годы, а вы хотите без схем, руководствуясь одной теорией, найти его в теле другого человека. Согласитесь, есть вещи, которые выше ваших сил. Вы не можете разорваться и помочь всем. Даже себе не можете помочь. Вам нужно выбрать что-то одно.

— В каком смысле?

Она покинула свое место и встала у аппарата для опера-

ций и диагностики организма.

– Меня крайне заинтересовало это ваше изобретение. Ознакомившись с принципами его работы и... – Моника потупила виноватый взгляд. – Заглянув в данные последних диагностик вашего организма, я поняла, что еще одну операцию через этот аппарат вы не выдержите.

Саша опустил взгляд и медленно повернулся в ее сторону.

– Сколько длилась реабилитация в последний раз?

– Несколько часов.

– Несколько часов?! – вскрикнула она. – Простите, но как... Еще и после двухмесячного заточения. Как вы на ногах стояли после такого?

– Следующим утром я потерял сознание прямо в Рейхстаге.

– А сколько длилась реабилитация после этого?

– Где-то два дня.

С бешеными глазами она всего несколькими резкими шагами вернулась к своему стулу.

– Вы совсем себя не жалеете. Этот аппарат хорош в экстренных случаях, когда операция нужна незамедлительно, но действует грубо. Вам требуется операция от людей и длительная реабилитация.

– У меня нет времени на это.

– Скоро может наступить момент, когда времени у вас совсем не останется.

Она села на место, перевела дух и заговорила вкрадчиво,

но убедительно:

– Саша, вы умираете. И боюсь, вам осталось недолго. Организм не выносит того насилия, которому вы его подвергаете. Иммуитет слабнет, и излучение ЗНР лишь больше прогрессирует. Я изучила ваши запасные искусственные органы. Есть способы сделать их более долговечными, растянуть на года, и тогда вам не придется делать операции так часто.

– Я знаю, что их можно сделать более долговечными, но в данный момент у меня совсем нет времени на новые эксперименты и исследования. К тому же в этом нет никакого смысла, потому что пока я их создам, ЗНР сделает свое дело.

– Возможно, и нет.

– Возможно?

– Рассмотрим все варианты влияния ЗНР. В случае с Александром и Анджеллиной все ясно: первый получил излучения в младенчестве, благодаря чему его организм привык к влиянию ЗНР; Анджеллина буквально впитала в себя все ядро, еще и в подростковом возрасте.

– А я нахожусь где-то посередине.

– Именно. Вы попали под влияние ЗНР, будучи ребенком, что дает шанс на выживание пятьдесят на пятьдесят, если вы будете заботиться о своем здоровье, в том числе и ментальном, сне и питании. Только в этом случае возможна ремиссия. Иначе шансов нет. Ближе... к концу температура вашего тела начнет падать. Появится сильная слабость, начнут отказывать конечности. Но даже в этом случае, полагаю, ре-

миссия возможна. Во многом она зависит от вашего настроения и психологического состояния. Сейчас ваш организм борется за выживание. Так помогите ему. Никуда от вас не убежит вакцина от мужской болезни.

Его усмешка была похожа на резкий выдох.

– Ментальное здоровье? Как вы предлагаете его поправлять в моем случае?

– Знаю, это может прозвучать глупо, учитывая войну, но вы должны отвлечься от нее и отдохнуть. Уделить все свое время себе и мыслите позитивно. На кону ваша жизнь.

– Вы правы. Звучит действительно глупо. Я бы даже сказал по-идиотски. Вы хотите, чтобы я бросил все, чем сейчас занимаюсь, закрыл глаза на войну, возможную смерть близкого человека и уехал в какой-нибудь санаторий ради вероятности выживания пятьдесят на пятьдесят? – Саша хлопнул себя по коленям и склонился ближе к ее лицу. – А если не выживу? Все, над чем я работал, так и останется незаконченным.

– Какой толк от ваших открытий, если вас не станет? Мне больно говорить об этом, но о спасении Анджеллины придется забыть. Это невозможно. Не стоит тратить время на заведомо гиблое дело, а лучше потратить его на себя.

– Вы не слышите, что несете! – всплеснул он руками.

– Смиритесь, вы ей не поможете, – покачала она головой. – Помогите лучше себе. Я тоже помогу. Начну с усовершенствованных версий искусственных органов.

– Ваша задача – придумать способ уничтожения своих горгонов до наступления на Берлин, которое может состояться в ближайшие недели.

– Я и не собираюсь откладывать старую работу. Просто в свободное время буду заниматься новой.

Он вскочил с места и всплеснул руками, приговаривая:

– Поразительно, как вы бездарно готовы растрачивать свое и без того крайне ограниченное время.

– Нет, – она встала перед ним, – поразительно то, как легко вы отпускаете свою бесценную жизнь, чтобы потратить ее остатки на бессмысленную борьбу за чужую жизнь и то, чего не смогли достичь тысячи ученых. Вы умный человек, но в данном случае поступаете непозволительно глупо.

Он коротко усмехнулся, переступил с ноги на ногу, затем сглотнул ком в горле, облизнул пересохшие дрожащие губы и, не переставая странно улыбаться, поднял на Монику глаза, полные отчаянной боли.

– Вот как? Теперь надежда стала синонимом слова «глупость»? Или вы тоже из тех людей, которые считают, что она мне чужда? Может, я взвесил все «за» и «против» и посчитал более целесообразным заниматься тем, что с наибольшей вероятностью выгорит. А может, я просто не смогу спокойно прожить остаток своей спасенной жизни, мучимый мыслью, что даже не попробовал помочь близкому человеку, когда он больше всего нуждался в этом.

Моника отвела взгляд в сторону.

– Не обманывайте себя, Саша. Вы сами знаете, чем это закончится. Со временем ядро начнет перестраивать устоявшуюся конституцию ее организма, что принцесса попросту не переживет. Вы должны сообщить ей об этом. Надежда далеко не всегда оправдывает свои вложения. Часто после нее остаются одни сожаления. И это самое невыносимое чувство на Земле, от которого нет избавления.

Быстрыми резкими шагами Саша вылетел из лаборатории. Он знал, что каким бы ни был исход, сожаление будет сжигать его до последнего вздоха.

11. Еще одна причина жить

Александр проснулся от шума дождя, тарабнящего по навесу крыльца под окном. Он уперся локтями в постель и оглянулся. Остуженная ночным холодом от приоткрытого окна спальня тонула в полумраке из-за серой пелены, что заволокла небо. Каспар еще спал, повернувшись к нему спиной.

На электронных часах семь утра. Еще два часа до прихода врачей и начала процедур.

В легком состоянии дремы Александр встал, закрыл окно и уставился вдаль. Верхушки изумрудных невысоких холмов растворялись в полосе густого тумана.

Утра становились холоднее. Скоро зима. Где-то на фронте, вдруг задумался Александр, германские солдаты сейчас сидят в грязных окопах и мерзнут в своих несвежих одеждах, думая о том, что, возможно, не доживут до вечера. И все из-за него.

Он еще не знал об этом наверняка, но был уверен, что после вчерашнего заявления о родстве Дирка и Саши Делинда лишится финансирования. А значит, она бросит все силы, чтобы достичь скорейшей победы, даже если придется действовать грубее, чем обычно.

С тех пор как выяснилось, что Анджеллина стала живым сосудом ЗНР, Александр не мог себе даже вообразить, как

именно ее собирается использовать Делинда. На том заявлении принцессы, размышлял король, и должна была закончиться эта абсурдная война, но сестра и не думала сдаваться. Ставки были слишком высоки.

Порой Александру казалось, что Делиндой уже двигало не столько желание нажиться на войнах благодаря ЗНР, сколько одержимость доказать, что она чего-то стоит. И эта одержимость слишком дорого обходилась имиджу страны и многим людям. Ей уже давно было плевать на судьбу своего государства. Мир не забудет, как армия Великобритании во главе с верховным главнокомандующим Александром уничтожала германские города и деревни, жестоко расправлялась с солдатами с помощью специально созданных для этого горгонов и брала в плен мирное население, чтобы подвергнуть страшным демонстративным пыткам. Но не только из-за неисправимых ошибок им нельзя было останавливаться: если Германская империя победит, даже если стороны сядут за стол переговоров, это не смоет с британцев кровь невинных, и их будет ждать суд. Несмотря на неприкосновенность британских монархов, из-за войны могут сделать исключение и приговорить всех – от зрителей пленных до короля – к смертной казни.

Александр порой думал, что даже если Великобритания победит, их с Каспаром не оставят в покое. Каким бы ни был исход, пришел он к выводу, они должны быть готовы уйти в тень в любой момент.

После процедур и завтрака они вышли на прогулку. К тому времени дождь почти стих и облака стали светлее, но гнетущая атмосфера не покидала ни этот край, ни Александра.

– Все в порядке? – Каспар остановился у забора. Благодаря механическим установкам он мог передвигаться почти самостоятельно, но на улицу всегда брал с собой костыль.

Александр раскрыл черный зонт и поднял его над их головами.

– Да, все нормально, – ответил он устало.

– Ты все утро в своих мыслях. Это из-за того, что Саша оказался сыном Дирка?

В душе Александр грустно ухмыльнулся. Это была меньшая из проблем.

– Думаешь, это как-то повлияет на исход войны?

– Зная Сашу, он бы ни за что не согласился на такие унижения просто так. – Они вышли со двора и двинулись к низкому холму по уложенной диким камнем тропинке. – Вероятно, они заключили какую-то сделку.

– Странно, что все это происходит именно сейчас. Может, цена сделки – прекращение финансирования войны?

– Вполне вероятно. Но это лишь разозлит Делинду. Даже без денег мистера Марголиса ей ничто не мешает хоть сейчас напасть на Бундестаг.

– Но не на Сашу, – напомнил Каспар. – Дирк этого не позволит.

– При этом два месяца позволял ей издеваться над ним.

Наверное, ему что-то понадобилось от Саши. Все же именно он остановил его пытки. Думаю, Саша сейчас в большей безопасности, чем раньше.

– Хоть это радует.

Они начали медленный подъем на увенчанный несколькими деревьями холм. Александр придерживал Каспара за свободную руку, приговаривая:

– Не торопись. Скамейка подождет.

– Хочется уже поскорее снять эти кандалы на ногах, – усмехнулся Каспар. – Чувствую себя стариком.

– До этого ощущения тебе еще пара десятков лет, так что не спеши.

Добродушная улыбка Александра не сгладила шутку. Заметив на лице Каспара тень печальной задумчивости, он поспешил извиниться:

– Прости, дурацкая шутка. Я не имел в виду ничего такого.

– Не страшно, – слабо улыбнулся Каспар. – Я и сам все понимаю.

Они остановились, когда до каменной скамейки оставалась пара метров. Александр встал перед Каспаром, взял его за руки ниже плеч и взглянул в глаза.

– Конечно, я прекрасно осознаю разницу в возрасте, но, Каспар, как я когда-то говорил, для меня это не имеет значения. Для меня важен ты сам. Прошу, забудь об этой глупой шутке. Я больше никогда и мысли не допущу...

– Все нормально. – Каспар жалобно поднял брови и приобнял его. – Не нужно из-за этого переживать. Ты не сказал ничего обидного. Только правду.

Несмотря на отрицания, Александр чувствовал, что его слова глубоко зацепили Каспара.

Король не мог понять, с чего вдруг в голову пришла эта идиотская шутка, ведь сам он никогда не рассматривал возраст Каспара как причину усомниться в правильности их отношений и даже не задумывался о том, что тот, по существу, человек из другого поколения, выросший в те времена, о которых Александр знает лишь благодаря учебникам современной истории.

Впрочем, он не желал надолго останавливаться на этом. Двадцать лет разницы в возрасте стирались безусловной любовью к Каспару таким, какой он есть. И это для Александра было самым главным.

Идиллию объятий и дождя прервал жалобный писк. Александр оторвал голову от груди Каспара и развернулся.

– Что это было?

Вновь писк.

– Там кто-то мяукает?

Александр вышел из-под зонта и поднял глаза на дерево. С одной из нижних веток на него смотрела пара зеленых напуганных глаз. Вновь протяжный писк, в этот раз больше напоминавший мяуканье.

– Господи, тут котенок застрял на дереве.

Каспар подошел к дереву и свернул зонт. Дождь лишь слабо моросил.

– В самом деле котенок... Стой!

Но Александр уже принялся лезть на дерево.

– После дождя очень скользко, – забеспокоился Каспар. – Давай лучше позовем кого-нибудь.

– Кого не жалко? – хихикнул Александр.

– Или я сам залезу...

– И думать не смей!

Он встал на нижнюю ветку дерева, придерживаясь за соседнюю. Действительно скользко, и броги, как оказалось, не лучшая обувь для лазаний по деревьям. Но главное, что до котенка все еще не дотянуться. Александр крепче схватился за верхнюю ветку, поставил ногу на опору выше и, подтянувшись, встал на нее.

– Ну привет, малыш, – улыбнулся он котенку и протянул к нему руку. Издав тонкое мяуканье, тот охотно сел в его ладонь и коготками вцепился в рукав пальто.

– Умоляю, осторожнее, – подал голос Каспар.

– Я держу его крепко.

– Я о тебе!

Спуститься с дерева оказалось сложнее, чем подняться, но через мучительные пять минут Александр уже стоял на земле и кутал намокшего дрожащего зверька в пальто, прижимая к груди.

– Собаки загнали, что ли?

– Это вряд ли, – усомнился Каспар, разглядывая котенка. – В Делиуаре нет бездомных собак, а хозяева по закону обязаны держать их на поводке.

– Сам залез? – Александр не переставал улыбаться от умиления. – Он такой чудесный.

– И породистый, судя по всему. Кто-то, наверное, потерял его.

– Выясним это позже. А пока ему или ей необходимо тепло.

Они вернулись в особняк, и еще на входе Александр повелел служанке заказать для животного все необходимое, включая лучший корм. Проведя следующие полчаса в приятных хлопотах, король вышел из ванной с котенком, заботливо завернутым в полотенце.

– Он ведь уже сухой, – заметил Каспар, сев в кресло у камина.

– А вдруг замерзнет? В комнате достаточно тепло?

– Достаточно, Ал, достаточно.

Каспара не переставали трогать ласковость и сердечность Александра. С все еще засученными после купания котенка рукавами он посадил малыша на серую лежанку у кресла и придвинул миски с водой и кормом. Тот устало взглянул на еду и свернулся клубком.

– Он правда похож на породистого. – Александр легонько гладил его по голове, наслаждаясь тихим урчанием.

– И не просто похож, а так оно и есть. Кажется, это брита-

нец, еще и крайне редкого шоколадного окраса – циннамон.
– Он ручной. Наверное, у него и правда есть хозяева.
Каспар заметил в его голосе нотки печали.

– А ты бы хотел его оставить?

– Конечно! – Александр начал чесать котенка у холки. – Ты знаешь, мама с папой не разрешали заводить ни собак, ни кошек. К собакам у меня душа не лежит, но кошек я очень люблю.

– Я бы тоже хотел оставить, если у него правда нет хозяев и его не будут искать.

На самом деле, найдись хозяева хоть сейчас, Александр не отдал бы им котенка. Он и сам поразился тому, как быстро к нему прикипел.

«Если задуматься, на войне погибают и питомцы», – вдруг осознал он.

Малыш тем временем засыпал. Урчание стихло. Комнату заполнил лишь треск пламени из камина. Александр сел рядом с Каспаром и положил ему голову на плечо. Стоило постараться расслабиться и закрыть глаза, как перед королем из глубин подавляемых воспоминаний возникла спинка кровати из бирюзовой комнаты, уши как сейчас заполнили собственные приглушенные стоны в подушку, а легкие вновь заполнил тошнотворный восточный аромат.

Александр распахнул глаза. В животе закрутило от дурноты.

– Теперь я вижу, чего тебе все это время не хватало, – сказал Каспар с добродушной усмешкой. – Кота.

– Да.

– Понимаю. Моя юность была бы серой, не будь в ней ко-
та. Животные – единственные, кому мы без застенчивости
можем дарить всю свою любовь.

– Ты прав. С людьми гораздо сложнее.

– Но все-таки приятнее.

После недолгой тишины Александр спросил:

– Как девочки?

– Как и всегда. Они не догадываются о том, что происхо-
дит в мире.

– Может, тебе все-таки уехать к ним? Специалистам все
оплатим. Поживут в США, пока ты будешь на лечении.

– Это будет слишком затратно – оплачивать дорогу, про-
живание, питание и зарплату, не говоря о лекарствах. Я и так
многим тебе обязан. И мы ведь уже это обсуждали. Я буду
здесь, пока ты будешь здесь. Одного тебя ни за что не остав-
лю, – отрезал Каспар.

– Война все равно скоро закончится, и мне при любом рас-
кладе придется уехать. Поезжай вперед, а я потом следом.

– Ал, дело ведь не в том, как будет лучше для меня. Тебе
сейчас очень нелегко, и мне совестно, что я ничего не могу
сделать. Дал волю злости и добавил тебе проблем. После это-
го уехать... Да я буду настоящей сволочью, если поступлю
так. И все же надеюсь, что хоть как-то облегчаю твою ношу.
А ведь все это, вся эта война, по сути, из-за меня...

Он осекся, но слишком поздно. Александр выпрямился и
испуганно уставился на него.

– Каспар, мы ведь уже обсуждали...

Он сглотнул. Сердце заныло от тяжести вины перед ним и тысячами жертв войны.

– Знаю, но, не буду скрывать, мне больно осознавать это. Ты принес себя в жертву, лишь бы я жил, и отпустил меня к дочерям. – Каспар покачал головой. – Я даже представить не могу, что должен сделать, чтобы искупить свою вину перед тобой и...

Ему не стоило договаривать, чтобы Александр все понял. От нахлынувших чувств у него перехватило дыхание, и он по-настоящему осознал, что возложил груз ответственности за смерти невинных не только на свои, но и на плечи Каспара.

Шульц все еще не знал, как к этому относиться, но лишь одно пронизывало сердце, когда он задумывался об этом, – боль. Тысячи людей стали жертвами любви Александра к нему.

– Ты в этом не виноват, – начал Александр дрожащим голосом. – Это только мой крест. Прости, что возложил вину и на тебя, но я не мог иначе. Эта война все равно бы случилась – без меня или со мной. А так ты жив и мы вместе. Я не представляю свою жизнь без тебя. И ты нужен своим дочерям.

Каспар хотел поспорить, но знал, что не имеет на это права.

– Да, я пошел на это, но если понадобится, то пойду дальше. Твоя жизнь дороже всего на свете.

– Это не так.

– Разве ты не поступил бы так же?

Больше всего Каспар боялся услышать от Александра этот вопрос: как бы он поступил на его месте? Согласился бы на убийство тысяч невинных или постарался бы смириться с утратой близкого человека?

Каспар опустил виноватый взгляд, и Александр все понял.

– Я не виню тебя за это, – произнес он подавленно, словно вот-вот заплачет. – И все понимаю.

Он вскочил с кресла и быстрым шагом направился к выходу.

– Ал, я не ответил. Прошу, погоди. – Каспар схватился за костыль и собрался встать.

Александр остановился в дверях. Слеза скатилась по щеке и губы дрожали, но лицо его оставалось сдержанно спокойным.

– Неправильно было задавать этот вопрос. На него не может быть верного ответа.

– Ал!..

Он вышел и закрыл за собой дверь. От щелчка котенок вздрогнул, издав короткое урчание, поднял голову, сонно оглянулся и вновь лег спать.

Желание пойти вслед за Александром и объясниться оборолось с нежеланием лгать. Каспар сел обратно в кресло, склонился над коленями и, уперев в них локти, закрыл лицо руками.

По велению Делинды Александр отправился на военную базу. Тяжелый тошнотворный металлический запах заполнил его легкие. Вместе с Робин они совершили осмотр камер с заключенными. Лишь разодранная темно-зеленая форма отличала военных от гражданских: их перепачканные лица с отпечатавшимся на них следом страха были обращены к крохотному окошку в двери, откуда на них смотрела пара сиреневых глаз, преисполненных глубоким состраданием и желанием помочь. Здесь, на базе, воздух был пронизан беспросветным отчаянием. Находиться в коридоре в окружении дверей, за которыми трепетали сердца невинных, Александру с каждым разом становилось все труднее, и уже на пороге он с нетерпением ждал, когда покинет это место. Множились полные камеры. Громче становился детский плач разлученных с родителями детей. От тяжелого топота армейских ботинок и свиста петель усиливалась тревожность, а в сознании чаще вспыхивала мысль, что после всего этого жить спокойно, несмотря на все надежды, у него уже никогда не получится. Этих ужасов не забыть.

Несмотря на мимолетные порывы, Александр не думал останавливаться. Каспар был для него важнее всего на свете. Слишком многим – от собственной непогрешимости до чужих жизней и репутации страны – он уже пожертвовал и обесценивать эти жертвы, подвергая дорогого человека смертельной опасности, не мог.

Уезжая, Александр созвонился с Делиндой и получил по-

ручение обратиться вечером к народу Великобритании. Как он и ожидал, Дирк прекратил финансирование ее войны, из-за чего в голосе сестры во время разговора прослеживалась неприкрытая злость. Но, как оказалось, не только из-за этого:

– Инженеры придумали новый способ для связи между солдатами в горгонах, но по какой-то причине вся система рухнула, и теперь ни один из них не включается. Это заметно ослабит нас. Некоторые страны связывались с нами для покупки горгонов. Это могло бы закрыть зияющую дыру в финансировании, которое некогда обеспечивал Дирк. Само собой, мы предложили им модели попроще, но и те теперь не включаются. Сделки сорваны, мы несем убытки. На восстановление программы уйдут недели, если не месяцы, а деньги заканчиваются. Некоторые особенно наглые солдаты после битвы при Ланд-Хадельне за свои услуги потребовали оплату больше, чем договаривались. Иначе уйдут. Да и поведение миссис Уилсон настораживает. Выборы нового премьер-министра станут проблемой в такие времена.

– Иными словами, ситуация сложная.

Делинду смутил его равнодушный тон.

– А ты только рад этому, верно? И начал отвлекаться от нашей цели. Помни, ради чего на это пошел. Враг оказывает сопротивление, но еще пара недель, и мы возьмем Берлин. И тогда ты будешь свободен. А пока будь добр, поговори с нашим премьером, чтобы она даже не думала об уходе. Усыпи

ее совесть, разжалоби, подкупи. В общем, сделай все, только чтобы она осталась. Ее связи в СМИ важны для нас.

12. Гедалия Марголис

- Я же просил тебя, сынок, надеть твой лучший костюм.
- Будет необходимость, надену. Ты же хочешь всего лишь познакомить меня с дедушкой.

Они поднимались по мраморным ступенькам парадной виллы. Откуда-то слева, на первом этаже за закрытыми резными дверями, то и дело слышался задорный мужской смех.

Саша ожидал увидеть вычурный пестрый дизайн, дорогие предметы мебели, люстры с драгоценными камнями, статуи, узнаваемые картины, да побольше, и обязательно на фоне темных обоев, чтобы каждому входящему бросались в глаза толстые золотые рамы. Дедушке стоило отдать должное: глаза отдыхали, скользя по сдержанным пастельным тонам и минималистичному интерьеру.

Но все опасения Саши были воплощены в жизнь на втором этаже. Здесь пахло не так, как внизу, не алкоголем и восточным парфюмом. Это был пьянящий сладко-пряный аромат книг, пробудивший в Саше воспоминания о знакомстве с Меллом в библиотеке.

Оставив вещи в гостевой комнате, он вместе с Дирком направился по коридору в кабинет дедушки.

- Странно, что я не слышал о Гедалии, – заметил он, направляясь по коридору.
- Он фигура не публичная, любит оставаться в тени и из-

редка мелькать на аукционах, а делами в основном заправляю я или мои родственницы.

– Так у вас, оказывается, семейный бизнес?

Дирк различил в его голосе издевку и снисходительно улыбнулся.

– Теперь ты тоже часть нашей семьи. И бизнеса. После знакомства с дедушкой мы спустимся с тобой в казино и обсудим детали нашего сотрудничества.

– Не лучшее место для деловых переговоров.

– Ты и представить не можешь, сколько выгодных сделок мы там заключили. Даже самые стойкие бизнесмены дурнеют от алкоголя, пачек денег, атрибутов роскоши и красивых полуголых женщин на коленях, поглаживающих их ниже пояса. Они перестают мыслить здраво. Все их существо хочет лишь одного – насладиться моментом. Тогда-то они, поддавшись животным инстинктам, перестают думать о важном и отдают свои компании за бесценок. Мы ставим подписи, и для них пути назад нет.

Саша был слегка поражен столь бессовестным откровением.

– И почему ты решил, что со мной нужно договариваться именно в таком извращенном месте? Дам подсказку: куда лучше на меня действуют библиотеки.

– Уверен, тебя ничем не задурить. Это делает тебя надежным, но в то же время непростым партнером. Я отведу тебя туда, чтобы ты просто отдохнул, а заодно поговорим о делах.

Одно другому не мешает. Но библиотека у Гедалии действительно есть. И не просто библиотека, а целый архив с разными секретиками. Рано или поздно отведем тебя туда, тем более что там тебе предстоит одно дельце.

– Дельце?

– Он сам тебе расскажет, когда будешь готов. – Дирк оглядел его оценивающим взглядом. – Что у тебя за парфюм? Tom Ford Lost Cherry? Классика, но им ведь уже давно никто не пользуется. Мог бы выбрать что-то более модное.

– Мода меня никогда не волновала из-за своей непостоянности и навязчивости, а аромат мне нравится.

– Должен признаться, вишня тебе очень идет, – Дирк на ходу убрал за ухо выбившуюся прядь Саши. – И распущенные длинные волосы тоже. Ты становишься очень похожим на свою мать. Так и оставь. Мне нравится.

Саша замер.

– Я не должен менять свою прическу, потому что она нравится тебе и потому что она делает меня похожим на мать? – Он вытащил из кармана резинку. – К слову, спасибо, что напомнил...

Дирк перехватил его руку.

– Не стоит завязывать их в хвост. Я же сказал: мне нравится, когда они распущены.

Отчего-то Сашу передернуло.

– Я ученый и монарх, а не манекенщик, – процедил он сквозь зубы, освобождаясь от хватки и принимаясь завязы-

вать хвост. — Я работаю на тебя, а не наряжаюсь, чтобы радовать твой взор. И я буду делать со своей внешностью все, что заблагорассудится, ясно?

Говоря это уверенным тоном, Саша, тем не менее, не чувствовал себя таковым. Скорее, растерянным и обеспокоенным жестами Дирка, наводящими на дурные мысли. Ему совсем не нравились сравнения с покойной матерью. Словно в нем постоянно искали ее. Зачем — Саша боялся даже задумываться.

Дирк ничего не ответил, лишь изобразил улыбку, не сулившую ничего хорошего.

Они остановились у кабинета. Дирк дважды постучал.
— Войдите, — послышался звучный голос.

Дирк открыл дверь. Как и в коридоре, в кабинете было мрачно. Мебель сливалась с темно-коричневыми обоями с орнаментом, и высокий пожилой мужчина за столом напротив дверей в таком же темно-коричневом костюме не сразу вырисовывался. Он сидел неподвижно со сложенными в замок руками на столе. Ярко-голубые глаза в ореоле морщинистых покрасневших век пристально смотрели в сторону гостей, закрывающих за собой дверь. Взглядом он указал им на кресла в паре метров от стола.

Саша полагал, что Гедалия очень стар, но на вид ему нельзя было дать больше семидесяти. На запястье левой руки поблескивали часы, из уложенных набок седых волос не выбивалась ни одна волосинка. Толика презрения и самовлюб-

ленности, казалось, была неотделима от его взгляда с прищуром. Едва различимые тонкие губы разомкнулись, и он спросил с хрипотцой:

– Ты забрал компанию Айзека?

– В процессе переговоров.

– Какие здесь могут быть переговоры? – чуть повысил он голос, но на лице не дрогнул ни один мускул. – Ты слишком долго с ним возишься.

– Даю слово, отец, еще пара встреч, и вся компания перейдет к нам.

– Что, казино не помогло? – вклинился Саша.

– Ты уже не так убедителен, раз по три месяца можешь мусолить одно и то же, – продолжал напирать Гедалия. – Теряешь хватку. Тебе напомнить, как лучше всего проводить быстрые переговоры?

– Ты о...

– Находишь человека, который надругается над его дочерью у него на глазах, и уже через минуту компания со всеми акциями твоя.

Дирк закивал. С его лица не сходила маска терпеливого сына, но напряженные уголки рта выдавали его протест.

– Но, отец, – отвечал он обходительным тоном, – его дочери всего одиннадцать. И это не мои методы.

– О, белоручка, – морщинистое лицо содрогнулось в улыбке, – весь в свою шлюху-мать. Она тоже не любила пачкать руки, а может, дала бы мне в свое время пару затрещин,

была бы сейчас жива. Я люблю людей, сильных духом.

Саша не переставал поражаться услышанному. Он заметил, как у Дирка дернулся глаз.

– Да, отец, – продолжал тот с улыбкой. – Для тебя шлюха – всякая женщина, посмевающая пробудить твоё негодование. Я помню, не стоит об этом напоминать.

– Ну не мужчина же. Они больше по твоей извращенской части. Но мы отошли от темы разговора. Я жду ещё неделю. Если не удастся забрать компанию по-хорошему, то заберем по-плохому. Ты знаешь меня. Я не люблю брать свои слова назад.

– Постараюсь, отец.

– А теперь ты, – Гедалия обратил на Сашу бесстрастный, почти равнодушный взор. – Так похож на свою мать, что даже стыдно. Даже рост взял от нее. Он точно парень, Дирк?

– Точно.

– Надеюсь, через пару лет возмужает, иначе от девушки не отличить из-за этой шевелюры. Тебя бы подстричь.

– Вижу, что фетиши на длинные волосы не у всех. Уже радуется. – Саша оглянулся на Дирка, казалось, делавшего все возможное, чтобы не встречаться с ним взглядами в этот момент. – Да так случилось, Гедалия, что отрастил немного, пока был в плену Делинды.

– Заточение пошло на пользу?

– Конечно. Страх перед мучительной болезненной смертью от потери крови из-за того, что людоедка рассекает твою

руку, так мотивирует жить.

– Это хороший опыт. Говорю тебе как тот, кто иногда заставлял некоторых его получить.

– Раз вы такой знаток в мучениях, осмелюсь предположить, что и сами их перенесли. Какой же опыт был самым болезненным для вас? Падение акций на один пункт?

Гедалия разразился хохотом, но сколь внезапно он появился, столь внезапно же и стих.

– Ха-ха, а у него язык подвешен. В тебя, Дирк. Есть постоянная женщина?

– Вы о девушке?

– Не о парне же. Ты ведь не из этих? Или, что еще хуже, не как мой сын?

– Какое отношение это имеет к делу?

– Значит, нет. Это плохо. У мужчин из рода Марголисов всегда должна быть минимум одна женщина под рукой на случай, если в трудный момент потребуется расслабиться.

Саша оглянулся на Дирка.

– Теперь я понял: это у вас обычай такой – быть извращенцами.

Гедалия тихо хохотнул и вытащил из своего мини-бара под столом три бокала и бутылку.

– Ты любишь охоту, мой мальчик?

– Никогда на ней не бывал.

– Что ж, это нужно исправить. У нас, Марголисов, заведено хотя бы раз в месяц охотиться с помощью старинных

винтовок на арабских скакунах. Тебе это пойдет на пользу. Я уже договорился о подготовке дичи и лошадей.

– У нас разные представления о развлечениях. Я предпочитаю не пачкать руки кровью, пусть даже это будет кровь кролика или оленя.

– И что же ты тогда считаешь развлечением, если не старую добрую охоту? Скачки? Гольф? Рыбалку?

– Чтение, просмотр документальных фильмов о науке, природе, космосе, древних цивилизациях, генетике и биологии в целом.

– О, я словно разговариваю со стариком из дома престарелых, – разразился Гедалия безудержным смехом. – У мужчин старше меня увлечения поинтереснее, а я очень старый.

Он взглянул на Дирка и кивнул в сторону внука, приговаривая:

– Ему необходимо оформить гражданство Израиля.

– Я уже занимаюсь этим, – заверил его Дирк.

– Зачем оно мне? – поинтересовался Саша с насмешкой. – Дань уважения предкам? Возвращение к «истокам» на чужих оккупированных землях?

Гедалия смотрел на него со снисходительной улыбкой.

– Знаешь, раньше Израиль признавал гражданами тех, кто еврей по материнской линии. К нашему несчастью, ты официально еврей по линии отцовской. Но хорошая новость в том, что Израиль смягчил правила, так что теперь и ты без труда можешь получить гражданство. Возвращение к исто-

кам? Именно. Свою историю, историю своей страны и своих предков нужно знать.

– Вроде того, что евреи сорок лет сновали по пустыне?

– Вроде того, – подыграл ему Гедалия. – Видишь ли, современный мир в лице политиков-энтузиастов пытается внушить людям, что не имеет значения, кто ты – мужчина или женщина, взрослый или ребенок, еврей или немец, черный или белый. Они пытаются уничтожить идентичность людей, чтобы якобы сблизить их, покончить с войнами, ксенофобией, расизмом и сексизмом. На деле же им просто гораздо удобнее контролировать народы, когда они лишены устоев и истории, когда даже те, кто их имеет, не придают им значения, потому что «все мы люди». Они стирают границы, пытаются смешать все в одну кучу, запутать людей, чтобы было проще их контролировать. Ты должен всегда помнить, кто ты. Должен знать историю своей семьи, народа, из которого произошел, и гордиться ими.

Саша не мог отделаться от мысли, что от слов Гедалии в комнате становилось душно. Но что-то в его словах задело его.

– Что же вы не возьмете все в свои руки и не вобьете людям в голову свою истину? Может, потому что вас все устраивает?

Гедалия хохотнул.

– Верно. Контролировать людей, которые любят и уважают свою историю и происхождение, куда сложнее. Но я вел

все это к тому, что ты ни в коем случае не должен поддаваться энтузиазму некоторых идиотов.

Саше вдруг стало искренне жаль тех, кто действительно верит в единство людей и не видит в этом подвоха.

– Все это очень мило и даже патриотично, и все же вряд ли вы такой сентиментальный. Сразу бы сказали: у меня в Израиле бизнес и недвижимость. Призывами помнить свою новоиспеченную историю и не менее новоиспеченных предков, без которых я как-то обходился шестнадцать лет, меня туда не завлечешь.

– Да мне вообще, смотрю, можно ничего не говорить, ты и сам все прекрасно понимаешь! – Гедалия вновь разразился смехом. – Да, наши деньги вложены и в эту страну, так что ты должен иметь возможность беспрепятственно там находиться и даже жить. Больно тебе это признавать или нет, но Германию рано или поздно придется оставить. Будет как у британцев: формально правит Александр, но по факту – Деллинда.

В сердце у Саши зародился яростный протест.

– Я не покину свою страну. Здесь мой дом.

– Но это, в сущности, не твоя страна.

– По материнской линии все же моя. Да и какая разница, кто я? К чему так акцентировать на этом внимание?

– Если только не для того, чтобы напомнить: в твоих жилах течет кровь ученых-убийц из концлагерей и наша благородная кровь. Боюсь тебя разочаровать, но от немцев в тебе

куда меньше, чем от евреев.

– В каком смысле?

Дирк испытующе взглянул на Гедалию, но тот этого не заметил. Приняв самодовольный вид, он принялся неторопливо отвечать, наблюдая за любым изменением в лице внука:

– Когда я узнал о твоём рождении, решил поинтересоваться настоящим происхождением твоей матери. – Он вытащил из ящичка тонкую папку. – Добыл ее ДНК, отправил на экспертизу... и что же я там увидел? Ну же, взгляни.

Дирк обреченно вздохнул.

– Уж прости, сын, – хихикал Гедалиа. – Я знаю, как ты гордился тем, что Саша еврей лишь по твоей линии, но это не совсем так.

Саша осторожно открыл папку и не поверил своим глазам.

– Ключеры – это все те же евреи, когда-то сбежавшие в Германию и взявшие немецкую фамилию. Они так хорошо скрывались, что во времена Второй мировой из-за их вопиющей жестокости ни у кого не возникло сомнений в том, что они немцы. Этим они привлекли Марголисов – единственных, кто знал их секрет. Гениальных ученых, приговоренных к казни, было навалом, но гениальных евреев под видом немцев с идеальным немецким – ни одного семейства. А какое они демонстрировали отвращение к своим соотечественникам!

– Они действительно ненавидели нас за наше происхождение. Всеми силами старались забыть, кто они, – добавил

Дирк. – И еще больше возненавидели, когда мы спасли их.

– Конечно, за время жизни в Германии они попережежились на немцах, поэтому до наших дней Клюдеры дошли нечистокровными. – Гедалия выдержал паузу, насладившись едва скрываемым замешательством Саши. – И все же в целом еврейской крови в тебе процентов на восемьдесят. Ее испортил только муж Авроры, эта германская деревенщина Люк Краус.

– И что же теперь? – спросил Саша безучастным голосом. – Чего вы ждете от меня?

– Принятия действительности. И чтобы ты гордился своими корнями и историей.

Сашу до тошноты утомил этот разговор. Он полагал, что Гедалия – человек старых нравов, но не думал, что старик окажется настолько помешанным на их семействе и идентичности людей. Всеми силами он старался пробудить в Саше интерес, чтобы сблизить его с Марголисами, но чем больше Гедалия старался и чем дольше затягивался разговор, тем сильнее Саше хотелось закончить его и больше никогда не возвращаться к нему.

Он принял увиденный тест ДНК как факт, пометил в голове новую деталь о своем происхождении и тут же постарался забыть об этом. Но что-то мешало.

Слова Гедалии резанули ему слух. Несмотря на то что Вторая мировая была давно, несмотря на то что в преступлениях Марголисов его вины не было, Саша не мог отделаться

от чувства ответственности за все то, что сделали его предки, и от мысли, что сам причастен к этому.

Гедалия схватился за бутылку вина.

– Этому вину, как и тебе, шестнадцать лет. Его сделал один славный винодел, который не был плодовит на вина, но каждая бутылка – драгоценность для истинного ценителя. Я купил это вино на аукционе за тридцать тысяч долларов. Особенно ценным, помимо вкуса, его делает то, что мастер помер на следующий день после заготовки своей последней в жизни партии элитных вин. И эта бутылка как раз оттуда. Одна из девяти драгоценных бутылок. – Он откупорил вино и наполнил все три бокала. – Ты обязан выпить со мной за наше воссоединение и, я надеюсь, долгосрочное сотрудничество. Мы ждем от тебя не просто нераспроданные патенты на старые изобретения, но и новинки. Под брендом Марголисов их возьмут в разы дороже, чем они стоят. И я приметил уже нескольких покупателей. – Гедалия поднес бокал к губам и блаженно вдохнул терпкий аромат. – С тобой мы начнем монополизировать рынок изобретений и укрепим свой статус на мировой арене.

Дирк взял свой бокал и вручил третий Саше.

– За Марголисов, – провозгласил Гедалия и приступил к напитку. Когда он допил и вздохнул, обнаружил Сашу все в той же сгорбленной позе, с какой тот брал бокал. – Что не так?

Саша выдержал недолгую паузу и заговорил, не поднимая

глаз.

— Есть кое-какие моменты. Дело даже не в том, что вы навязываете мне потребительское отношение к женщинам, монополизируете рынки, насилуя детей партнеров у них на глазах, дурите их, оставляя ни с чем, хотите, чтобы я гордился своими предками-убийцами. Нет, все это ужасно, но не вижу смысла объяснять вам, почему, ведь вас в этом точно не переубедить и вы не остановитесь. — Он поднял настороженный взгляд. — Просто я не хотел бы до конца своей жизни быть вашим рабом, потому что в моих жилах течет ваша кровь. Да, я отработаю обещанное, отдам вам все старые патенты, наработки, что только попросите, но... — Он покачал головой. — Я не буду, как собачка, прибегать по каждому вызову и сидеть на коротком поводке. Не примите сказанное близко к сердцу, — в столь почтенном возрасте это опасно, хотя, уверен, в вашей грудной клетке сердца периодически меняются, — но я лишь устанавливаю свои границы, ведь... — Саша перевел насмешливый взгляд на Дирка. — Как правильно заметил мой папочка, я надежный, но не простой партнер.

Он встал и поставил бокал на стол.

— А еще я не пью.

Принц развернулся и вышел из кабинета.

На лице Дирка заиграла удовлетворенная улыбка.

— Я же говорил, его не впечатлят ни вино, ни твоя речь, ни предложение поохотиться. Вероятно, не один я теряю хватку в проведении переговоров.

Гедалия вскинул густую седую бровь и спрятал бутылку обратно в мини-бар.

– Он очень похож на него, не находишь?

– Ты о...

– Да. Эти благородство, доброта, самоотверженность, принципиальность, смехотворная вера в правое дело, неподкупность. – Гедалия передернулся. – Сочетание всего худшего, что может быть в слабом человеке. И все от Люка, черт побери.

– Что поделаешь? Характер человека – это результат не только его воспитания и детства, но еще и генов.

– Что толку от подавляющего процента наших корней? Он практически не похож на нас. Даже внешне пошел в Люка. Я словно смотрю на его перерожденное воплощение. А зная, кто и как воспитывал Сашу, пока его мать спала со всеми мужчинами, которые только интересовались ею, а бабка не вылезала из лаборатории, потихоньку поедаемая Альцгеймером, будет не просто его перевоспитать и подстроить под новые реалии. И все ты виноват.

– Нужно было начинать раньше, но кто ж знал, что он так быстро сформируется как личность. Александр в свои восемнадцать до сих пор вряд ли понимает, какой он человек.

– Да что мне твой Александр? – прикрикнул Гедалия. – Еще раз услышу об этом мужеложнике от тебя не в контексте работы...

– И что? – спросил Дирк невозмутимо, с нотками угрозы

в голосе.

Гедалия перевел дух и продолжил более спокойно:

– Саша помнит, кто его воспитал?

– Кажется, нет. После взрыва и излучения он многое забыл.

– Точно не помнит?

– Мы ставили эксперимент. Он не узнал ее.

Гедалия успокоился.

– Нужно было убить ее сразу. Она слишком много знает.

– Убьем, если понадобится, но я пока не спешу.

– Из Саши так и сочатся гордость и чувство собственного достоинства. Качества хорошие, но только если направлять их в нужное русло, а не использовать в качестве меча против тех, с кем следует сотрудничать. А так забавный мальчишка. Все разногласия можно решить, если заинтересовать его нашей жизнью и показать все плюсы.

– Думаешь?

– Уверен. Да, покапризничает немного в самом начале, будет показывать свой характер, но я знавал таких – порядочных, гордых и принципиальных. Пьяные, под веществами в объятиях проституток они с удовольствием валялись, стоило лишь выбрать подходящий момент. И после они становились очень податливыми, сотрудничать становилось легко. Вот увидишь: с ним будет то же самое. Ему шестнадцать лет, и он богатый, умный парень, наследник Марголисов, который может позволить себе столько, сколько, уверен,

он еще даже не представляет. Никуда от нас не денется. Просто нужно сделать так, чтобы ему понравилось с нами работать.

– Ключевые его качества, как ты и перечислял, – умный и гордый, – отметил Дирк. – Они не сочетаются с той жизнью, которой ты хочешь его заманить.

– О, заниматься этим будем мы вместе. Но ты знаешь его лучше. Тебе виднее, как им манипулировать. Хотя это можно доверить тебе с полной уверенностью в успехе?

Дирк выглядел добродушным, но в его глазах сверкали молнии.

– Я еще не провалил ни одной сделки. И эта, как и сделка с Айзеком, не станет исключением.

Он направился к выходу, когда услышал:

– И да, сын. Закажи мне кого-нибудь лет пятнадцати. Ты знаешь, как я люблю.

– Чем старше становишься, тем младше твои пассии и тем меньшим опытом они обладают.

– О, перестань читать мораль, – махнул рукой Гедалия. – Ты сам недалеко ушел.

– Мне, в отличие от некоторых, не приходится платить неустойку за причинение вреда человеку и покрывать страховку.

– У меня достаточно денег, чтобы переломать девушке каждую косточку и оплатить лечение так, что ей не придется больше работать.

– Потому что с переломанными костями ей грозит только больничная койка?

– Не строй из себя святого, Дирк. Ты, может, и пальцем никого не тронул, но слил столько денег в войну просто ради удовольствия, что демоны в аду аплодируют тебе стоя. Это нецелесообразно, необдуманно и глупо. Как и сливать пятьдесят миллионов на секс с каким-то белобрысым слюнтяем.

Дирк стиснул зубы, опустив презрительный взгляд.

– Хорошо, я найду тебе жертву. Но давай без насильственных порывов. Хотя бы потому что скоро ни одна куртизанка ни за какие деньги не залезет к тебе в постель.

– Постараюсь держать себя в руках. Я напишу тебе насчет охоты. Позаботься о том, чтобы наш капризуля явился. Ах, и кстати, – вздохнул он, – после казино вручи ему тот подарок от меня. Уверен, ему понравится.

13. Подарок и неожиданная встреча

Саша ждал Дирка у лестницы на первый этаж.

– Он псих.

– Еще какой, – Дирк спрятал руки в карманах брюк. – И чтобы сотрудничать с таким, нужно быть с ним на одной волне.

– Говоришь о нем как о партнере.

– Трудно представить его ближе после того, что он сделал.

– Что он сделал?

– Задушил мать на моих глазах, когда мне было одиннадцать.

Саша почувствовал, как в нем что-то дрогнуло. Дирк криво улыбнулся, но в его взгляде сквозила печаль.

– Она была его двоюродной сестрой. Очень отличалась от других Марголисов. Была слишком честной и добродушной.

– У Марголисов принято жениться на родственниках? – засквозило в голосе Саши отвращение. – Полагаю, для сохранения чистоты крови и денег семьи?

– Именно. Но женились и выходили замуж не за родных братьев и сестер. Двоюродных, троюродных. У мамы не было шанса отвертеться от брака. Аврора, твоя бабушка, должна была стать женой Гедалии, но ее не устроила перспектива

стать инкубатором, служанкой, секс-игрушкой и грушей для битья, поэтому она вышла замуж за Люка Крауса. Спасла себя и обрекла мою мать.

Он вышел вперед и, придерживаясь за перила, начал медленно спускаться.

– Если считаешь меня чудовищем, то Гедалия – это дьявол во плоти.

Саша из вежливости и жалости выдержал паузу.

– Я могу идти?

– Сразу после подарочка от Гедалии. Он очень старался, выбирая его. Оставил в комнате.

– Спасибо, но я пас.

Дирк преградил ему путь.

– Во-первых, мы договаривались посидеть в казино. Во-вторых, ты не имеешь права отказываться от подарка Гедалии. И никто не имеет. Он – старик вспыльчивый. Злить его бестактным отказом не стоит.

Саша сжал губы в негодовании.

– В комнате, говоришь? Хорошо, я мигом.

Он прошел мимо Дирка, едва коснувшись его плеча, и двинулся к гостевой комнате. Зайдя в нее, он не обнаружил ничего, что было похоже на подарок. Он накинул на руку пальто и взял со стола новую бутылку воды. Сделав пару глотков, он услышал за спиной шорох и резко обернулся.

Бутылка едва не выпал из руки.

Саша машинально уставился в пол и резко развернулся,

стараясь унять стыдливый жар.

Он неоднократно видел зарисованные и сфотографированные обнаженные тела в учебниках анатомии – от детально изображенных пальцев до гениталий – и некоторое время, создавая Анко и Астру, занимался разработкой их искусственных тел, желая приблизить их к настоящим, человеческим. Но еще никогда ему не приходилось видеть человека, обнажившего свое тело с не самыми пристойным намерениями.

Саша корил себя за наивность. Глупо было ждать от Марголисов нормального подарка – какую-нибудь коробочку, украшенную цветастыми ленточками.

За его спиной стояла невысокая девушка. Волнистые пряди пшеничного цвета длиной ниже бедер были рассыпаны на ее плечах и груди. Она встретила его немного смущенной детской улыбкой, и он услышал неспешные тихие шаги босых ног.

– Почему вы отвернулись? Это такая игра? – Он почти чувствовал ее дыхание на своей спине. – Чего бы вы хотели?

– Чтобы вы оделись, – ответил Саша низким тоном. – Я серьезно. Не знаю, что здесь творится, но...

– О, понимаю, – хихикнула она. – Вы бы хотели сами избавить меня от одежды.

По телу Саши пробежал мерзкий холодок.

– Нет. Только чтобы вы оделись.

Саша напрягся всем телом, когда спину накрыло тепло об-

наженной груди и щеки, а проворные руки обвились вокруг талии.

С громким стуком он поставил бутылку и отчеканил с едва скрываемым раздражением:

– Если вы сейчас же не отпустите меня и не оденетесь, мне придется грубо вас оттолкнуть.

– Да-да, Ваше Высочество, – ее пальцы схватились за его пояс и принялись вытягивать ремень, – признаться, вы не выглядите как человек, которому нравится принуж...

Саша оторвал ее руки от ремня, отскочил на несколько шагов и развернулся, глядя прямо в растерянное девичье лицо.

– Я же сказал отпустить меня. И одеться. Сейчас же!

В ее глазах поселилось тихое возмущение. Она торопливо подняла с пола халат, надела его и завязала пояс.

– А теперь уходите.

– Но, Ваше Высочество, – обиженно протянула она, – меня вызвали к вам в качестве подарка.

– Я не просил об этом. Просто один непробиваемый человек решил оказать мне совершенно отвратную и в каком-то роде даже оскорбительную услугу, в которой я не нуждаюсь. Так что поспешите собраться и оставить меня.

– Н-но я не могу просто уйти, когда уже взяла деньги.

– Что ж, тогда верните их.

– Боюсь, что мистеру Марголису это не понравится. Простите, но я не хочу подставляться и портить свою репутацию,

став куртизанкой, которую отверг клиент в первую же минуту после встречи. У меня никогда такого не было. Я в чем-то провинилась? Скажите, где я поступила не так, как вы того хотели, и я постараюсь исправиться. Вам не понравилось мое заигрывание?

– Хотя оно было настолько фальшивым, что сводило зубы, это мелочи.

Судя по ее оскорбленному виду, Саша решил, что подобная критика ей в новинку.

– Что еще? – поинтересовалась она сдержанно, явно обиженная его замечанием.

– Дело не в ваших ошибках, а в моем нежелании. Это я и пытался до вас донести.

– Вы стесняетесь меня? Я не вызываю у вас трепета?

– Ни малейшего, если не считать стыд и отвращение за трепет.

Она окончательно растерялась и опустила расстроенный взгляд. На долю секунды Саше даже стало ее жаль.

– Я не могу уйти, ничего не сделал.

– Так скажите, что вы выполнили свою работу.

– Но это будет ложь. Я не могу врать Марголисам. И никто не может. Особенно если деньги уже получены и потрачены... – Она опустила голову и продолжила тонким голоском: – Зачем меня позвали, если с самого начала вы не желали ничего подобного?

– Простите, но... – Саша вздохнул в тщетных попытках

найти способ отделаться от гостыи. — Мне противна сама мысль сношения с вами. А все это... — махнул он рукой так, будто хотел указать ей на нее. — Все это какие-то глупости. Я правда спешу.

— Сношения, — только и повторила она. — Как же грубо это звучит. Вы словно никогда...

Саша нахмурился.

— О, простите, мне не стоило акцентировать на этом внимание. Просто... Это так необычно для меня и, уверена, было бы необычно для многих других куртизанок. Это многое проясняет. Вы, должно быть, ищете ту самую?

— Никто из вас, когда сталкивается с такими случаями, вообще никогда не рассматривает вариант с элементарным нежеланием? Отвращением? Иными убеждениями? Неужели так сложно принять мысль, что есть люди, не увлеченные тем, что стало неотъемлемой частью их жизни? Я уже молчу о том, что мне только шестнадцать.

— В будущем вы можете передумать.

— Неужели вам самой это всегда доставляет удовольствие?

— Конечно нет. — всплеснула она руками. — По правде говоря, работа никогда не доставляла мне морального удовлетворения.

— И что вы тогда забыли в такой профессии?

Она опустила грустный взгляд и улыбнулась.

— Меня так воспитали. С самого детства. Есть такие организации, которые обучают телохранительниц, проституток и

эскортниц. В общем людей, без которых богачи жить не могут. Обычно берут красивых сироток, но меня привела мама.

Взгляд Саши смягчился.

– Она бросила вас?

– Что вы, нет. Просто сказала, что, когда вырасту, буду зарабатывать много денег и обрету связи. Но все не так радужно.

– Вы, должно быть, мечтали о другой жизни?

Она усмехнулась, подошла к столу, налила себе вина и ответила задорным голосом:

– Я говорю на пяти языках, Ваше Высочество, знаю философию, психологию, политику, моду, искусство, кино, обучена актерскому мастерству. Обычно с последним особо стараться не приходится. Мужчинам нравится, когда я веду себя как дурочка. Ощущение превосходства надо мной в умственном плане питает их эго. – Она взглянула на него исподлобья, с хитринкой. – Но, смотрю, не на всех это действует. Не хочу хвастаться, но я грамотнее и умнее большинства выпускников престижных университетов. – Девушка села на обитый золотым бархатом диван, закинула одну ногу на другую и отпила вина, не переставая смотреть на Сашу. – Я могу найти тему для разговора с любым человеком. В том числе и с вами.

Безусловно, Саша знал, что некоторые куртизанки обучены не только удовлетворять похоть, но и вести светские беседы, чтобы их партнерам не было скучно. Они также зна-

ли многих знаменитостей в лицо, их фамилии, биографию, текущее положение и легко могли подсказывать своим временным спутникам, как лучше разговаривать с ними.

Однако Саша никогда не видел, как выглядит умная куртизанка. Безымянная девушка перед ним уже не походила на глуповатое создание, в образе которого предстала изначально. Теперь перед ним сидела девушка, так и лучащаяся уверенностью в себе. Сложно было понять, играет ли она и сейчас, или ему открылось ее истинное лицо. В любом случае находиться с ней было хоть и любопытно, но неуютно.

– Это все, конечно, безумно интересно, и я бы с радостью с вами поболтал, чтобы оценить ваши знания, но, увы, не могу. Я должен идти.

Он развернулся к двери, когда она произнесла как ни в чем не бывало:

– Вас не любили в детстве?

– Что за очередные глупости? – развернулся он к ней. Его недовольство только подогревало ее задор.

– И с Марголисами вы не ладите. Вам не нужно ничего из того, что у них есть и что они вам предлагают. Интересный вы член семьи, конечно. Но вам лучше принять их правила и влиться в колею.

– Гедалия надоумил на такие советы?

– Что вы, нет, – качнула она головой, по-прежнему уверенно смотря на него. – Просто так вам станет проще жить с ними. Я давно знаю их, разное слышала... – Она постави-

ла бокал на деревянный подлокотник, вскочила на ноги и подошла к нему. — На кладбищах по всему миру они оставили немало могил. Хотя могилки — это еще милосердно. Большинство тех, кто вставал у них на пути, даже не находили. Разве что по частям. — Она принялась поправлять его воротник. — Один из моих бывших партнеров, владелец большой сети ресторанов, не вернул им вовремя деньги. Большие деньги. И он в какой-то момент просто пропал. — Она закончила с воротником, положила руку Саше на грудь и продолжила, не сводя с него насмешливого взгляда: — Искали его несколько дней. Все это время его рестораны, разумеется, работали. В одном из них посетитель пожаловался на котлету в своем невразумительно дорогом блюде. Он жевал ее с большим удовольствием, пока вдруг во рту у него что-то не хрустнуло. Это оказался кусочек кости. Шумиха поднялась еще та. Фарш в вакуумных упаковках отправили на экспертизу, и вдруг выяснилось, что мясо далеко не самого животного происхождения. Тогда догадывающаяся супруга попросила провести анализ. Оказалось, что в ночь своего похищения владельца сети засунули в огромную мясорубку на собственной кухне. Скорее всего живьем. Фарш расфасовали по пакетам, поставили в морозильные камеры, мясорубку отмыли. Несколько дней сотни человек ели его мясо, веря, что едят отборную, выращенную в особых условиях свинину.

Она усмехнулась, хлопнула его по груди и вернулась к сво-

ему бокалу.

— Если вы не будете принимать их условия или, того хуже, мешать им, они вряд ли посмотрят на то, что вы родственники, — кокетливо улыбнулась она. — Так что будьте осторожнее со своей дерзостью. Меня она возбуждает, но они вряд ли будут долго ее терпеть.

* * *

— Как тебе подарок? — поинтересовался Дирк, усмехаясь. — Что-то ты быстро.

— Прекрасный подарок. Мне особенно понравился момент, когда я понял, что вы решили совратить меня с помощью этой бедняжки. — Саша прошел мимо, намеренно задев его плечо. — А теперь извини, но мне пора.

— Нет, пока мы не отдохнем в нашем казино, как я ранее говорил.

— У меня нет времени.

Дирк нагнал его на лестнице.

— Найди. Напоминаю, что теперь ты Марголис, и мы вправе не только знать каждый твой шаг, но и управлять им, уж извини за прямоту.

— Тогда и я напомню: не собираюсь быть вашим слугой. У меня есть своя жизнь и свои планы. Все, что вам нужно, я дам, но только не свою свободу.

Они спустились к первому этажу и взглянули друг другу

в глаза в напряженном молчании. Дирк закурил.

— Тогда в кабинете ты был готов на что угодно, чтобы я прекратил финансирование. Слово я сдержал: Делинда осталась без моей поддержки, но ты пока что-то не спешишь выполнять свою часть сделки и не представил ни одного патента даже на старье. Так что буду считать моральной компенсацией поход в казино в твоей компании.

Можно было решить, что Саша пытался взглядом пробурить в нем дыру. Он неосознанно сжал подкладку карманов пальто, и его лицо приняло невозмутимое выражение.

Дирк хлопнул его по плечу с победной ухмылкой и двинулся в казино, прислушиваясь к неспешным шагам сына позади. Охрана открыла перед ними двери, и из просторного зала в золотых оттенках повеяло дурманящим ароматом алкоголя. Они ступили на красный ковер с желтым орнаментом в виде крыльев бабочек, прошли мимо круглых столов, полных людей, и устроились в темной VIP-зоне у стены сразу за фонтаном. Когда к ним подошла официантка, Дирк мягко отмахнулся от нее, и она тут же ушла.

Саша старался не заострять внимание ни на людях, ни на обстановке, чтобы лишний раз не тратить силы на осуждение образа жизни богачей. Их поведение, глупые привычки и неконтролируемая страсть к хвастовству были для него непостижимы. Нет, он и сам любил хорошо одеваться, хотя часто его образы были однотипны. Но даже статус самого богатого человека в стране не давал ему повода из-за одного

лишь люксового бренда и поддержания своего статуса в десятки раз переплатить за то, чему можно было найти не менее качественную замену. Разницу в сумме, как он считал, разумнее было отложить на закупку материалов для изобретений, финансирование коллайдера и пожертвования тем, кого больше волнует нехватка денег на еду, а не на новые часы или трость.

Порой Саша задумывался, сколько жизней он мог бы изменить, если бы давно бросил затею с разработкой вакцины и не тратил на это львиную долю своих денег. Но несмотря на маловероятный успех, он был готов потратить еще больше вложенного. Пойти до конца, но перепробовать все.

Дирк покуривал на диване, закинув руку на спинку, и сосредоточенно вглядывался в толпу, точно кого-то выискивал. Ключдер напрягся. Конечно, как он мог даже допустить, корил себя Саша, что отец просто так позовет его в казино. Наверняка решил познакомить еще с одним приятелем.

Наконец взгляд Дирка вцепился в проходившего мимо официанта, и он поднял руку. Официант стушевался. Робко, с вопросительным выражением лица он указал на себя, получил удовлетворительный кивок и подошел к столику.

– Здравствуйте! Добро пожа... – лишь сейчас он рассмотрел обоих гостей и вдруг запнулся от испуга.

Сашу привлекло резкое молчание, и, оторвавшись от гнетущих размышлений, он поднял голову. От увиденного в голове тут же возникли десятки вопросов.

– Здравствуйте, – робко кивнул ему Мелл, сжимая в руках планшет. В белой обтягивающей рубашке с закатанными рукавами, черной шелковой жилетке и брюках в нем сложно было узнать королевскую особу.

– Вы здесь работаете? – Саша уставился на довольного Дирка, как бы вытягивая из него объяснения.

С легкой грустью и невероятным облегчением Мелл осознал, что, хотя вопрос был адресован ему, германского принца интересовали ответы именно от отца. И не из-за того, что Мелл вдруг заинтересовал его, а потому, что ему было интересно узнать, как такое возможно.

– Да, я и раньше тут работал, но немного, – все же ответил он. – Должен отметить, мне пока не разрешают принимать заказы от VIP-персон, поэтому я сейчас позову для вас официанта.

– Ничего страшного, – ответил Дирк со снисхождением. – Я и не заинтересован в... обслуживании случайной официантки, – хихикнул он. – Ну же, расслабься, Мелл. Ты словно проснулся после кошмарного сна.

– Просто это очень неожиданно. – Парень выпрямился и перевел дух, вооружившись планшетом. – Чего желаете?

– Мне, пожалуйста, стосорокалетний Hardy Perfection², один стакан. Тебе, сын, что?

– Ничего.

– Да брось. На тебе лица нет. Тебе нужно хорошо питать-

² Один из самых старых коньяков современности.

ся, иначе твои прекрасные прокаченные мозги скукожатся от голода. Что нам тогда с Гедалией делать, а? – коротко рассмеялся Дирк и хлопнул сына по плечу.

Саша вздрогнул. От каждого такого прикосновения тело на секунды охватывала мерзкая дрожь.

– Хорошо. Я съем что-нибудь.

– Предлагаю нежнейшее каре молочного ягненка, – сказал Дирк.

– А есть что-то, что старше шести месяцев?

– Могу предложить стейк из говядины породы Вагю, – добавил от себя Мелл.

– Отлично! В прожарке rare будет самое то.

– Предлагаешь есть сырое мясо? – Саша смерил его презрительным взглядом и обратился к Меллу: – Давайте well done.

– Но Вагю не рекомендуют жарить до полной готовности.

– Я все-таки попробую. И, раз на то пошло, я бы выпил что-нибудь безалкогольное.

– Может, имбирный коктейль? – предложил Дирк.

– Но... – хотел возразить Мелл.

– Отлично, пусть будет.

Саша не заметил, что Мелл хотел что-то сказать: он не мог дожждаться, когда тот уйдет. Когда это наконец произошло, он повернулся к отцу и спросил деловитым тоном:

– Как так вышло, что делиуарский монарх работает официантом на вилле твоего отца?

– Мелл – парень простой. До того, как его отец женился на Лавинии, он жил в крохотной квартирке, его родители зарабатывали немного. Так что даже королевский статус, который, впрочем, многие не признают, не может тягаться с низшим происхождением, поэтому он не брезгует зарабатывать себе на жизнь таким трудом.

– Смотрю, тебе это только в удовольствие – держать его рядом с собой.

– Есть такое. Ты мог заметить, что он... Как бы это сказать... Одаренный. Одаренный глупостью и наивностью. Он из тех редких, но жалких скромняг, мимо которых проходят сотни возможностей, но ни за одну из них в силу своей скромности они не вцепятся, посчитав, что оно им не нужно. Иными словами, жизнь его так бессодержательна, что я решил помочь парню и наполнить ее хоть каким-то смыслом, пусть даже этот смысл заключается в том, чтобы разносить еду.

Саша подавил желание вступить с Дирком в дискуссию. Вместо этого он язвительно бросил:

– Есть ли предел твоему высокомерию?

Дирк вдавил остатки сигареты в пепельницу. Любой упрек сына приводил его в почти детский восторг.

– Я видел, как ты на него смотрел. Ты ведь недалеко от меня ушел.

– Это не из-за того, что он подрабатывает у вас официантом, – догадываясь, какие вопросы последуют вслед за его

ответом, Саша встал из-за стола. – Пойду прогуляюсь.

К его удивлению, Дирк возражать не стал.

Саша вышел во внутренний двор.

На радость ему, среди немногочисленных гостей, – большая часть сидела в зале, – никто не обращал на пришедшего внимания. Фонтаны, мраморные скульптуры, старинные фонари – многое здесь напоминало двор отеля Гранд-Делиуар, и он решил, что у Марголисов свой узнаваемый стиль в выборе дорогих оформлений.

Он сел на скамейку у скульптуры плачущей девы из зеленого мрамора. Своими изгибами, цветом и волнистыми прядями она напомнила об Анджеллине, и Саша решил написать ей.

«Как вы, принцесса? С вами обращаются хорошо?»

«Доброе утро! Да, телохранительницы, как и ученые, очень обходительные».

«Какие анализы заставили пройти?»

«Заставили?:D Скорее, очень вежливо просили. Я сдала слюну, кровь, меня пропустили еще через несколько аппаратов, один из них был очень похож на ваш, но немного другой».

«Аппарат МРТ, – понял Саша. – Значит, решили прове-

рить ее мозг досконально».

«Говорят о результатах?»

«Нет. И по их поведению сложно понять, хорошо у меня все или не очень. Сказали, что все результаты будут в конце. В любом случае мне дают свободно передвигаться по всему центру. Сейчас, кстати, рядом со мной мама. Так что все хорошо».

«Раз они не бьют тревогу прямо сейчас, вашей жизни в данный момент ничего не угрожает».

Ответ пришлось ждать дольше обычного. Только получив его, Саша перечитал выше написанное и чуть не хлопнул себя ладонью по лбу.

«Что значит «в данный момент»? Думаете, это все-таки смертельно опасно?»

Этого он и боялся – прямого вопроса. Счастье, что разговор шел через мессенджер, потому что будь Анджеллина рядом или разговаривай они по телефону, Саше куда труднее было бы увильнуть.

«Думаю, рано для таких выводов. Я лишь заметил, что,

если бы вашей жизни что-то угрожало, они бы незамедлительно приняли меры».

«Ох, ну слава богу. Вы меня напугали!:D По правде говоря, я осознаю, что это может быть опасно для меня, но надеюсь на лучшее. И то, что я до сих пор на ногах и анализы, во всей видимости, удовлетворительные, лишь подкрепляет мою уверенность. Хоть бы так и было! Не хотелось бы, знаете ли, чтобы я стала тем человеком, которого действительно погубило любопытство, ха-ха-ха».

Саша сильнее сжал телефон и осмотрелся в призрачном страхе, что Анджеллина видит его метания и растерянность.

«Да, это будет действительно глупо. Мне пора, принцесса».

«Извините за наглость, но кое-кто кое-что мне обещал >:(»

«Я помню. И это что-то не заставит вас ждать».

«Хорошо. До скорой встречи!»

«Взаимно».

Он выключил телефон и спрятал его в карман пальто. Сердце щемило отягощающее чувство вины. Анджеллина не должна узнать правду. Это лишь подкосит ее уверенность в том, что все хорошо, а как известно, настрой играет далеко не последнюю роль в выздоровлении.

Он вернулся к столику. Виски, коктейль и стейк на тарелке из сланца уже были поданы.

– Я ждал твоего возвращения. – Дирк схватился за початый стакан, тяжело дыша. – Успел глотнуть без тебя, хотел допить, но решил заказать еще.

Саша сел напротив.

– Все в порядке? – спросил он для проформы, на деле несколько этим не обеспокоенный.

Дирк отпил виски, расправил ворот и с облегчением откинулся на спинку кресла. В следующую секунду он, слегка ерзая, прикусил губу, закинул голову и закрыл глаза.

Саша свел брови на переносице. Он успел лишь открыть рот для следующего вопроса, как вдруг из-под стола вылез темноволосый юноша на вид чуть старше него. Он убрал со лба выбившуюся волнистую прядь, смущенно кивнул Дирку и быстрым шагом пошел прочь.

Саша считал, что отвращение к отцу достигло предела в тот момент, когда он застал Александра выходящим из его кабинета. Но аморальность увиденного сейчас не укладывалась в его голове и не поддавалась объяснению. К горлу подступила тошнота. Выражение его лица оставалось неизмен-

но мрачным, но Дирк разглядел в глазах сына яростное возмущение и улыбнулся.

– Чего же ты сидишь? Стейк остынет, – как ни в чем не бывало напомнил он.

Аромат мяса в сочетании с нотками розмарина лишь обострял тошноту.

– Я не голоден, – выдавил Саша с презрением и схватился за коктейль в надежде, что тот перебьет дурноту. После первых же глотков он ощутил значительное облегчение, но после того, как напиток был допит, тело окатила странная, пугающая, но теплая дрожь, и сердце заколотилось в бешеном ритме.

Потребовались секунды, чтобы распознать невыносимое постыдное ощущение, и Саша, резко отодвинув пустой бокал, процедил сквозь зубы:

– Что было в коктейле?

– Имбирь, наверное.

– Ты знаешь, о чем я говорю! Что было в чертовом коктейле?

Дирк расплылся в улыбке.

– А по реакции своего тела не догадываешься?

Саша вытаращился на него с такой озлобленностью, что Дирк залился безудержным хохотом.

– Тише, тише, сынок. Да, напиток непростой, но ведь это был твой выбор. И твоим главным параметром было отсутствие алкоголя.

– Ты подсунул его мне назло.

– Что ты, нет! – вскинул Дирк руки. – Я лишь предложил, а выбрал ты его сам.

– Изворотливый отвратительный ублюдок.

– Ну, не нужно так обижать своего отца из-за собственной ошибки. Это ведь обычная эрекция, которая неизбежна в жизни любого...

– Заткнись!

Саша сделал глубокий вдох и схватился за голову, уставившись в стол. Стыд нещадно терзал его от одного лишь осознания, что кровь приливает не только к горящим щекам и что брюки ниже пояса стали заметно туже.

– В самом деле не понимаю причин твоей паники. – Веселья в голосе Дирка поубавилось. – Твоя ненормальная реакция на нормальные вещи даже пугает. Если хочешь, я могу позвать того паренька обратно, чтобы он тебе помог. Или ты предпочитаешь девушек? Ах, прости, точно. Ты никого не предпочитаешь. Тогда придется тебе самому как-то с этим справляться. У VIP, кстати, своя уборная, так что тебя никто не услышит...

Саша ударил по столу и вскочил с места.

– Я тебя ненавижу, – пробормотал он, сжимая подрагивающие пальцы в кулаки до выступивших белых костяшек, и оглянулся в поисках таблички, ведущей в уборную.

Дирк нахмурился. Ничто не свидетельствовало о его оживленности секундами ранее.

– Только не говори мне, что ты никогда этого не испытывал.

– Ваш виски, мистер Марголис... – Мелл подошел к столу с подносом в руке. – Вы в порядке, Ваше Высо...

Саша выбежал из-за стола и свернул за угол в пяти метрах от VIP-зоны.

– Что с ним? – обратился Мелл к Дирку и поставил бу-

тылку виски на стол.

— Ему очень понравился коктейль. — Дирк откупорил бутылку. — Если серьезно, то отнесите ему мешочек со льдом. Вижу, он совсем не оценил мою шутку и не собирается справляться с ней традиционными способами. А, и скажите, что шутка продлится не дольше получаса.

Мелл не мог поверить, что участвует в этом, но все же ринулся выполнять просьбу.

К тому времени Саша заперся в индивидуальной ванной комнате для VIP, склонился над раковиной и включил холодную воду. Перед глазами все плыло то ли от обиды и злости, то ли от растущего неконтролируемого возбуждения на грани покалывающей боли и удовольствия. Это ощущение было унижительным, противным, просто невыносимым. Против его принципов, против самой его природы. И это было хуже, чем под ножом Челси. Невозможность уложить происходящее в своей голове сводила его с ума больше всего. Он не знал, как будет с этим жить.

Он намочил руку в холодной воде и приложил ее ко лбу.

Нужно подумать о чем-то плохом, решил он. О чем-то совсем ужасном.

В дверь постучали.

— Саша, вы тут? — послышался робкий голос.

— Уходите! — бросил Саша с хрипотцой.

— Простите, что не предупредил о том коктейле. Я хотел, но Дирк посмотрел на меня так, что я испугался.

– Это вас не оправдывает!

– Он сказал, что это шутка, и просил передать мешочек со льдом. Я-я еще прихватил немного фруктов. В интернете прочитал, что...

– Я не понимаю таких шуток. Вы должны были догадаться, что я понятия не имею о составе коктейля, но вам хватило наглости стать соучастником этой нелепой «шутки» и позволить мне выпить это? – Саша выключил воду и прислонился к стене. – Тогда вы еще дурнее, чем я думал.

После минутной паузы Мелл тихо, виновато ответил:

– Простите, пожалуйста, Саша. Я растерялся. И я не думал, что вы примете это так близко к сердцу.

– А, вы тоже из тех, кто считает подобные выходки безобидными? – спросил принц с нарастающей угрозой.

– Н-нет! Я просто... Мне правда жаль. Позвольте исправить ситуацию.

От холода мешочка со льдом у Мелла начинали побаливать пальцы. Наконец он услышал щелчок и открыл дверь.

– Держите, – не глядя протянул он мешочек и пиалу с разрезанными фруктами. – Это должно помочь. И мысли о плохом. Мне, по крайней мере... То есть...

– Спасибо, – Саша принял все, что ему вручили, не забывая сохранять холодность и отстраненность в голосе, – а теперь уходите.

– Да, конечно. – Мелл закрыл за собой дверь. – Кстати, действие должно пройти максимум через полчаса. Можете

оставить пиалу и выкинуть мешочек. Еще раз извините меня. Я правда не хотел, чтобы все так вышло.

Когда за дверью послышались отдаляющиеся шаги, Саша сел на пуфик в уголке ванной, приложил лед и медленно принялся есть дольки мандаринов, апельсина и виноград. Зрелище, как и способы, корил себя он, смехотворные, но куда лучше и приличнее естественного, но унижительного и нелепого избавления от проблемы.

Саша постарался расслабиться и сосредоточиться на важном. Например, на утешительном подарке для Анджеллины. Не отрываясь от еды, он принялся искать на просторах интернета что-то, что могло поднять ей настроение. И нашел. К моменту, когда напряжение в теле спало, он совершил заказ и убрал лед. Стало значительно легче.

Спустя пять минут принц вышел из ванной и направился в зону VIP, когда случайно стал свидетелем разговора Мелла с директором заведения у барной стойки.

– Мне никто не говорил о таком. Это не прописано в моем договоре.

– Понимаю, но таковы негласные правила.

Мелл нервно мямлил пальцы.

– Простите, но я не могу. Для меня это слишком.

– Та дама уже заплатила за час в твоей компании. Ты не имеешь права отказывать. – Она взяла его за плечо и развернула лицом к залу. – Как много парней ты видишь? Раз-два и обчелся. А мулатов так и вовсе нет. Парням платят в пять

раз больше, чем женщинам, к слову, и из этой суммы ты получишь пятьдесят процентов – свой месячный оклад.

– Почему, прежде чем взять деньги, вы не спросили у меня? – не унимался Мелл.

– Согласно правилам, официанты должны выполнять любые особые услуги без предварительного согласования.

– Но это же проституция, – едва расслышал Саша робкий ответ.

– Нет, это просто особые услуги, прописанные в своде правил, который, как я вижу, ты не читал. В любом случае не заставляй ее ждать.

– Я могу отказаться?

– Да, но тогда ты будешь оштрафован на два месячных оклада, а после отработки уволен.

– Не честнее было бы в таком случае уволить его прямо сейчас? – вмешался Саша.

Мелл шагнул назад. Директор опешила от его появления и переменялась в лице.

– Ваше Высочество, – склонила она голову. – Вы, несомненно, правы, но в случае отказа мы не только должны будем вернуть всю сумму и неустойку в тридцать процентов, но и получим отрицательный отзыв, который незамедлительно поступит к Гедалии.

– Бойтесь, что вам, как директору, достанется? – предъясил Саша. – А то, что заставляете монарха заниматься принудительной проституцией, вас не смущает? Или вы не вос-

принимаете его как монарха из-за его происхождения и не готовы сделать ему скидку на ваши особые услуги?

Мелл переступил с ноги на ногу.

– Кто придумал эти дурацкие правила? – продолжил Саша.

– Гедалия Марголис, Ваше Высочество.

– А я его внук и упраздняю их.

– Но, Ваше Высочество, эти правила фундаментальны и распространяются на всех. Они были еще до меня, до моей предшественницы и до ее предшественницы тоже. Мы не можем в одночасье отменить их.

– А вы постарайтесь, – произнес он с угрозой в голосе. – Я поговорю с кем нужно.

– По правде говоря, – подал голос Мелл, – я бы просто хотел уйти с этой работы, если можно.

Саша вопросительно уставился на директора, и она сдалась:

– Конечно, если вам так хочется. Но все-таки подумайте, Мелл, вам заплатят огромные деньги.

– Это, конечно, очень хорошо и значительно ускорило бы процесс накопления, но я бы не хотел зарабатывать таким малодостойным способом, особенно учитывая, что меня о нем никто даже не предупредил.

– Ах, это! – натянута улыбнулась она. – Мы просто не успели рассказать вам о нюансах. Конечно, мы все согласовываем, просто в этот раз по нелепому стечению обстоя-

тельств не успели.

— В таком случае это ваша вина и отдуваться должны вы, — заметил Саша. — И пару месяцев возмещать убытки будете именно вы, а не он, если только кто-то не ускорит возмещение, заказывая ваши «особые услуги».

На директоре не было лица.

— Конечно, вы правы, Ваше Высочество. Это наш просчет. Если разрешите, я объясню ситуацию той даме.

— Разумеется.

Она вновь поклонилась и ушла.

— Не знаю, что вообще вы забыли в таком грязном месте, — упрекнул Саша Мелла. — Неужели девятнадцатилетний парень может заработать только таким образом?

— Я не знал, правда.

— Полагаю, на пальцах одной руки можно перечислить вещи, о которых вы знаете. Неужели не было понятно, что от работы у Марголисов ничего другого ждать не стоит? Или вы рассчитывали на поблажки от них ввиду вашего статуса?

— Нет, естественно. Это было бы нагло.

Саша был убежден, что даже если бы Мелл пожаловался на притеснения Дирку, который и устроил его на работу, тот не сдвинулся бы с места, чтобы помочь. И сам Мелл знал об этом.

— Спасибо, что вмешались. Мне лучше уволиться.

— Зачем вам много денег? Если у вас какая-то высокая цель, почему бы не попросить их у отца?

Мелл опустил взор.

– Потому что отец считает, что нецелесообразно выкупать мамину квартиру.

Саша не нашелся что ответить.

– Все мое детство прошло в ней, и когда после смерти мамы отец продал ее, чтобы снимать жилье в районе получше, я был очень расстроен. Нет, вообще-то это было так странно. Я и злился, и плакал, и понимал, что нельзя всю жизнь держаться за прошлое, но все равно было страшно обидно.

– Иными словами, очень болезненно свыклись с этой мыслью, – подытожил Саша.

– Да, в точку. Как подумаю о том, что кто-то чужой живет у нас дома, спит в маминной комнате и обедает в нашей кухне, так злость берет. Нет, эти люди не виноваты, они вроде нормальные, но все равно очень обидно.

– Что вы будете делать, когда выкупите квартиру?

– Буду жить в ней.

– Пребывание в старой квартире не сблизит вас с почившей матерью. Это иллюзия. Ловушка. Цепляясь за прошлое, вы упустите настоящее. Я понимаю, что для вас это память, но не стоит опускаться до крайностей.

Он собрался уйти, не предупредив Дирка.

– Спасибо вам, что помогли! – поблагодарил его Мелл вдогонку.

Саша остановился.

– Вас окружают не те люди, чтобы вы могли быть таким

наивным, сентиментальным и при этом невредимым, Мелл. Странно, что вы этого не осознаете и продолжаете вести себя как ребенок.

Норфолк слабо улыбнулся.

– Я всего лишь неосознанно пытаюсь наверстать упущенное. Но это другой разговор.

Саша бросил взгляд в сторону выхода.

– Я не тот, кто может в нем поучаствовать. И я не из тех, с кем вы можете быть наивным и неосторожным.

– Вы не похожи на того, кто может причинить боль человеку.

– Могу. Для этого достаточно не слушать его в момент, когда он нуждается в моей поддержке. Но это, разумеется, касается лишь тех, в ком я не заинтересован. То есть вас.

Саша развернулся и затерялся в толпе.

Улыбка и приветливость Мелла сменились искренним огорчением. Он неосознанно прижал к себе поднос, чувствуя, как с силой бьется сердце о грудную клетку.

14. Забота

Анджеллина зашла в белую комнатку, временно предоставленную ей центром.

Одиночество повергало ее в уныние. Неспешные часы не скрашивали ни развлекательные программы по ТВ, ни сериалы и книги. Разве что мать заглядывала к ней по несколько раз на дню, не стесняясь буравить ученых и телохранителей недоверчивым взглядом. Она была из тех бесстрашных людей, которые не щадят чужие чувства, если дело коснется их интересов, чем нередко заслуживала осуждение обычно обходительной дочери, предпочитавшей добиваться своего без грубости. Это было то, что она взяла от покойного отца, и то, что Лавинию в ней огорчало.

К обеду были сданы последние текущие анализы, но покидать территорию центра настоятельно не рекомендовали, объясняя это тем, что принцесса должна быть под постоянным наблюдением.

Анджеллина взяла с прикроватной тумбы книгу Ремарка и уставилась на обложку, где был изображен солдат в окопе, с запыленной каской и ружьем наперевес.

Она вдруг вспомнила Сашу в библиотеке за чтением книги. Его черствость, близко соседствующая с холодностью и безразличием, временами пугала ее. Никогда нельзя было определить, как сложится разговор. Вот он мило делает ей

замечание, и кажется, что комичность происходящего доставляет ему удовольствие, как вдруг он резко переходит в серьезность. А вот сидит, уставший после многочисленных разговоров и встреч, с недовольным лицом и отсутствующим взглядом, и кажется, что ее компания – последнее, чего он хочет в эту минуту, как вдруг нежным движением руки, едва касаясь ее обнаженного плеча холодными пальцами, от которых по телу пробегает волна мурашек, он как бы случайно поднимает спустившуюся лямку ее платья и оценивает ее образ, говоря тихим бархатным голосом.

Она передернулась. Каким же странным и волнительным был этот его жест. А главное, совсем ему несвойственным.

«А может, напротив, жест ему как раз присущ, просто от усталости он и не подумал скрывать, что способен на него?»

У Анджелины захватывало дух от одной только мысли, каким мог бы быть Саша, если бы не дурные качества, так портившие первое впечатление о нем. Но после недолгих размышлений она осознала, что это будет уже не Саша. Все, что было в нем, – от грубости и бессердечности до нежности и доброты в их непредсказуемых градациях, – делало его по-своему уникальным, манящим и неотразимым.

Лишь немногие, стерпев излишнюю прямолинейность, смогли бы подобраться к сердцевине его сущности. Принцесса чувствовала, что она пока лишь на пути.

Ей ничего не хотелось бы в нем менять. Главное в нем она уже успела прочувствовать и с нетерпением ждала новых

бесед.

Уж в чем все, включая недоброжелателей, могли согласиться, так это в его преданности. В нем не было ни капли легкомыслия и непостоянства, обычно присущих подросткам. Он не поддавался эмоциям, а если и давал слабину, никогда этого не показывал и словно стыдился их проявлений. В такие моменты Анджеллине хотелось его обнять, но предугадать его отношение к непрощенной близости было практически невозможно. В те моменты, когда Анджеллина давила на больное и ждала от него в ответ яростного напора, он выглядел неожиданно уязвленным, напуганным, но никак не злым, и ей казалось, что именно в такие моменты она и видела ту самую сердцевину.

– Ваше Высочество? – обратились к ней за дверью. – К вам пришел Саша.

– О! – воскликнула Анджеллина, вскакивая с места. – Пусть заходит, конечно же.

Она повернулась к зеркалу у тумбы и поздно поняла, что поспешила с ответом. Больничная белая форма из свободных брюк и футболки и растрепанные распущенные волосы – явно не лучший образ для приема гостей. Хотя с каких пор ее волнует, как она будет выглядеть перед Сашей – последним человеком на планете, которого это заинтересует в данных обстоятельствах?

В комнату зашел Клюдер, придерживая высокий торт в коробке из прозрачного пластика. Вслед за ним охранницы

занесли большие бумажные пакеты.

– Добрый день, принцесса.

Анджеллина подошла к нему и растерянно спрятала руки за спиной.

– Смотрите, вы решили не мелочиться. – Она перевела восхищенный взгляд на торт. – Очень красивый. Хотите, чтобы у меня испортились зубы?

– Думаю об этом днями и ночами, – усмехнулся он, поставив коробку на стол у зеркала.

– А что в пакетах?

– Все то, что вы, судя по анализам крови, должны есть. – Принц повесил пальто на вешалку. – Если, конечно, вас не пугают проблемы со здоровьем после двадцати.

Анджеллина раскрыла один из пакетов и вытащила пластиковую коробочку с идеально очищенной клубникой.

– Решили накормить меня фруктами? – Краем глаза девушка заметила выглядывающие из других пакетов упаковки с голубикой, зернами граната и виноградом.

– Банально, но вам будет полезно.

– Тогда разделите со мной этот обед, ведь вам он тоже будет полезен. А потом приступим к сладкому.

– Как скажете.

Поразительная уступчивость Саши грела душу. Они сели за стол и, прерываясь на фрукты, заговорили.

– Вижу, у вас все действительно хорошо. – Саша задрал голову и оглянулся. – Комнату вам выделили неплохую. Вся

белая, как врата на небеса.

– А вы верите в небеса? К слову, а какая у Клюдеров вера?

– По умолчанию католицизм, но со Второй мировой они поклоняются богу ордена Creatio Azazel.

– Но вы, конечно же, атеист, – хихикнула Анджеллина.

Саша наклонился ближе к ней, не снимая маски насмешливости.

– Потому что ученый?

– Но ведь вы все верите в теорию эволюции.

– Теория на то и теория, не более чем предположения. В ней слишком много недостающих звеньев. Мне не нравится думать о себе как о бездушной эволюционировавшей рыбе. И большинство современных ученых – верующие. Более того, когда-то наука и вера были неразделимы.

– В учебниках из моего детства говорилось, что люди произошли от обезьян, а те от рыб, и это, мягко говоря, конфликтовало с католическими учениями, которые я проходила одновременно со школьной программой.

– Вы верите в это искренне или потому что вам сказали в это верить? Ведь королевские особы в разных странах обязаны следовать предписанной каждой династии вере.

Анджеллина задумчиво, слегка стыдливо уставилась в коробку с голубикой.

Саша понял ее ответ без слов.

– К счастью, я последний в династии Клюдеров и вправе не верить или верить во что угодно. Так что я просто ученый,

который старается жить достойно, работает, служит науке и верит в бога, создавшего наш во многом необъяснимый мир – от атомов и принципов их работы до галактик – и наши не менее необъяснимые души. Верю я и в то, что он использовал посредников, чтобы донести свою истину до всех народов, но эти самые народы, в частности папы, короли и прочие правители, истину постоянно искажали и добавляли что-то свое.

– Жаль, вы не видите того прекрасного, что вижу я и миллионы других людей.

– Я считаю, что объективизация веры и возведение каких-то простых предметов до символов религий, – особенно тех предметов, история возникновения которых или туманна, или сомнительна, – а также поклонение этим символам сильно ограничивают веру и ставят рамки, хотя суть любой веры в обширных, бескрайних взглядах. Я человек свободолюбивый, поэтому не спешу загонять себя в рамки. Слишком много вопросов во многом исторического характера остались без удовлетворительных ответов и в целом не дают мне это сделать, так что простите за то, что не могу прочувствовать вашу... близость с бесконечным и божественным.

Анджеллина приняла его ответ с улыбкой. Ничего другого в этом вопросе от него не следовало ожидать, однако то, что он хоть во что-то верил, ее приятно удивило.

– Но мы отошли от темы разговора. – Саша перенес торт

на обеденный стол и открыл крышку. – Как вы себя чувствуете в данный момент?

– Жаль резать такую красоту. – Анджеллина пропустила вопрос мимо ушей. – Покрытие под зеленый мрамор на белом смотрится потрясающе.

– Вы словно никогда не видели торты.

– В подарок от вас уж точно. Поэтому он выглядит особенным.

Только произнеся это, она осознала, что сболтнула лишнего. Щеки словно обдало жаром. Она постаралась принять невозмутимый вид и продолжила:

– Возвращаясь к вашему вопросу. Мы ведь уже все обсудили. Ничего в моем состоянии не изменилось ни в худшую, ни в лучшую сторону.

Саша разрезал торт.

– А есть простор для изменений в лучшую сторону?

Он положил кусок в тарелку и поставил ее перед Анджеллиной.

– А вы?

– Я наелся.

Анджеллина не стала спорить, хоть страшно этого хотела. Она взяла вилку, отломил кусочек и отправила в рот.

– Вы должны это попробовать. Он очень вкусный, – предприняла она последнюю попытку.

– Я не хочу.

Принцесса проглотила еще один кусочек и отодвинула та-

релку.

– Не могу есть ваш подарок перед вами, когда сами вы отказываетесь его со мной разделять, но вижу, уговаривать вас бессмысленно. Что-то изменилось с тех пор, как прекратилось финансирование Делинды? Я не смотрела новости в последние дни.

– Пока ничего не изменилось. Люди как гибли, так и продолжают гибнуть, пока Дирк водит меня по родственникам-извращенцам и казино. – Саша усмехался, но глаза его выдавали печаль. – Видите ли, Марголисы правда считают меня своим цепным псом и возражения на этот счет принимают в штыки.

– Вы обязательно справитесь с этим. Я знаю, для вас это унизительно, но раз уже начали, то должны закончить дело.

Саша опустил благодарный взгляд.

– Я не знаю, что мне нужно сделать, чтобы все это прекратить. До Делинды не добраться, от Дирка ждать помощи не приходится, армия с каждым днем отступает к югу, открывая путь к Берлину. Уже скоро здесь будет небезопасно. Как только закончат все обследования, вы должны уехать и не соваться сюда, что бы ни случилось. – Он резко помрачнел и продолжил негромким, но суровым голосом: – Отнеситесь к этому со всей серьезностью и оставьте свои классические побеги. В этот раз, если увижу вас на пороге, я лично позабочусь о вашей отправке домой.

Анджеллина опустила плечи и положила в рот голубику.

– Вы намекнули, что мои анализы показали недостаток витаминов. Что-то еще?

– Больше ничего. Обычных технологий недостаточно. Я в поисках других решений. Вы только не переживайте, процесса.

– Почему вы всегда ко мне так обращаетесь?

– Как – так?

– Называете принцессой, когда другие говорят «Ваше Высочество».

– Вы хотите, чтобы я обращался к вам так же, как все?

Анджеллина стушевалась.

– А впрочем, хорошо звучит. Миленько.

– Да, миленько, – согласился Саша.

Мобильный в кармане пальто завибрировал. Саша не спешил подходить к вешалке. Последовал следующий сигнал. Наперебой раздались третий и четвертый.

В сердце Саши поселилась тревога. Он вытащил мобильный из пальто и разблокировал экран. Четыре новых сообщения от Дирка.

«Ты видел это?» – говорилось в первом сообщении.

Следом шел ролик. С первых секунд просмотра тело обжало жаром, точно в него залили раскаленный свинец.

Анджеллина недоумевала:

– Что-то серьезное?..

Канонада выстрелов, смешанная с истошными криками, впечатала ее в спинку стула. Она вытаращилась сначала на

телефон, затем на Сашу, требуя объяснений, но в глубине души не хотела знать ответ. Саша взглянул на нее невидящими глазами, схватил пальто и выскочил из комнаты, не проронив ни слова.

15. Крик души

Ролик, присланный Дирком, был выложен в сеть пятнадцать минут назад, но успел разлететься по всему миру. События, снятые на камеру телефона, обсуждали ведущие всех новостных каналов. На один из них, включив телевизор, случайно попал Каспар.

— ...Сложно поверить, что этот воистину чудовищный акт против человечности, в частности против воспитанников детского дома, не только был организован британской армией, но и снят на камеру и выложен в Сеть. Следующие кадры носят аморальный характер и могут вызвать шок. Перед просмотром убедительная просьба убрать детей от экранов.

Едва увидев толпу перепуганных детей, Каспар непроизвольно вжался в кресло. Дыхание стало поверхностным, словно внутри что-то мешало вдохнуть полной грудью. Руки обхватили подлокотники. Говор и всхлипы детей становились громче. Одна девочка в красном платье на вид пяти лет выглянула из-за плюшевого кролика, которого прижимала к себе, и посмотрела ровно в камеру. В отличие от других, она молчала. Ее лицо не выражало ни горя, ни страха. Большими умными глазами под жалобно вздернутыми бровками она изучающе смотрела по сторонам. Женщина позади резко прижала ее спиной к своей груди, и она неуклюже покачнулась, чуть не потеряв равновесие.

– Зачем они это делают? – спросила она на немецком, здоров к женщине голову, тонким, едва различимым голоском.

– Спрячься за мной, милая, – произнесла женщина, задышавшись от волнения.

– Зачем?

– Давай, скорее! – Она выступила вперед, спиной к детям – лицом к врагам. – Держи зайку крепче.

– Нам с Лени страшно, – только и успела промолвить девочка.

– Мне тоже! – подхватили другие громче.

– Умоляю, остановитесь! – истошно кричал кто-то за кадром, прерываясь на рыдания. – Это же дети! Одумайтесь!

– Приготовиться, – скомандовал кто-то властным голосом. – Огонь!

Началась пальба. Врагу хватило и десяти секунд, чтобы стихли все детские голоса.

Камера съехала вниз, к безжизненным маленьким телам. Где-то за спиной женщины выглядывал испачканный кровью зайка.

Запись прервалась.

В студии ведущей было тихо. Она сглотнула, потерла переносицу, подняла взгляд и заговорила твердым, но горьким голосом:

– Территории, на которых находился пункт отправки беженцев, сейчас под контролем британской армии.

Каспар приложил кулак к губам и склонился над коленя-

ми. Он не мог сглотнуть ком в горле и выровнять дыхание.

Повернув голову влево, он заметил в дверях Александра с котенком в руке.

– Ты не должен смотреть новости, – напомнил он повелительным тоном.

Король прошел в комнату, схватил пульт со стола рядом с креслом, выключил телевизор и сел напротив. После недолгого молчания, прерываемого урчанием котенка на коленях Александра, он промолвил извиняющимся тоном:

– Ты не виноват в этом.

И принялся гладить котенка под шеей.

– Давай придумаем ей имя? Я подбирал и мужские имена, но раз ветеринар сказал, что это девочка... – Александр украдкой взглянул на Каспара. Тот продолжал сидеть все в той же позе, уткнувшись лбом в ладонь. – Как насчет имени Кассандра? Или лучше Кэсси?

Каспар глубоко вздохнул, взглянул на него исподлобья и пробормотал:

– Прошу, не делай вид, что тебя это не волнует.

Александр оробел и тут же перевел взгляд на котенка.

– Раньше не проходило минуты, чтобы я не думал об этом. Я плакал, нервничал, мучимый кошмарными снами и преследующим меня чувством вины. Затем эгоистично стал абстрагироваться от этого. Прятаться в мыслях о счастливой жизни, о тебе. – Его губы тронула грустная улыбка. – Но только на днях понял, что... нельзя страдать из-за того, что

не можешь изменить. Звучит жестоко, но что толку, если все останется как есть, если происходят вещи, не зависящие от нас...

– Ты знаешь, что это не так, – резко прервал его Каспар, качая головой. Он не мог винить его за такие суждения. Александр продолжал пить таблетки, подавляющие тревожность, морально устал от ответственности и все еще был горячо им любим, из-за чего Каспар был готов простить ему любой грех. И все же его анализ – логичный, но не менее жестокий – что-то в нем пошатнул.

– Ничем хорошим для нас это не закончится. Я не готов к таким жертвам. – Александр положил котенка на свое место, встал перед поникшим Каспаром и положил руки ему на плечи. – Перестань думать об этом. По себе знаю, это очень непросто, но просто осознай, что мы не сможем остановить Делинду без вреда для себя. Ты так и вовсе сейчас на лечении.

– Александр... – Каспар снял его руку с плеча, а затем поднял к нему голову.

– Пообещай мне, что ты больше не будешь интересоваться новостями.

– Ты видел это?

– Да, видел. Без слез смотреть невозможно.

– Это лишь немногие из тех, чьи смерти мы увидели.

– Их уже не вернуть.

Каспар отстранился от него. Кадык на его сильной шее

дернулся вниз, и он разомкнул губы, желая, но не решаясь что-то сказать.

– Пообещай, – повторил Александр ласковее. – Я знаю, тебе очень непросто. Я поступил с тобой несправедливо. Но скоро все закончится, и мы забудем об этом.

Уголки рта Каспара дрогнули в печальной улыбке. Он снял руки со спины Александра и устремил взгляд в сторону.

– Почему ты так упорно пытаешься обмануть и себя, и меня?

– Потому что только так на войне можно сохранить здравый рассудок.

Каспар лишь слабо кивал, не смея взглянуть ему в глаза.

Александр в последний раз погладил котенка и молча вышел из комнаты. Не успел он перевести дух, как на этаж поднялась горничная.

– Ваше Величество, – обратилась она к нему, – к вам пришел мистер Марголис. Ждет в главной гостиной. Вам что-нибудь принести?

От ошеломления у Александра пересохло в горле.

– Воды, пожалуйста, – тихо промолвил он.

«Неужели теперь Дирк всегда будет заявляться, когда не просят?» – Александр был готов вскрикнуть от негодования. Медленно шагая в сторону гостиной, он отсчитывал секунды, прежде чем доберется до ее дверей, и пытался подготовить себя к разговору с нежеланным посетителем – очередному кругу ада, который предстояло пройти. Снова вдыхать

его восточный тошнотворный парфюм. Снова вздрагивать от его властного голоса. Снова прилагать все усилия, чтобы не заплакать.

Александр прошел в гостиную.

– Рад видеть вас, мой милый король. – Дирк отложил трубку и встал с кресла.

– Зачем вы снова пришли?

Улыбка Марголиса медленно сошла на нет, и он опустился в кресло.

– Вижу, вы не очень рады видеть меня, как и всегда. Уж простите, что приходится иногда отягощать вас своим присутствием, но мне трудно отказать себе в удовольствии видеть вас. Я-то надеялся, что вы хотя бы поздравите меня с воссоединением с моим сыном. Для меня это важное событие. – Затем Марголис по-хозяйски махнул трубкой в кресло напротив. – Ну же, садитесь.

– Я постою.

– Дело ваше. – Он затаился и выдохнул. – Делинда проклиная меня всеми возможными способами?

– Так зачем вы здесь?

– Вы видели тот ролик, верно? Конечно, видели. Все мировые каналы показывают его прямо сейчас. – Дирк смахнул пепел на пол. – Убийство детей вселяет невероятный ужас, не правда ли? Ваша сестра как-то сказала мне, что дети – истинный символ мира. Я же считаю, что не только. Они также символизируют невинность, смысл существования многих

людей. Согласитесь, аморальные действия в отношении детей пробуждают в людях куда больше эмоций, чем если бы эти действия были применены в отношении взрослых людей. Безвременная кончина взрослых мало кого удивит и практически никого, кроме родственников, не растрогает до слез. Но безвременная кончина детей... – Он выдержал паузу. – Ничто не может вызвать больший ужас, чем их смерть. Это есть одна из самых аморальных, чудовищных вещей. Она вызывает непонимание, жалость, гнев к несправедливому миру, ослабляет веру в человечество. Настоящий ураган эмоций, согласитесь. И сейчас все, кто хотя бы слышал о расстреле воспитанников детского дома прямо во временном пункте размещения, быть может, всего за день до отправки в безопасное место... Так вот, все эти люди винят в этом вас. Они бы, может, смогли принять классические разрушения деревень, городов, смерти солдат, по умолчанию рабочих единиц, смысл жизни которых умирать на полях сражений, но никак не уничтожение неприкосновенного символа мира. А его не просто уничтожили, вы еще и кичитесь этим. «Смотрите! – размахивал он руками. – У вас еще остались сомнения в серьезности наших намерений?»

– Я к этому не причастен! – резко выпалил Александр.

– Разумеется. Вы слишком мягкосердечный для такого.

Но ваша сестра, к несчастью, нет.

– Не называйте ее моей сестрой.

– Да, конечно, – отмахнулся Дирк. – Ситуация серьезная.

Вы не как некоторые ваши бывшие союзники – это пятно никакими благими делами вам не отмыть никогда. И даже не сделать его бледнее. Оно так и останется нетронутым на некогда безупречной репутации вашей крохотной островной страны. Репутации, выстраиваемой вашими предками столетиями, и запятнанной кровью кучкой солдат во главе с эгоистичной стервой с синдромом дефицита внимания... – Он коротко высмеял этот вывод, задумчиво смотря куда-то вперед. – Но дело даже не в этом. Как вы собираетесь с этим жить? И дальше продолжите отсиживаться в уютном особняке в ожидании завершения этого кошмара, когда вы сможете упаковать чемоданы и свалить куда-нибудь на край света?

– Я считал, что вам нравится происходящее.

– Да, война весьма занимательна, но, признаться, сначала она мне приелась, а после этой записи даже меня начало воротить. Подлый, грязный, нечестный ход. Отчаянный ответ на прекращение финансирования. «Я и без тебя справлюсь, проклятый Дирк!» – вот что я слышу. А как видите ситуацию вы?

– Вы правы, Делинда очень зла. Теперь она будет действовать грубее.

– И что вы сделаете? Продолжите лежать в ожидании, когда она опять подергает за ниточки? Мой сын, к примеру, тут же помчался в Бундестаг на внеплановое совещание.

– Если вы так дорожите своим сыном, почему бы не помочь ему остановить Делинду?

– Мой милый король, я могу повлиять на многие вещи, на ход истории, прекращать или начинать войны, но это не значит, что я хочу делать это. Это ведь нечестно по отношению ко мне, вам не кажется, если я буду решать все проблемы? Великобритания и Германская империя не мои страны. Моя страна – Делиуар. Если у меня возникнет интерес, я могу повлиять, но полностью забрать управление штурвалом – не велика ли честь? Да и гордыня Саши такая непомерная, что он ни разу по-человечески не попросил меня помочь ему.

– Вы даже не пожелаете отомстить Делинде за его страдания у нее в плену? Или... вы сами их организовали?

– Саше нужна была встряска. А потом я героически спас бы его, но он и здесь не захотел прыгать мне в объятия с благодарностями за спасение.

– Вы организовали все – от простых пыток до попытки изнасилования?

Дирк изменился в лице.

– Изнасилования, вы сказали? – спросил он тихим, угрожающим голосом.

– Делинда организовала это на глазах у солдат. Она хотела унижить и запугать его. Наняла двух преступников – женщину и мужчину, но... Они не успели ничего сделать. Я застрелил женщину.

Дирк пристально смотрел на короля, словно обдумывая очередной подлый план.

– Вот как. Она решила добавить немного отсебятины. А

как Саша себя вел?

– Уклонялся, убегал, пытался дать отпор. Словом, сопротивлялся, хотя по глазам было видно, что он сам не верил, что сможет этого избежать. И все равно старался не подавать вида.

– Значит, Делинда сделала это, чтобы его запугать? Странно, что она не поделилась со мной своими планами. Нужно будет с ней поговорить.

Наступила пугающая тишина.

– Кстати, как вам мой подарок?

– Какой подарок?

– Ну как же? – Марголис отпустил хитрый смешок и обратил на короля веселый, почти насмешливый, с прищуром взгляд. – Я о том прелестном создании, от которого вы, если верить рассказам, не отходите день и ночь.

Александр пожалел, что не сел в кресло: ноги словно подкосились.

– Ч-что?..

В этот момент в комнату зашла служанка с котенком в руках.

– О, дайте мне ее, – вскочил с места Дирк.

Избегая зрительного контакта с королем, девушка вручила зверька прямо в руки Марголиса и поспешно вышла из комнаты.

– Разве она не прелесть? Просто вечно урчащий комочек. – Дирк сел в кресло. – Я знал, что вы оцените. Не так

много зеленоглазых котят с таким окрасом осталось, кстати. В какой-то момент они вышли из моды, их перестали разводить, но всего год назад эти чудачки вдруг осознали, что для услады их глаз не хватает пушистого мяукающего четвероногого именно с таким цветом шерсти и глаз. Пока не успели пустить, как говорится, в массовое производство, так что вы счастливчик. И я не хочу вытягивать из вас благодарность, но буду рад ее...

– Сколько? – сглотнул ком в горле Александр.

– Что – сколько? – спросил Дирк, не поднимая головы.

– Сколько она стоит?

Дирк медленно поднял на него насмешливый взгляд, и по телу Александра пробежала волна мурашек.

– Вы хотите выкупить свой подарок, я правильно понимаю? – спросил он голосом напряженным, как натянутая струна, но удивительным образом не лишенным такой простоты, что услышь Дирка кто-то посторонний, не знающий суть беседы, не понял бы никакого тайного смысла.

Александр же уловил его отчетливо. Отчего-то ему вспомнились разговоры с отцом, каждый из которых был непредсказуемым и тревожным. Любое неосторожное слово – скандал и шквал угроз.

– Именно так, – вымолвил он с трудом.

Дирк походил на затаившегося зверя, подумывающего, как ему поступить со своей жертвой. Он вытянул лицо и изобразил удивление.

– Обидно вообще-то. – Марголис опустил котенка на пол. – Никогда мне еще не предлагали деньги за мои же подарки.

– Меня с вами ничего не связывает, – постарался сгладить свой ответ Александр. – И такие дорогие подарки неуместны.

– О, молю, давайте без притворств, – махнул рукой Дирк. – Когда вы нервничаете, у вас это плохо получается. Так и скажите, что я вам крайне неприятен после нашей, хочу напомнить, крайне выгодной для вас сделки. И для меня все еще остается загадкой, почему. Нет, я понимаю, что в конституции вашего воспитания не прописана продажа своего тела даже ради правого дела. Для вас это аморально, и видеть меня – человека, щедро заплатившего вам, тяжело, потому что в уме вы считаете меня насильником. Ведь так?

Александр чувствовал, как его начинает трясти.

– Не понимаю я другого. – Дирк встал и обошел кресло. – Как пятьдесят миллионов не смогли усыпить вашу порядочность? Сколько же я должен заплатить, чтобы вы обо всем забыли?

– Мне не нужны деньги. Я просто хочу... Просто...

Дирк облокотился о спинку кресла, вытащил сигару из своего кривого рта и заговорил монотонным голосом:

– Ну же. Скажите это наконец. Не могу же я вечно читать ваши мысли. Имейте смелость наконец сказать, что вы ненавидите меня. Что я вам страшно противен. Что даже стоять

рядом со мной для вас – нестерпимая пытка, и вы скорее предпочли бы ей сеанс очищения от Ордена. Что после меня вы не можете прийти в себя. Что чувствуете себя предателем и изменщиком. Что слезы душат вас прямо сейчас, и вы страстно желаете их высвободить, но гордость не дает вам этого сделать.

По щеке Александра скатилась слеза.

– Вы думаете, я прихожу сюда специально, чтобы вы страдали? О нет, до этих пор я питал надежду, что если вы будете видеть меня таким, каким я был всегда, пока впечатление обо мне не испортил тот случай, то потихоньку забудете о том, что было между нами.

– Каким образом это должно меня утешить? – спросил Александр дрожащим голосом.

Дирк затаился и встал так, что свет оттенял его грубый профиль.

– Уж поверьте мне, мой милый король, если бы я хотел повторить то, что сделал с вами, я бы обязательно нашел быстрый способ осуществить это. Хоть сейчас. Но, как я и говорил, я не из тех, кто может наслаждаться насилием, а взаимовыгодные сделки, как я вижу, травмируют вас не меньше. К тому же я чту нашу договоренность, гласящую, что больше такого не повторится. Что ж, пусть будет так.

Он бросил сигару на ковер и спрятал руки в карманы.

– Прошу, уходите.

– Я уйду. Но потом приду снова. Как вы могли понять,

прислуга у меня под колпаком, но пусть это вас не пугает. — Марголис приблизился к Александру вплотную. Не переставая странно улыбаться, Дирк склонился к его уху. — Однако, если вы захотите, если вы просто скажете мне это так, как чувствуете, дадите волю своим эмоциям, я больше не приду. Даю слово.

Слезы неустанно катились по щекам. Тело горело огнем страха и отвращения.

— Я больше... Никогда не хочу видеть вас...

— Громче.

— Я больше никогда не хочу видеть вас, — произнес король тверже.

— Еще громче.

Не переставая улыбаться, Дирк отошел, чтобы видеть его лицо.

— Я больше никогда не хочу видеть вас! — вскрикнул Александр, и лицо его исказилось гневом. — Вы бессовестный, бесчестный, жестокий манипулятор. Вы хуже любого из всех чудовищ, о которых я слышал. Вы хуже Делинды! Вы не знаете ни любви, ни ласки. Вы лишь берете, меняете, но никогда не готовы отдать что-то просто так, бескорыстно, и даже в такие подарки, как это бедное создание, вкладываете свой смысл, способ манипуляции. И эти дети погибли от пуль, которые вы оплатили, от рук солдат, которых вы купили! Больше никогда не появляйтесь в моей жизни! Вы один из тех, кто искалечил ее, сделав ее еще невыносимее. Я никогда вас

не прощу! Я ненавижу вас всей...

Александр проглотил последнее слово, едва почувствовав, как трутся о его ногу. Он опустил голову. Котенок, задрав к нему голову, издал тонкий писк и вцепился коготками в его штанину.

От невероятной смеси эмоций Александр задрожал всем телом. Он наклонился, взял котенка на руки и прижал его к груди, слыша его урчание, прижимаясь к его голове мокрой щекой.

– Господи, – выдохнул он сдавленно.

Он закрыл свободной рукой лицо, и зашелся горестным жалобным плачем.

Мимо пронеслись глухие шаги.

– Что ж, – вздохнул Дирк, – пусть так и будет. Я больше вас не потревожу. Деньги за котенка возвращать не нужно. Считайте, вы сами его нашли.

За спиной послышался щелчок.

Александр сел в кресло и закрыл лицо руками. Несколько глубоких вдохов успокоили его. Он вытащил телефон из кармана и набрал номер.

– Алло? Здравствуйте.

– Ваше Высочество, – поприветствовали его на другом конце, – вы чего-то желаете?

– Да. Необходимо провести один платеж.

Спустившись в парадный вестибюль, Дирк направился к выходу, где уже ждали телохранительницы, как вдруг его

окликнули:

– Мистер Марголис.

С лестницы, чуть прихрамывая и опираясь на трость, спускался Каспар.

– Как ваше здоровье?

– Лучше, чем я опасался.

– Вы что-то хотели?

– Да, уделите мне минуту. Мне нужно с вами поговорить.

16. Пытка

Вечером того же дня в Бундестаге организовали экстренное собрание.

Саша ожидал, что после объявления о родстве с Дирком отношение к нему изменится. Так и случилось: уже на входе в Рейхстаг члены собрания склоняли головы в книксене и отводили взгляды, чтобы ненароком не вызвать негодование наследника Марголисов. Он и не думал наслаждаться обретенным превосходством. Все мысли занимали жестокие кадры расправы над детьми. Для него это был вызов, и он знал, что не имеет права медлить с ответом.

Он зашел в зал за несколько минут до начала собрания и встал у тумбы лицом к депутатам в фиолетовых креслах.

Карла Шварц, председательница Бундестага, и Верена Краузе, канцлер, заняли места сзади, под символом собрания – орлом с раскинутыми крыльями на стеклянной стене.

Часы пробили шесть часов.

– Добрый вечер, коллеги, – начала Карла глубоким, со старческими нотками голосом. – Прежде чем мы начнем внеплановое совещание, я бы хотела от имени всех членов Бундестага принести извинения мистеру Марголису...

– Ключеру, – прервал ее Саша. – Если вы, конечно, обо мне.

– Просим прощения...

– Давайте сразу перепрыгнем через ваши притворные извинения, которых, уверен, я бы не дождался, не стань Марголисом, и перейдем к делу, ведь вы не извиняться передо мной за когда-то проявленное неуважение собрались. – Он щелкнул пальцами, с притворным удивлением смотря вверх. – Ах, точно, еще потому что забрали тело дорогого мне человека и расчленили его, хотели забрать и Астру, но здесь вам не повезло, а затем посадили меня под домашний арест, как какого-то преступника.

Саша начал жалеть, что не может полностью насладиться их стыдливо опущенными взглядами. Он видел, как сильно Карла хочет возразить, и ей, казалось, действительно искренне было стыдно.

– Что у нас с армией? – спросил Саша холодно. – Как случилось так, что каких-то сорок человек не успели вывезти и оставили погибать? И большая часть из них – дети. Это провал... Нет, даже не так – катастрофа. Настоящий теракт против морали. Чем вы собираетесь отвечать?

– Армия отступает. Мы ждем поставку новых снарядов и ракет. Враг слишком силен, у него много оружия.

– Да, я знаю об этом, вы ведь буквально подарили его им, когда оставили Куксхафен и не вывезли часть нашего оружия на базу. Да, старого. Да, с заброшенной базы, но это не отменяет того, что его можно было использовать в наших целях. Кто-нибудь может мне объяснить, почему никто не вывез это оружие? Вы ждали, когда я вернусь из заточения и

в перерывах между обмороками и лечением лично органирую это? У вас было минимум два дня, чтобы сделать это. А теперь они нашими же боеприпасами, нашими же ракетами уничтожают наши же земли и убивают наших людей. Как жестоко обошлась с нами ирония, верно?

– Там было одно старье. По нашим данным, у них достаточно своего новейшего оружия.

– Достаточно, но некоторые извращенные солдаты не прочь потешить себя убийством наших людей нашим же оружием.

Он перевел дух.

– Демонстративное убийство детей на камеру – это плевок в нашу сторону. Они говорят нам: «Смотрите, на что мы способны. Мы своего добьемся». Их не останавливает даже то, что ЗНР стало частью принцессы Анджеллины, а это уже конфликт с другой страной. Но нет, они не спешат с ними конфликтовать. Они знают, чем это все обернется для них.

– Вероятно, они приняли заявления Ее Высочества за блеф и уверены, что это отвлекающий маневр, чтобы затруднить их положение.

– Возможно. Но что-то мне подсказывает, что Делинда так не считает и прекрасно знает правду.

– Делинда? Вы все еще считаете...

– А вы все еще мне не верите? Я видел и слышал ее так, как вижу и слышу сейчас вас. Она стоит за всем этим с самого начала. Александр лишь инструмент, его она под угрозой

шантажа вынудила работать на себя.

Депутаты переглянулись, демонстрируя недоверие, но ввиду нового статуса Саши из всех сил старались сделать это помягче.

– Знаю, вам мало слов. Нужны доказательства. У меня их нет, но я прошу поверить мне. Угроза не в Александре, она в его сестре, правящей из-за кулис. Разговаривая с ним, мы на самом деле разговариваем с ней. И она принимает все решения. Расстрел тех детей тоже с вероятностью сто процентов был только ее решением. Я не уверен, что Александр вообще был в курсе ее планов, хотя, даже если бы знал, он не смог бы препятствовать.

– Если все так, если Александр и правда лишь пешка, что его держит рядом с Делиндой? Она угрожает ему смертью?

Саша чуть отступил от микрофона и заговорил на тон тише:

– Не обладаю такой информацией, но я знаю его лучше всех вас вместе взятых. Он спас меня в плену. Я говорил с ним после. Он жертва, попавшая в ловушку, и если бы условием ведения войны была только его жизнь, уверен, он бы предпочел отдать ее, нежели стать соучастником этих преступлений.

– К чему вы клоните?

– Через пару недель решится судьба нашей страны. Если мы выиграем и военный трибунал доберется до него, мы должны принять во внимание эти факты, прежде чем вы-

носить приговор. Если же проиграем, а вероятность этого страшно велика, мы должны минимизировать потери. Прямо сейчас ускорьте темпы эвакуации людей из ближайших к военным действиям регионов, увеличьте количество рейсов из страны на самолетах и поездах. Людям, у которых нет денег, необходимо предоставить жилье. Нужно разработать программу, по которой все беженцы, а также родственники погибших будут получать пособия вплоть до конца войны. Со своей стороны я лично предоставлю гуманитарную помощь, но нужно будет выделить ее и из бюджета. Целью Делинды является не просто обладание ЗНР, а полное уничтожение власти и Германской империи как государства. Мы должны приложить все усилия, чтобы предотвратить это, но готовиться к худшему.

– Мы вас поняли, мистер Клюдер, – махнула Карла в успокаивающем жесте. – Уверена, в зале не найдется тех, кто будет против. Мы все еще скептически относимся к заявлениям о том, что за Александром стоит Делинда. Надеюсь, вы понимаете, почему, и не злитесь из-за наших сомнений. В остальном мы сделаем все так, как вы скажете.

– Я хочу добиться переговоров с Александром.

– Бундестаг трижды отправлял соответствующий запрос, – ответила Верена Краузе. – И трижды нас проигнорировали.

– Но запрос не отправлял я лично. И я займусь этим.

Одри Хьюз зашла в свой временный кабинет, больше напоминавший душную каморку со скудным освещением низко свисавшей лампы. Холодные бетонные стены напоминали ей стопку коржей – лишь так, наспех, можно было создать здание с помощью большого 3D-принтера.

Она потерла замерзшие руки, застегнула термокуртку и включила обогреватель у старенького стола, загруженного кипами папок и маленьким ноутбуком в толстом черном чехле. Едва сев за него, она услышала предупредительный стук в дверь. Рейн молча зашла внутрь, села за покореженный стул в углу и уперлась локтями в колени. Распущенные волнистые волосы оттеняли ее скорбное лицо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.